

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN: 2312-3184

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№ 1 (116)

г. Иркутск

2026

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 1 (116) 2026

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836

Издается с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тел./факс (3952) 410-215

e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru

www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

А. П. Перетолчин, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:

Р. Р. Мухина, главный редактор редакционно-издательской группы Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., ректор Байкальского государственного университета; профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Ю. В. Гаврилин, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

В. И. Майоров, д-р юрид. наук, проф. проф. кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Бейсенова

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника института по научной работе Сибирского юридического института МВД России

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30 марта 2026 г. Дата выхода в свет 31 марта 2026 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 34,0

Тираж 1000 экз.

Первый завод 35 экз. Заказ № 1

Редакционно-издательская группа

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 1 (116) 2026

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

110 Lermontov St., Irkutsk, 664074
Tel/fax (3952) 410-215
e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru
www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2026

Editors

Chief Editor

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. P. Peretolchin, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:

R. R. Mukhina, Editor-in-Chief of the Editorial and Publishing Group of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Rector of Baikal State University, Professor of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Yu. V. Gavrilin, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Scientific Research Department, Head of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

B. Y. Gavrilov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Management of Crime Investigation Bodies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

V. I. Mayorov, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia

I. V. Minnikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minnikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, ead of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor Head of the Department of Criminology, Forensic Science and Legal Psychology of Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Institute for Research Work of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 30 th March 2026. Publication date 31 th March 2026.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 34,0. Issue 1000 copies Fist issue 35 copies. Order No. 1

Editorial and Publishing Group

СОДЕРЖАНИЕ

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)**

Сысоев А. А. Полицейская служба на территории Восточной Сибири в контексте развития отечественного антикоррупционного законодательства в XVIII – начале XIX вв. 9

**5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
(юридические науки)**

Ахметова И. Н., Вайсергисер Е. Ю. Система «Платон»: вопросы применения и перспективы расширения 22

Власова Е. Л., Фидель П. М. Утилизационный сбор: правовая обоснованность взимания в современной экономической системе 34

Гурдин С. В., Терехов М. Ю. Исторические предпосылки возникновения и развития органов прокуратуры России 47

Киричѐк Е. В. Подходы к пониманию конституционно-правовой парадигмы государственного суверенитета 64

Кузнецова К. А., Новичкова Е. Е., Пестов Р. А. Вопросы совершенствования механизмов взаимодействия полиции и гражданского общества 81

Малыхина Т. А. Правовое обеспечение цифрового правосудия в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития 93

Огрохин А. Н., Ольшевский А. В., Школа О. В. Возможности использования и реформирования института совместительства на службе в органах внутренних дел 103

Юрковский А. В., Цырендылыкова Н. Б. Развитие цифровых технологий и проблемы государственного суверенитета 124

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Авдеев В. А. Законодательный детерминизм в формировании института Освобождения от уголовной ответственности 134

Вастьянова О. Д. Основания возвращения уголовного дела прокурору из апелляционной и кассационной инстанций: сравнительно-правовой анализ и практические аспекты 153

Деменченко О. Г., Баранов С. А. Об использовании логарифмированных моделей для криминологического интервального прогнозирования 168

Каримова Г. Ю. Духовно-нравственные основы гарантий прав и законных интересов личности как составляющая идеологии российского уголовного процесса 179

Комаров А. А. Влияние информатизации на преступность несовершеннолетних: частные статистические закономерности.....	188
Лубягин М. С. О перспективах использования нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам	203
Родивилина В. А., Коломинов В. В. Электронно-цифровые следы как доказательства при расследовании интернет-мошенничеств: криминалистические и процессуальные аспекты	214
Фомина И. А., Ивушкина О. В. Состояние и перспективы развития системы уголовно-правовых мер противодействия преступности несовершеннолетних.....	228
Шашин Д. Г. Средства массовой информации как субъекты контроля законности оперативно-розыскной деятельности.....	241
Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В. Профилактика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних (на примере Белгородской области)	258
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	268

CONTENTS

**5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
(legal sciences)**

Sysoev A. A. Police service in eastern siberia within the framework of national anti-corruption legislation development (18th – early 19th centuries)..... 9

**5.1.2. Public law (state law) sciences
(legal sciences)**

Akhmetova I. N., Vaisergiser E. Yu. The platon system: implementaion issues and expansion prospects for expansion 22

Vlasova E. L., Fidel P. M. Recycling fee: legal validity of levying in the current economic system 34

Gurdin S. V., Terekhov M. Y. Historical prerequisites for the emergence and development of the prosecution bodies of Russia 47

Kirichek E. V. Approaches to the constitutional-legal paradigm of state sovereignty 64

Kuznetsova K. A., Novichkova E. E., Pestov R. A. Issues of improving the mechanisms of interaction between the police and civil society 81

Ogrokhin A. N., Olshevskiy A. V., Shkola O. V. Reforming secondary employment in the internal affairs bodies: opportunities and challenges 93

Yurkovsky A. V., Tsyrendylykova N. B. Digital technology development and challenges of state sovereignty 103

**5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)**

Avdeev V. A. Legislative determinism in the development 134 of the legal institution of exemption from criminal liability

Vastyanova O. D. Grounds for remanding criminal cases to the prosecutor from appellate and cassation courts: a comparative legal analysis and practical aspects 153

Demenchenok O. G., Baranov S. A. The application of logarithmic models to criminological interval forecasting 168

Karimova G. Yu. Spiritual and moral foundations of guarantees for the rights and legitimate interests of the individual as a component of the ideology of the russian criminal procedure ideology 179

Komarov A. A. Informatization and juvenile delinquency: Some criminological patterns 188

Lubyagin M. S. Prospects of implementing neural network models in pre-trial criminal investigations 203

Rodivilina V. A., Kolominov V. V. Digital traces as evidence in internet fraud investigations: forensic and procedural aspects.....	214
Fomina I. A., Ivushkina O. V. Current state and development prospects of the system of criminal law measures to combat juvenile delinquency.....	228
Shashin D. G. Mass media as entities monitoring the legality of operational-investigative activities	241
Shumskiy V. V., Tkachenko V. V., Kolenichenko V. V. Prevention of crimes against sexual freedom and sexual integrity of minors (using the example belgorod region)	258
INFORMATION FOR AUTHORS	268

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 9-21.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 9-21.

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 340.1

**ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
 В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
 АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
 В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

Сысоев Алексей Александрович

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
 daosss1972@yandex.ru

Введение. В современных условиях закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия преступлениям коррупционной направленности. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Не случайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений преступлений коррупционной направленности и способов противодействия им. Объектом исследования являются причины и факторы, обуславливавшие распространение на территории Восточной Сибири должностной преступности как самостоятельной группы противоправных деяний, предметом – сопутствующие этому процессу факторы и условия. Научная новизна проведенного исследования заключается в выявлении причин и закономерностей распространения противоправных деяний коррупционной направленности, осуществляемых чиновниками сибирской полиции в процессе их служебной деятельности.

Материалы и методы. В работе использован метод исторического материализма, а также методологический инструментарий сравнительно-правового исследования, анализ, синтез, дедукция и индукция.

Результаты исследования. В работе определены причины, содержание, тенденции и закономерности распространения противоправных деяний коррупционной направленности среди чиновников полиции Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв.

Выводы и заключения. Проблема использования служебного положения в целях незаконного обогащения, появившаяся с момента образования сибирской полиции, оставалась актуальной и в начале XIX века. Попытки верховной власти

минимизировать коррупционные проявления в правоохранительной среде путем ужесточения санкций не приводили к желаемым результатам. Не оказали должного эффекта и введенные Екатериной II «Учреждения для управления губерний» и «Устав благочиния или полицейский». Новое административно-полицейское законодательство оказалось малоэффективным в условиях Восточной Сибири. Последующая кодификация сибирского законодательства позволила реорганизовать местное администрирование и ограничить властные полномочия высших чиновников губернии, однако послужила началом к еще большей бюрократизации полицейского аппарата, что в условиях полного отсутствия общественного контроля неизбежно вело к дальнейшему развитию коррупционных проявлений в правоохранительной среде.

Ключевые слова: должностное преступление, взятка, полиция, лихоимство, чиновник, администрация, нажива, полномочия

Для цитирования: Сысоев, А. А. Полицейская служба на территории Восточной Сибири в контексте развития отечественного антикоррупционного законодательства в XVIII – начале XIX вв. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России 2026. № 1 (116). С. 9-21.

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences)

Original article

POLICE SERVICE IN EASTERN SIBERIA WITHIN THE FRAMEWORK OF NATIONAL ANTI-CORRUPTION LEGISLATION DEVELOPMENT (18TH – EARLY 19TH CENTURIES)

Alexey A. Sysoev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, daosss1972@yandex.ru

Introduction. Under current conditions, attention to combating corruption-related crimes has naturally intensified, with historical experience gaining key significance. Consequently, the past decade has seen a notable surge in research regarding the manifestations of corruption and methods of its prevention. The object of this study encompasses the causes and factors underlying the prevalence of white-collar crime as a distinct category of illicit acts in Eastern Siberia; the subject includes the conditions contributing to this process. The scientific novelty of the research lies in identifying the causes and patterns of corruption-related offenses committed by Siberian police officials in the line of duty.

Materials and Methods. The study is based on the method of historical materialism, alongside a methodological framework of comparative legal analysis. The research also employs general scientific methods, including synthesis, deduction, and induction.

The Results of the Study. The study identifies the causes, nature, trends, and patterns underlying the prevalence of corruption-related offenses among police officials in Eastern Siberia during the late 18th and early 19th centuries.

Findings and Conclusions. The issue of abusing official positions for illicit enrichment, which emerged at the inception of the Siberian police, remained acute throughout the early 19th century. Attempts by the central authorities to curb corruption within the law enforcement environment through harsher sanctions failed to yield the desired results. Similarly, the "Provisions for the Administration of the Provinces" and the "Charter of Deanery or Police Ordinance" introduced by Catherine II proved ineffective under the specific conditions of Eastern Siberia. The subsequent codification of Siberian legislation enabled the reorganization of local administration and restricted the powers of high-ranking provincial officials; however, it also triggered further bureaucratization of the police apparatus. In the total absence of public oversight, this inevitably facilitated the continued growth of corrupt practices within the law enforcement system.

Keywords: official crime, bribe, police, embezzlement, official, administration, profit, authority

For citation: Sysoev, A. A. *Policejskaya sluzhba na territorii Vostochnoj Sibiri v kontekste razvitiya otechestvennogo antikorrupcionnogo zakonodatel'stva v XVIII – nachale XIX vv.* [Police service in eastern siberia within the framework of national anti-corruption legislation development (18th – early 19th centuries)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2026, vol. 116, no. 1, pp. 9-21. (In Russ.).

В качестве «общественного бедствия» известные криминалисты досоветского времени рассматривали явление должностной преступности [1, с. 1]. Проблема использования служебного положения в целях незаконного обогащения имела особое значение в правоохранительной практике досоветского времени. Непреходящим к этому виду противоправных деяний представлялось отношение самодержавной власти. Мера юридической ответственности демонстрировала насущную потребность в противодействии корыстным устремлениям чиновников царской полиции. Жесткие, а зачастую и жестокие санкции подчеркивали их социальную и политическую опасность для российского общества.

Неудивительно поэтому, что приоритетное значение в борьбе с преступлениями данной направленности придавалось карательным мерам. Уже в начале XVIII века появляется целый ряд указов, направленных на ужесточение государственной политики в области противодействия лихоимству¹. Традиционным для эпохи петровских преобразований становится требование «казнить смертью натуральной и всего имения лишить»² в отношении тех, кто допускал незаконное обогащение за счет службы.

В целях реализации уголовной политики создается фискалитет и «майорские» канцелярии. Именно этим службам, по мнению отечественных исследователей Д. О.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 3. № 1722. С. 662. ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 4. № 1956. С. 240. ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. № 2707. С. 51. ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. № 2871. С. 135. ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 6. № 3586. С. 194.

² ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 7. С. 251.

Серова и А. В. Федорова, «довелось принять на себя основную тяжесть борьбы с должностными преступлениями» [2, с. 387].

К этому времени относят появление военизированного исполнительного органа государственного управления – российской регулярной полиции [3, с. 126]. Предназначенная для профессиональной охраны общественной безопасности полиция изначально была ориентирована на решение широчайшего спектра задач с наделением ее чиновников значительными властными полномочиями. Этот фактор во многом предопределил девиантное поведение полицейских чинов при исполнении служебных обязанностей.

Всеобъемлющие полномочия при отсутствии законодательного акта, в полном объеме определяющего компетенции полиции, неминуемо приводили к многочисленным эксцессам должностной преступности. По-прежнему не изжитые обычаи кормления, интегрированные правовым нигилизмом правоохранителей, существенно усугубляли сложившееся положение.

В Сибири первое полицейское учреждение – Тобольская полицмейстерская контора – было образовано в соответствии с указом 1733 г. «Об учреждении полиции в городах»³. Сведения о появлении полицейской конторы на территории восточной ее части достаточно противоречивы.

По мнению одних авторов, полиция была организована в Иркутской провинции одновременно с появлением Тобольской полицмейстерской конторы [4, с. 123]. Другие утверждают, что она появилась только после опубликования указа № 10769 «Об учреждении Полиции в городе Иркутске» [5, с. 11]. Тогда Правительствующим сенатом было указано: «в Иркутске для лучшего порядка и уравнения обывателей в постоях учредить полицию и в оной Полицмейстером быть Якутского полка секунд-майору Ивану Замощикову»⁴.

Имеющиеся сведения о первом иркутском полицмейстере И. И. Замощикове носят во многом фрагментарный характер. Из дошедших до нашего времени архивных источников известно, что он был сыном тобольского дворянина, имел в городе недвижимую собственность и владел крепостными [6, с. 242]. Местные летописцы лишь указывают дату прибытия секунд-майора И. И. Замощикова в Иркутск – 28 марта 1758 г. и характеризуют его как «человека деятельного, не весьма корыстолюбывого»⁵.

В исследованиях Л. С. Рафиенко упоминается эпизод о неправомерных действиях И. И. Замощикова по отношению к представителям иркутского купечества, произошедший за девять лет до опубликования указа «Об учреждении Полиции в городе Иркутске». Автор приводит сведения о том, что в 1749 году на возглавлявшего городскую полицмейстерскую канцелярию поручика И. И. Замощикова в Иркутский магистрат была подана жалоба купца Прокофия Кузнецова об аресте в мясном ряду и нанесении публичных побоев его сыновьям Никифору и Григорию Кузнецовым.

³ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 9. С. 93.

⁴ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 9. С. 798–799.

⁵ Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. Иркутск : Паровая типография И. П. Казанцева, 1911. С. 76.

Из материалов, обнаруженных Л. С. Рафиенко в фондах Российского государственного архива древних актов, следует, что «Главным магистратом было велено рассмотреть дело Ивана Замощикова Иркутской провинциальной канцелярией совместно с депутатом от магистрата, чтобы Замощикова больше не наказывал купцов, сообщить об этом в Главную полицмейстерскую канцелярию» [7, с. 142].

«Очевидно, – отмечала по этому поводу Л. С. Рафиенко, – деятельность Ивана Замощикова вызвала большое неудовольство купечества» [7, с. 142]. Впоследствии дело иркутского полицмейстера рассматривалось комиссией И. Вульфа и 17 ноября 1751 г. он был отстранен от должности. Однако, как следовало из указа № 10769, спустя 7 лет И. И. Замошков вновь возглавил иркутскую полицию, но уже в чине секунд-майора. По сведениям Е. Б. Шободоева, после повторного назначения на должность И. И. Замошков не изменил своим принципам. Как указывает автор, «истязание было первым предметом его... в делах был разрывен, чистоту в городе соблюдал, однако и находил случай поживиться» [8, с. 208]. Подвергался ли И. И. Замошков в последующем взысканиям за проступки по службе – неизвестно.

Последующая кодификация административно-полицейского законодательства второй половины XIX века, помимо реорганизации правоохранительного аппарата, позволила закрепить нормы, направленные на противодействие коррупционным проявлениям. В частности, М. О. Акишин утверждает, что введение в действие в 1775 г. «Учреждения для управления губерний» не только повысило эффективность местного управления, но и создало определенные механизмы для предотвращения должностной преступности [9, с. 320]. Принятый пятью годами позже «Устав благочиния или полицейский» содержал целый ряд запретов, предусматривающих снижение коррупционных рисков.

Для полицейских чиновников, замещавших должности частных приставов и квартальных надзирателей, устанавливалось строгое требование «должность свою отправлять безденежно, не требуя и не взяв ни какого рода заплаты, ни с кого, ни за что»⁶. Схожие по смыслу правила указывались тем, кто был определен «в Губернии к Правлению, в Палатах, в Верхнем и Нижнем Суде, к благочинию». Данной категории служащих запрещалось «ради дела требовать, или брать, или взять плату, или подарок, или посулу, или иной подкуп, или взятку»⁷. Тех же чиновников полиции, кто вопреки требованиям Устава благочиния «ради дел учнет или брать, или возьмет с кого плату, или подарок, или посулу, или иной подкуп или взятку, равно как и того, кто чинит плату, или дарит, или сулит, или инако подкупает», полагалось «отсылать к суду для поступления и наказания по законам»⁸.

В соответствии с требованиями Устава благочиния вводилась специальная полицейская служба в губернском и областных городах Иркутской губернии. По сведениям Г. Ф. Быкони, к указанному времени общее число лиц, занятых в полицейских учреждениях губернии, достигло 229 человек, из которых 28 являлись классными чиновниками [6, с. 46].

⁶ ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 21. С. 473, 475.

⁷ ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 21. С. 479.

⁸ ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 21. С. 482.

«Практически сразу после открытия новых полицейских учреждений, – указывает автор, – начались взаимные претензии, столкновение должностных и прочих интересов чиновников всех рангов». Особенно часто возникали конфликты по поводу раздела власти бывших воевод. Городничие, капитан-исправники и судьи нижних сельских расправ не могли определить свой статус по отношению друг к другу. Каждый третий классный чиновник Иркутской губернии был под судом или следствием. По своему составу более половины всех судебно-следственных случаев приходились на злоупотребление властью. Чаще всего чиновники посягали на частное или казенное имущество [6, с. 46]. Однако в условиях жесточайшего кадрового кризиса большая часть осужденных чиновников продолжала свою служебную деятельность на прежних местах.

В связи с этим Г. Ф. Быконя приводит характерный случай со служащим Нерченского нижнего земского суда коллежским асессором И. О. Моисеевым, который был осужден в Иркутской уголовной палате за взятки и растрату присылаемых заводскими крестьянами денег. Однако, по сведениям исследователя, уже через 10 дней после приговора И. О. Моисеев был назначен судьей в Доронинский уездный суд и спустя некоторое время опять переведен на прежнюю должность в Нерченский нижний земский суд [6, с. 142].

Таким образом, требования Устава благочиния о безденежном отправлении должности и запрете взяток на территории Восточной Сибири носили во многом формальный характер. Каждое третье дело о злоупотреблениях заканчивалось оправданием чиновника [6, с. 142]. Максимальным наказанием считался сам факт отдачи под суд, так как даже без отстранения от должности во время следствия выплачивалась лишь половина жалования. Очевидное попустительство со стороны губернской администрации являлось ничем иным, как попыткой сохранения кадрового потенциала и укрепления вертикали власти.

На схожих принципах в начале XIX века выстраивал свои отношения с подчиненными чиновниками полиции иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин. Примером, получившим широкую огласку, может служить дело Нижнеудинского исправника – титулярного советника Е. Ф. Лоскутова. В многочисленных обвинениях, выдвинутых в отношении исправника, губернатор видел лишь «намерение из пустых и самых дерзких клевет, вывести такое дело, последствия коего имели бы неприятное влияние на гражданское начальство». Сам же Лоскутов по заключению Трескина «со стороны поведения... [был] известен как благороднейший и благовоспитанный человек». Своим «особенным долгом» губернатор считал уведомление верховных властей о том, «что чиновник сей в течение десятилетнего служения... не подал ни одного повода к обращению на него невыгодного замечания... исполнение возложенных на него поручений открыло в нем отличительную способность полицейского офицера и хозяина» [10, с. 152].

В подобном ключе относился к поднадзорным полицейским чиновникам Иркутский губернский прокурор. Как «исправного, расторопного и честного чиновника» он характеризовал квартального надзирателя Кузнецова. Между тем впоследствии он же докладывал губернатору, что «посланный в провинцию для

розыска делателей фальшивых ассигнаций по основательному подозрению Кузнецов розыски обратил в свой промысел»⁹

Такое покровительство со стороны губернского руководства являлось характерной чертой усиливающегося бюрократического централизма, при котором губернский центр требовал строгого подчинения уездных властей. Так, по оценке Д. Н. Гергилёва, Сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель «считал идеальным условием правления абсолютное подчинение чиновников» [11, с. 102].

Взамен за беспрекословное подчинение со стороны губернского руководства оказывалась всеобъемлющая поддержка, даже если действия подчиненных чиновников выходили за рамки, установленные законом. По этой причине, по мнению И. А. Коновалова, «полицейские, известные превышением должностных полномочий, были защищены от судебных преследований вышестоящими полицейскими руководителями»¹⁰ [12, с. 33].

Между тем поток жалоб на многочисленные злоупотребления со стороны сибирской администрации обратил на себя внимание верховных властей. 22 марта 1819 г. в Сибирь был направлен один из выдающихся чиновников того времени тайный советник Михаил Михайлович Сперанский. Вновь назначенному генерал-губернатору предписывалось «исправлять властью вверяемую все то, что будет в возможности, обличая лиц, предающихся злоупотреблениям, предав, кого нужно, законному суждению» [13, с. 95].

К этому времени сибирское управление прочно связывали с такими характеристиками, как «лихоимство, произвол и личные интриги» [14, с. 4]. Позднее современные исследователи назовут обстоятельства, в которых пришлось работать М. М. Сперанскому, «вопиющей картиной злоупотреблений и произвола местной администрации» [15, с. 67] и «настоящим гнездом коррупции» [12, с. 32]. Сам чиновник признавал, что «следствия по многосложности их обстоятельств и по важности самих злоупотреблений, требовали в производстве их особенного распорядка» [13, с. 20]. И если в Туруханский край для осуществления следственных действий был отправлен только наряд чиновников, то в Иркутской губернии потребовалось создание особых следственных органов. В результате были сформированы Нижнеудинская, Иркутская и Верхнеудинская следственные комиссии. Общим предметом большинства заведенных следственных дел стало лихоимство. В особую группу выделялись случаи лихоимства, сопряженные с насилием и самовольными наказаниями.

Результатом работы комиссий стало 73 следственных дела, обвиняемыми в которых фигурировало 680 человек. По сведениям И. А. Коновалова, 174 подозреваемых являлись представителями министерства внутренних дел, что составляло более 50 % от всех сибирских чиновников ведомства [12, с. 33]. В ходе следственных действий было описано и изъято 58 имений, оцениваемых в 262 тыс. руб. Общая сумма взысканий составила 2 800 тыс. руб. При этом сам М. М. Сперанский признавал, «что всех обвиняемых придавать суду было невозможно,

⁹ Иркутский государственный архив, ф. 24, к. 9, оп. 3, д. 213, л. 4.

¹⁰ Коновалов, И. А. Ревизия М. М. Сперанского и борьба с коррупцией в Сибири в первой четверти XIX в. // Вестник НВГУ. 2018. № 1. С. 33.

потому что число их само по себе уже значительное увлекло бы по взаимным обвинениям множество участников» [13, с. 25]. В связи с этим, за исключением «самых вопиющих и решительных случаев», обвиняемые не отдавались под суд, а лишь отстранялись от своей должности.

«Наиболее прочим обличенным в важных злоупотреблениях и насильственных мерах», по мнению дознавателей, оказался Нижнеудинский исправник Е. Ф. Лоскутов. Перед визитом М. М. Сперанского последний, надеясь на поддержку Иркутского губернатора Трескина, изъял в уезде всю бумагу и чернила и всячески препятствовал проведению следственных действий. Тем не менее дело исправника Лоскутова получило достаточно широкий резонанс. Как оказалось, повсеместное использование административного ресурса, подчас граничившее с жестокостью и деспотизмом, было направлено не только на поддержание порядка и благочиния, но и приносило полицейскому чиновнику значительные доходы. Благодаря скупке по заниженным ценам скота и продовольствия, спекулятивной продаже вина, принуждению к бесплатным работам и монополии на торговлю с инородцами Лоскутов сумел получить по одним источникам 138 тыс. руб. [12, с. 34], по другим – 450 тыс. руб. [16, с. 44].

В крупных хищениях были изобличены Иркутский исправник Волошин и Верхнеудинский исправник Матвей Матвеевич Геденштром. Бывший во время ревизии в Иркутске морской офицер мичман Э. И. Стогов писал, что «на каждого из исправников по жалобам – насчитывались миллионы взяток». При этом исправник Гедельштром утверждал, что у них оставались только проценты, а основные средства попадали к губернатору [16, с. 45].

Обширные властные полномочия при полном покровительстве губернского руководства позволяли полицейским чиновникам получать незаконную выгоду в десятки и сотни тысяч рублей. В условиях фактической изоляции от метрополии деятельность сибирской полиции основывалась не на общероссийских нормах права, а на желании и воле местного начальства. Этот фактор приводил не только к неизбежному превышению властных полномочий со стороны губернского руководства, но и к существенному повышению коррупционных рисков в полицейской среде.

«Трескин и законы – были синонимы... полиция, земские суды, палаты – он или его власть была все... он знал все и распоряжался всем», – утверждали современники тех событий [16, с. 46]. Предельная концентрация властных полномочий в сочетании с жесточайшим диктатом со стороны губернатора полностью подавляли общественные инициативы и были направлены на продвижение собственных императивов, во многих случаях заменявших действовавшее законодательство.

С точки зрения высших чиновников губернии, это позволяло повысить эффективность правоохранительной деятельности. Следует признать, что в определенных направлениях правоохранительной деятельности подобный стиль управления давал и положительные результаты. Так, Э. И. Стогов вспоминал, что в бытность Трескина «все полиции были доведены до совершенства, и за то в Иркутской губернии не было ни грабежей, ни воровства... Иркутск был очень опрятный город и много хороших домов, о преступлениях в городе не было слышно» [16, с. 47].

При этом в понимании чиновников местной полиции жесткая вертикаль власти означала верховенство указаний вышестоящего руководителя над нормами закона. Следуя этой логике, они и сами превращались в полновластных хозяев подведомственного населения, уполномоченных судить и наказывать только по своему личному усмотрению.

Результатом такого администрирования явился феномен «исправника Лоскутова», когда полицейский чиновник превращался для жителей уезда в полновластного сатрапа. Неограниченные права на использование мер государственного принуждения, отсутствие надзора и общественного контроля вели к превышению властных полномочий и, как следствие, к незаконному обогащению местных правоохранителей. Отечественные исследователи называют этот период «расцветом злоупотреблений, ростом взяточничества и чиновничьего произвола, полным пресечением разного рода жалоб и гласности» [11, с. 102].

Осознание масштаба открытых в ходе ревизии противоречий привели М. М. Сперанского к выводу о том, что «сибирские органы управления сами способствовали коррупционным проявлениям». При этом основной причиной злоупотреблений граф считал «отсутствие законности при осуществлении властных полномочий» [13, с. 103]. В связи с этим, помимо пересмотра кадрового состава сибирского чиновничества и организации уголовного преследования виновных, выдающийся администратор предложил ввести особые правила управления восточными окраинами империи.

22 июля 1822 г. Александр I утвердил «Учреждение для управления Сибирских губерний» и девять уставов и положений, регламентирующих важнейшие направления государственно-правового регулирования на сибирских территориях. По мнению А. В. Ремнева, данный шаг свидетельствовал о начале формирования особого правительственного взгляда на «сибирскую» политику [17, с. 83].

Однако, в силу отдаленности от центра, наблюдалась инертность в принятии решений по оптимизации полицейских структур в результате кодификации сибирского законодательства. Спустя несколько лет после введения «Учреждения для управления Сибирских губерний» сенатор тайный советник Павел Иванович Сумароков по-прежнему обращал внимание правительства на «причинность должностной преступности» в контексте злоупотреблений полномочиями губернскими начальниками, волеизъявления которых ставились превыше законов. По мнению П. И. Сумарокова, «верховные в Губерниях Начальства, подавляли по своему составу, все подчиненные им места, звания, их воля ставилась превыше законов... не угодившие произволу терпели гонение, не смея принеси жалобы»¹¹.

¹¹ Анализ правоприменения и законодательные инициативы в сфере борьбы с коррупцией в России XIX века. «Мнения гг. сенаторов по предмету соображения законов о истреблении лихоимства и лихоимательства, данные 1825 и 1826 годов Правительствующего Сената в Общем Собрании Санкт-Петербургских Департаментов» в аннотации доктора юридических наук, профессора В. В. Астанина. М. : Издание Государственной Думы, 2011. С. 10.

Вместе с тем, как отмечает современный исследователь С. Ю. Грозин, реформы М. М. Сперанского явились основой для более четкого определения основных направлений деятельности правоохранительных органов Иркутской губернии [18, с. 99]. Причем преобразования полицейских структур в Восточной Сибири, проведенные в ходе реформы, сохранялись вплоть до 1867 г. Очевидным достижением введения новых узаконений являлось и ограничение властных полномочий высших чиновников Восточной Сибири с обязательным контролем со стороны независимых от них коллегиальных органов-советов. Последнее, по мнению отечественных исследователей-полицистов, привело к образованию в крае еще более сверхцентрализованного администрирования [12, с. 33]. Это обстоятельство в совокупности с фактическим отсутствием общественного контроля при минимуме демократических свобод инициировало еще большее развитие коррупционных проявлений со стороны представителей правоохранительных структур.

Таким образом, проблема использования служебного положения в целях незаконного обогащения, появившаяся с момента образования сибирской полиции, оставалась актуальной и в начале XIX века.

Многосисленные попытки верховной власти минимизировать коррупционные проявления в правоохранительной среде путем ужесточения санкций не приводили к желаемым результатам.

Не оказали должного эффекта и введенные Екатериной II «Учреждения для управления губерний» и «Устав благочиния или полицейский». Содержавшее целый ряд юридических ограничений, предусматривающих снижение коррупционных рисков, новое административно-полицейское законодательство оказалось малоэффективным в условиях Восточной Сибири. Отдаленность от метрополии и безграничные властные полномочия сибирских наместников нивелировали действовавшие в стране юридические нормы. Верховным законом для сибиряков в этот период являлась воля высших чиновников губернии. Она же оказывала самое непосредственное воздействие на деятельность полицейских структур региона. В условиях бесконечного произвола и самовластия местных чиновников коррупционные проявления в полицейской среде становились неизбежным результатом установившейся системы управления.

Последующая кодификация сибирского законодательства позволила реорганизовать местное администрирование и ограничить властные полномочия высших чиновников губернии, однако послужила началом к еще большей бюрократизации полицейского аппарата, что в условиях полного отсутствия общественного контроля неизбежно вело к дальнейшему развитию коррупционных проявлений в правоохранительной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ширяев, В. Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях (уголовно-юридическое исследование). Ярославль, 1916. 570 с.
2. Серов, Д. О., Федоров, А. В. Дела и судьбы следователей Петра I : научное издание. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательская группа «Юрист», 2019. 432 с.

3. Румянцев, Н. В. Российская полиция историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 126–129.
4. Шахеров, В. П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Иркутск, 2001. 264 с.
5. Андриевич, В. К., Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным собранием законов. Т. III. Елизаветинский период. 1742 - 1762 года — 1886–1889. М.: Типо-литография Михайлова и Макушева. 352 с.
6. Быконя, Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX вв.: Формирование воен.-бюрократ. Дворянства. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 297 с.
7. Рафиенко, Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: Избранное. Новосибирск, 2006. 304 с.
8. Шободоев, Е. Б. Иркутский полицмейстер Замощиков // Силовые структуры, как социокультурное явление: история и современность. Иркутск, 2001. С. 208–209.
9. Акишин, М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М. Новосибирск : Древлехранилище, 2003. 408 с.
10. Матханова, Н. П. Дело «О ссоре между духовными и гражданскими властями в Сибири» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. Т. 11. С. 133–159.
11. Гергилёв, Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII - первой трети XIX века : монография. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. 172 с.
12. Коновалов, И. А. Ревизия, М. М. Сперанского и борьба с коррупцией в Сибири в первой четверти XIX в. // Вестник НВГУ. 2018. № 1. С. 33–36.
13. Прутченко, С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1899. 405 с.
14. Вагин, В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб.: [Типография Второго отделения Собственной Е. И. Канцелярии], 1872. Т. 1. 1872. 801 с.
15. Дамешек, И. Л. Сибирская ревизия и реформы М. М. Сперанского 1822 г. // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 1 (2). С. 66–72.
16. Стогов, Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М. : Индрик, 2003. 239 с.
17. Ремнев, А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.
18. Качуров, С. Ю. Полицейские формирования министерства внутренних дел в Восточной Сибири XIX - начала XX века (на примере Иркутской губернии) // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири : мат-лы науч.-теорет. семинара, 24-25 июня 2003 г. Иркутск, 2003. С. 98-106.

REFERENCES

1. Shiryaev, V. N. Vzyatochnichestvo i lihodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnyh prestupleniyah (ugolovno-yuridicheskoe issledovanie) [Bribery and extortion in connection with the general doctrine of official crimes (a criminal law study)]. Yaroslavl, 1916, 570 p. (In Russ.).
2. Serov, D. O., Fedorov, A. V. Dela i sud'by sledovatelej Petra I : nauchnoe izdanie. 2-e izd., pererab. i dop [The Cases and Fates of Peter the Great's Investigators: A Scientific Publication. 2nd edition, revised and expanded]. Moscow, 2019, 432 p. (In Russ.).
3. Rumyantsev, N. V. Rossijskaya policiya istoriko-pravovoj analiz [Russian Police: Historical and Legal Analysis]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012, no. 1, pp. 126-129. (In Russ.).
4. Shakerov, V. P. Goroda Vostochnoj Sibiri v XVIII – pervoj polovine XIX vv. [Cities of Eastern Siberia in the 18th and First Half of the 19th Centuries]. Irkutsk, 2001, 264 p. (In Russ.).
5. Andrievich, V. K. Istoricheskiy ocherk Sibiri po dannym, predstavlyaemym Polnym sobraniam zakonov. T. III. Elizavetinskij period. 1742-1762 goda — 1886-1889 [Historical sketch of Siberia according to the data provided by the Complete Collection of Laws. Vol. III. The Elizabethan period. 1742-1762 — 1886-1889]. Moscow, 352 p. (In Russ.).
6. Bykonya, G. F. The Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoj Sibiri v XVII – nachale XIX vv.: Formirovanie voen.-byurokrat. dvoryanstva [Russian non-noble population of Eastern Siberia in the XVII-early XIX centuries: The formation of the military.- the bureaucrat. the nobility]. Krasnoyarsk, 1985, 297 p. (In Russ.).
7. Rafiyenko, L. S. Problemy istorii upravleniya i kul'tury Sibiri XVIII-XIX vv.: Izbrannoe [Problems of the history of management and culture of Siberia of the XVIII-XIX centuries: Selected works]. Novosibirsk, 2006, 304 p. (In Russ.).
8. Shobodoyev, E. B. Irkutskij policmejster Zamoshchikov [Irkutsk Police Chief Zamoshchikov]. Silovye struktury, kak sociokul'turnoe yavlenie: istoriya i sovremennost' – Power Structures as a Sociocultural Phenomenon: History and Modernity. Irkutsk, 2001, pp. 208-209. (In Russ.).
9. Akishin, M. O. Rossijskij absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata [Russian Absolutism and the Administration of Siberia in the 18th Century: Structure and Composition of the State Apparatus]. Moscow-Novosibirsk: Drevlekhranilishche, 2003, 408 p. (In Russ.).
10. Matkhanova, N. P. Delo «O ssore mezhduduhovnymi i grazhdanskimi vlastyami v Sibiri» [The case "About the quarrel between the spiritual and civil authorities in Siberia"]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya – Izvestiya Irkutsk State University. Series: History. 2015, vol. 11, pp. 133-159. (In Russ.).
11. Gergilev, D. N. Administrativnoe upravlenie Sibir'yu v XVIII - pervoj treti XIX veka. [Administrative Management of Siberia in the 18th and First Third of the 19th Century]. Krasnoyarsk, 2016, 172 p. (In Russ.).
12. Konovalov, I. A. Reviziya, M. M. Speranskogo i bor'ba s korrupciej v Sibiri v pervoj chetverti XIX v. [M.M. Speransky's revision and the fight against corruption in Siberia

in the first quarter of the 19th century]. Vestnik NVGU – Vestnik NVGU. 2018, no. 1, pp. 33-36. (In Russ.).

13. Prutchenko, S. M. Sibirskie okrainy: oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim Uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva: istoriko-yuridicheskie ocherki [Siberian suburbs: regional regulations related to Siberian The institution of 1822, in the structure of the administration of the Russian state: historical and legal essays]. St. Petersburg : A. S. Suvorin's Printing House, 1899, 405 p. (In Russ.).

14. Vagin, V. I. Istoricheskie svedeniya o deyatelnosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 g. [Historical Information about the Activities of Count M. M. Speransky in Siberia from 1819 to 1822]. St. Petersburg, 1872, vol. 1, 1872, 801 p. (In Russ.).

15. Dameshek, I. L. Sibirskaya reviziya i reformy M. M. Speranskogo 1822 g. [Siberian Audit and Reforms of M.M. Speransky in 1822]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Irkutsk State University. 2012, vol. 2, no. 1, pp. 66-72. (In Russ.).

16. Stogov, E. I. Zapiski zhandarmskogo shtab-oficera epohi Nikolaya I [Notes of a Gendarme Staff Officer of the Era of Nicholas I]. Moscow, 2003, 239 p. (In Russ.).

17. Remnev, A. V. Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX – nachala XX vv. [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th and Early 20th Centuries]. – Omsk, 2015, 580 p. (In Russ.).

18. Kachurov, S. Yu. [Police Formations of the Ministry of Internal Affairs in Eastern Siberia in the 19th and Early 20th Centuries (Based on the Irkutsk Province)]. Silovye struktury i obshchestvo: istoricheskij opyt vzaimodejstviya v usloviyah Sibiri: Materialy nauchno-teoreticheskogo seminar, 24-25 iyunya 2003 g. [Power Structures and Society: Historical Experience of Interaction in Siberia: Materials of the Scientific and Theoretical Seminar, June 24-25, 2003]. Irkutsk, 2003, pp. 98-106. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сысоев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры тактико-специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России. 644074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sysoev Alexey Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Tactical and Special Training. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 644074.

Статья поступила в редакцию 19.11.2025; одобрена после рецензирования 19.12.2025; принята к публикации 10.02.2026.

The article was submitted 19.11.2025; approved after reviewing 19.12.2025; accepted for publication 10.02.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 22-33.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 22-33.

**5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 342.9

**СИСТЕМА «ПЛАТОН»: ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
 И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ**

Ахметова Ирина Николаевна¹, Вайсергисер Елена Юрьевна²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
 irina_itfk@mail.ru

²Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел,
 Российская Федерация, ele-kuzminova@yandex.ru

Введение. Статья посвящена рассмотрению системы «Платон» – механизма взимания платы с большегрузного транспорта за проезд по федеральным трассам. В работе анализируются правовые основания и экономические последствия функционирования системы, а также дискуссионные вопросы, связанные с возможным двойным налогообложением владельцев грузовиков. Делаются значимые для практического применения выводы, вносятся предложения.

Материалы и методы. Используются общенаучные принципы, подходы и методы. Теоретическую основу исследования составляют законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие вопросы взимания платы в систему «Платон» и налогообложения транспортных средств, научные статьи, монографии и научно-практические пособия, посвященные проблемам транспортного налогообложения и функционирования системы «Платон», публикации и информационно-справочные материалы, в которых дается анализ правового регулирования платы за использование автомобильных дорог, научные доклады и исследования, рассматривающие экономическую и правовую стороны вопроса платы за проезд по федеральным трассам.

Результаты исследования. Система «Платон» представляет собой механизм компенсации ущерба, наносимого федеральным дорогам большегрузным транспортом. Несмотря на то, что платеж носит неналоговый характер и направлен на финансирование дорожного хозяйства, его совмещение с транспортным налогом создает впечатление двойного обременения для владельцев грузовиков. В статье дается

анализ системы «Платон» как инструмента финансирования дорожной инфраструктуры и обсуждаются перспективы установления платы для владельцев грузовых транспортных средств за проезд по автомобильным дорогам регионального и муниципального значения. Рассматриваются аргументы за и против такой меры, включая риски двойного налогообложения, роста логистических издержек и влияния на инфляцию. Особое внимание уделяется правовым и техническим аспектам внедрения системы, а также мнениям экспертов и политиков. Автор приходит к выводу, что расширение системы «Платон» требует тщательной проработки в целях исключения негативных последствий для экономики и бизнеса. В заключение рассматриваются перспективы развития системы и возможные пути оптимизации налоговой нагрузки для грузоперевозчиков.

Выводы и заключения. Результаты исследования могут быть использованы правоприменительной деятельностью органов, регулирующих вопросы платы за проезд большегрузным транспортом, а также при совершенствовании законодательства в части, касающейся транспортного налогообложения и функционирования системы «Платон». Кроме того, выводы могут помочь в разработке мер по устранению противоречий в законодательстве и оценке экономической эффективности системы «Платон».

Ключевые слова: система «Платон», транспортный налог, двойное налогообложение, дорожное хозяйство, грузоперевозчики, бюджетная система, штраф, акцизы, утилизационный сбор

Для цитирования: Ахметова, И. Н., Вайсергисер, Е. Ю. Система «Платон»: вопросы применения и перспективы расширения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 22-33.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

THE PLATON SYSTEM: IMPLEMENTATION ISSUES AND EXPANSION PROSPECTS FOR EXPANSION

Irina N. Akhmetova¹, Elena Yu. Vaysergiser²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, irina_itfk@mail.ru

²Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova, Orel, Russian Federation, ele-kuzminova@yandex.ru

Introduction. This article examines the "Platon" system – a mechanism for collecting road charges from heavy-duty vehicles for travel for the use of federal highways. The paper analyzes the legal framework and economic consequences of the system's operation, as well as controversial issues related to the potential double taxation of vehicle owners. The author provides practical conclusions and offers proposals for regulatory improvement.

Materials and Methods: The research employs general scientific principles, approaches, and methods. The theoretical framework is based on the legislative and regulatory

acts of the Russian Federation governing the "Platon" system and vehicle taxation. Furthermore, the study incorporates scholarly articles, monographs, and research reports addressing the economic and legal aspects of road tolls and transport taxation.

The Results of the Study. The "Platon" system serves as a mechanism to compensate for damage caused to federal highways by heavy-duty vehicles. Although the payment is non-tax in nature and intended for road infrastructure funding, its overlap with the transport tax creates a perceived double burden for vehicle owners. The study analyzes the system as a financial tool and evaluates the prospects of extending road charges to regional and municipal levels. The paper weighs the arguments for and against such measures, specifically the risks of double taxation, rising logistics costs, and inflationary impacts. Particular attention is paid to the legal and technical aspects of implementation, alongside expert and political discourse. The author concludes that any expansion of the "Platon" system requires careful development to mitigate negative impacts on the economy and business. Finally, the study outlines development prospects and potential strategies for optimizing the tax burden on motor carriers.

Findings and Conclusions. The findings of this study may be applied to the regulatory activities of authorities overseeing heavy-vehicle road charges. They may also inform the improvement of legislation regarding transport taxation and the "Platon" system's operation. Additionally, the results can assist in developing measures to resolve legislative inconsistencies and evaluate the overall economic efficiency of the "Platon" system.

Keywords: the "Platon" system, transport tax, double taxation, road infrastructure, freight carriers, budget system, fine, excise taxes, recycling fee

For citation: Akhmetova, I. N., Vaysergiser, E. Yu. Sistema "Platon": voprosy primeneniya i perspektivy rasshireniya [The platon system: implementaion issues and expansion prospects for expansion]. Vestnik Vostochono-Sibirskogo Institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 22-33. (In Russ.).

Система «Платон» (сокращение как «плата за тонны») – российская государственная система взимания платы с владельцев грузовых автомобилей разрешенной максимальной массой свыше 12 тонн за проезд по автомобильным дорогам общего пользования федерального значения – была введена в действие 15 ноября 2015 г.¹. Однако в Налоговом кодексе Российской Федерации плата в систему «Платон» не упоминается как налог или сбор, поскольку «ни в определении

¹ Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ : принят Гос. Думой 18 октября 2007 г. : одобрен Советом Федерации 26 октября 2007 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ ; О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн (вместе с «Правилами взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн») : постановление Правительства Российской Федерации от 14 июня 2013 г. № 504 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147754/ (дата обращения: 19.11.2025).

налога, ни в определении сбора не говорится о компенсационном характере, который свойственен плате, взимаемой по системе «Платон» [1, с. 86]. В бухгалтерском учете платежи в систему «Платон» отражаются на счете 76 «Расчеты по плате за проезд по федеральным трассам», а не на счете 68, который предназначен для налоговых платежей. Кроме того, внесение платы в систему «Платон» не относится к операциям, признаваемым объектом налогообложения по налогу на добавленную стоимость. Следовательно, налог на добавленную стоимость по указанным платежам не начисляется и не уплачивается. При этом администрирование платежа осуществляется не налоговыми органами, а специализированным оператором (ООО «РТИТС»).

В соответствии с разъяснениями Министерства финансов Российской Федерации «плата в счет возмещения вреда является обязательным публичным платежом неналогового характера»², т. е. плата в систему «Платон» – это целевой сбор, что находит подтверждение в статье 179.4 «Дорожные фонды» Бюджетного кодекса Российской Федерации. Согласно этой статье Федеральный дорожный фонд формируется за счет доходов федерального бюджета, включая плату в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами с разрешенной максимальной массой свыше 12 тонн. Бюджетный кодекс Российской Федерации прямо связывает плату по системе «Платон» с формированием дорожного фонда, что подтверждает ее роль в бюджетной системе Российской Федерации.

По состоянию на середину 2025 года система «Платон» перечислила в дорожный фонд более 339 млрд рублей. По данным на 29 сентября 2025 года, в проекте федерального бюджета на 2026–2028 годы сумма платежей автоперевозчиков за проезд грузовых автомобилей (большегрузов) массой более 12 тонн по федеральным автотрассам оценивается в 203,7 млрд рублей. Предполагается, что в 2026 году поступления от «Платона» составят 62,6 млрд рублей, в 2027 году – 67,8 млрд рублей, в 2028 году – 73,3 млрд рублей³.

Основная цель системы «Платон» – компенсировать ущерб, который большегрузный транспорт наносит дорожному покрытию, поскольку «многотонный грузовой транспорт значительно превышает параметры воздействия на дорожное покрытие легковых автомобилей, а ущерб, наносимый дорожному покрытию, не возмещается за счет обязательных поступлений в бюджет» [2, с. 60]. Средства, собранные системой, поступают в Федеральный дорожный фонд Российской Федерации и направляются на ремонт и содержание федеральных трасс, строительство новых дорог и мостов, повышение безопасности дорожной инфраструктуры. Платить

² О применении НДС, налога на прибыль и УСН при перечислении платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам транспортными средствами с разрешенной максимальной массой свыше 12 т. : письмо Министерства финансов России от 6 октября 2015 г. № 03-11-11/57133 // Экономика и жизнь : сайт URL: <https://www.eg-online.ru/document/regulatory/294553/> (дата обращения : 19.11.2025)

³ РФ ждет 204 млрд руб. поступлений от «Платона» на фоне роста тарифов в 2026-28 гг. // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1049901> (дата обращения: 19.11.2025).

обязаны все владельцы грузовиков с разрешенной массой более 12 тонн, независимо от того, российская это компания или иностранная. При этом, «учитывается масса, указанная в техпаспорте, а не фактический вес грузовика в момент движения» [3, с. 127]. От оплаты освобождены автобусы и другие транспортные средства, предназначенные для перевозки людей (за исключением грузопассажирских фургонов), спецтехника с проблесковыми маячками (пожарные машины, скорые помощи, автомобили полиции и аварийно-спасательных служб), военная техника и транспорт для перевозки вооружения⁴. По данным на 23 октября 2025 г., в системе «Платон» зарегистрировано более 896 тысяч грузоперевозчиков и логистических компаний, а также более 1,9 млн большегрузов⁵.

Казалось бы, система «Платон» эффективно выполняет свою целевую функцию, поскольку за счет регулярных поступлений от владельцев большегрузных автомобилей государство получает дополнительный источник финансирования, позволяющий решать насущные задачи по содержанию и ремонту федеральных трасс. При этом, данные средства «восполняют дефицит бюджетных ассигнований, который не покрывается за счет традиционных налоговых поступлений, тем самым обеспечивая устойчивое развитие дорожной инфраструктуры страны» [4, с. 363]. Однако, дискуссии вокруг «Платона» не утихают, а в реалиях сегодняшнего времени приобретают все большую остроту, затрагивая все более значимые для общества и бизнеса аспекты функционирования системы.

Нельзя сказать, что система «Платон» является оригинальной российской разработкой. Это локализованная версия общемировой практики взимания платы с тяжеловесного транспорта. Ее структура и базовые положения заимствованы из европейских и американских систем, но модифицированы под российские реалии.

В международной практике существуют аналогичные системы, например: Toll Collect в Германии, которая действует с 2005 года. Плата взимается за каждый километр на автобанах для грузовиков от 7,5 тонн. Тариф зависит от категории транспорта, экологического класса и количества осей. Все платежи направляются в дорожный фонд, а оператор системы – государственная компания.

LSVA в Швейцарии введена в 2001 году. Система взимает плату с транспортных средств массой свыше 3,5 тонн. Итоговая сумма определяется с учетом общего пробега по Швейцарии, массы и экологического стандарта. Данные о пробеге считывает таксограф, установленный на транспортном средстве.

Система евровиньеток применяется в Нидерландах, Люксембурге и Швеции. Распространяется на большегрузные автомобили полной массой 12 тонн и более. При расчете ставки учитываются продолжительность использования, уровень

⁴ Приложение № 2 к Правилам взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн : постановление Правительства Российской Федерации от 14 июня 2013 г. № 504.

⁵ Более 896 тыс грузоперевозчиков и логистических компаний зарегистрировались в госсистеме «Платон» // Платон : сайт. URL: <https://platon.ru/ru/front-page/23-10-2025/15899/> (дата обращения: 19.11.2025).

выбросов (Евро-нормы), класс CO₂ и количество осей. IFTA в США. Вместо платы за километр взимается топливный налог (акцизы включены в стоимость дизеля). Нет платы за проезд по федеральным трассам, а налог единый для всех.

Оператором системы «Платон»⁶ определена компания ООО «РТ-Инвест Транспортные Системы» (далее – РТИТС). Это решение было принято после того, как из-за изменения геополитической обстановки и соображений национальной безопасности было решено отказаться от привлечения иностранных компаний, которые ранее рассматривались в качестве потенциальных операторов.

Российский подход к управлению системой «Платон» выглядит нетипично на глобальном фоне. В мировой практике системы взимания платы с тяжеловесного транспорта чаще всего управляются либо государственными структурами, либо консорциумами с существенным государственным участием, что позволяет обеспечить публичный контроль, прозрачность тарифной политики и соответствие стратегическим интересам страны. В России управление критически важной инфраструктурной системой передано коммерческому субъекту на основе концессионного соглашения, тем самым формируя негативный образ системы в общественном мнении [5, с. 195], поскольку многие воспринимают систему «Платон» не как инструмент развития дорожной инфраструктуры, а как коммерческий проект, ориентированный на извлечение прибыли за счет перевозчиков. При этом, до 31 декабря 2018 года существовала льгота: если сумма платы в систему «Платон» превышала или равнялась сумме исчисленного транспортного налога, налогоплательщик освобождался от уплаты последнего, а если плата была меньше, транспортный налог уменьшался на ее сумму⁷. С 2019 года эта льгота отменена, и транспортный налог рассчитывается в общем порядке, независимо от платежей в систему «Платон».

На сегодняшний день компании в сфере логистики, владеющие большегрузным транспортом, платят несколько обязательных платежей, включая транспортный налог, плату по системе «Платон», ОСАГО, акцизы на топливо. Кроме того, могут быть дополнительные платы, например, утилизационный сбор. Все перечисленные платежи *формально имеют разное правовое основание* (налог, сбор, страховой взнос, плата за инфраструктуру), но *фактически взимаются с одного объекта* – большегрузного автомобиля, следовательно взимаются с одного плательщика. Суммарная нагрузка становится непропорционально высокой. При этом, платежи не всегда коррелируют с

⁶ О концессионном соглашении в отношении объектов, предназначенных для взимания платы, используемых в целях обеспечения функционирования системы взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 1662-р // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=597523#zSS6PCVCM1wCEUEy> (дата обращения: 19.11.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁷ ФНС России разъяснила нюансы применения налоговой льготы по транспортному налогу, связанной с платежами по системе «Платон» // Информационно-правовой портал Гарант.ру : сайт. URL: <https://www.garant.ru/news/1196794/> (дата обращения: 19.11.2025).

реальным износом дорог или рисками. Например, транспортный налог зависит от мощности двигателя, а не от пробега; акцизы на топливо уплачиваются независимо от того, едет ли грузовик по федеральной трассе (где действует система «Платон») или по региональной/местной дороге; система «Платон» взимает плату только за проезд по федеральным трассам, но не компенсирует износ региональных дорог. Как результат, бизнес видит в этом не систему сбалансированных сборов, а последовательное изъятие средств по разным основаниям за один и тот же актив (транспортное средство) и его эксплуатацию.

Но как отмечает Коротких Ю.С. «учитывая тот факт, что средства, получаемые от налогоплательщиков за транспортный налог идут в региональный бюджет и расходуются, соответственно, на региональные дороги, а средства, получаемые от платы за систему «Платон» идут в федеральный бюджет на строительство, ремонт, а также развитие придорожной инфраструктуры федеральных дорог не должно вызывать споров о двойном взимании платы за дороги» [6, с. 219]. Конституционный суд Российской Федерации указал, что «взимаемая с большегрузных автомобилей плата за проезд по федеральным трассам не обладает характеристиками налога и не приводит к двойному налогообложению», подчеркнув при этом, что «хотя плата не является налогом и не создает двойного налогообложения, государство должно проявлять разумную сдержанность и повышенную осторожность при установлении подобных платежей, чтобы не создавать чрезмерного финансового бремени для предпринимателей в сфере грузоперевозок»⁸.

Несмотря на принятые решения, отрасль грузовых перевозок продолжает сталкиваться с финансовыми трудностями. По данным на 2025 год, около 30% перевозчиков могут прекратить деятельность из-за роста издержек, падения спроса и отрицательной рентабельности⁹. Среди проблем называют: рост ключевой ставки и ослабление рубля, что увеличивает кредитные и лизинговые платежи; увеличение утилизационного сбора на грузовые автомобили; высокие расходы на топливо и зарплаты водителей. Это создает цепочку негативных последствий для экономики: издержки перевозчиков неизбежно переносятся на стоимость услуг, а значит – на цену перевозимых товаров. В итоге конечный потребитель сталкивается с удорожанием

⁸ По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации «О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн» и статьи 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2016 г. № 14-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198968/ (дата обращения: 23.11.2025)

⁹ «Половина рынка рухнула»: грузоперевозчики несут убытки из-за сбоя в «Платоне» // Реальное время: сайт. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/344000-gruzoperevozchiki-nesut-bolshie-ubytki-iz-za-sboev-v-platone> (дата обращения: 19.11.2025).

продукции, поскольку транспортные расходы закладываются в розничную цену практически любого товара. Таким образом, кризисные явления в грузоперевозках опосредованно усиливают инфляционное давление и снижают доступность товаров для населения [7, с. 98].

Сами перевозчики жалуются на некорректную работу системы «Платон», связанную, прежде всего, со штрафами за неоплату проезда, которые выставляются при отсутствии реального нарушения. Для оплаты проезда через систему «Платон» есть два основных способа: маршрутная карта или бортовое устройство.

Маршрутная карта оформляется на сайте platon.ru, где указываются: начальная и конечная точки маршрута; дата и время поездки; государственный номер и данные о машине. Оплата производится заранее, расчет суммы производится по количеству километров на маршруте. В случае отклонения от маршрута следуют штрафные санкции.

Второй способ – бортовое устройство. Оно бесплатно выдается в Центре информационной поддержки пользователей системы «Платон» после регистрации и заключения договора¹⁰. Устройство устанавливается на грузовик, фиксирует перемещение с помощью ГЛОНАСС/GPS, автоматически списывает деньги с расчетного счета за каждый километр. Каждое бортовое устройство закрепляется за конкретным автомобилем и переставлять его на другую машину запрещено.

Однако, на маршруте следования бортовые устройства достаточно часто теряют сигнал или некорректно фиксируют маршрут, кроме того бортовые устройства могут сломаться или допустить сбой в работе. Указанные нарушения в работе бортовых устройств приводят к ошибочному списанию платы или фиксации «неоплаченного» пробега, при этом система автоматически формирует постановление о привлечении к административной ответственности по ст. 12.21.3 КоАП РФ.

Постановление о наложении административного штрафа, вынесенное при явных сбоях бортового устройства, система «Платон» не отменяет автоматически. Для отмены перевозчику необходимо подать жалобу в Межрегиональное территориальное управление Федеральной службы по надзору в сфере транспорта по Центральному федеральному округу¹¹ в течение 10 дней с момента получения постановления, указав номер постановления и причину, по которой вынесенное постановление считается ошибочным, приложив подтверждающие документы (например, заключение оператора «Платон» о воздействии радиоэлектронной борьбы). Жалоба подается на каждое вынесенное постановление, даже если причины одинаковы.

Перевозчики регулярно указывают на формальный характер ответов Ространснадзора (шаблонная формулировка «*бортовое устройство было выключено*»), а также на затягивание сроков рассмотрения жалоб. Такие проблемы ведут к серьезным последствиям для бизнеса, например, необоснованным финансовым потерям – суммы штрафов накапливаются, особенно в случаях массовых технических

¹⁰ Центры обслуживания расположены по всей России, в каждом городе. Например, в Иркутске центр обслуживания находится по адресу: ул. Александра Невского, 15 (1 этаж).

¹¹ Жалобу можно направить через сайт Ространснадзора (rostransnadzor.gov.ru), по электронной почте Platonreb@cfo.rostransnadzor.gov.ru либо посредством почтовой связи.

сбоев [8, с. 81]. Компании вынуждены отвлекать ресурсы на оформление документов, взаимодействие с надзорными органами и судебные процедуры. Кроме того, возможны приостановки перевозок из-за блокировок расчетных счетов или ограничения доступа к системе «Платон». В совокупности эти факторы увеличивают издержки перевозчиков, снижают их рентабельность и подрывают доверие к механизмам администрирования системы.

По данным Ространснадзора, за последние три года количество нарушителей выросло на 47 %¹². Во втором квартале 2025 года перевозчикам было выставлено 1,6 млн ошибочных штрафов из-за сбоев в работе системы, связанных с помехами спутниковой навигации¹³. Ространснадзор рассмотрел более 284 тыс. жалоб и обращений о влиянии средств радиоэлектронной борьбы на работу системы «Платон». Влияние радиоэлектронной борьбы было подтверждено в 20 % случаев, и постановления по делам об административных правонарушениях в таких случаях отменялись¹⁴.

С 1 сентября 2025 года в системе «Платон» внедрен механизм автоматической реконструкции маршрута, который начал достраивать маршруты при сбоях навигации. Данные нововведения безусловно оценены положительно, хотя остались некоторые проблемы, например, некорректная работа алгоритма на сложных участках, а также трехдневный срок расчета маршрута. Внесенные изменения позволили нейтрализовать последствия внешних воздействий на спутниковую навигацию, включая помехи от средств радиоэлектронной борьбы. Это решение было направлено на снижение количества необоснованных штрафов для добросовестных перевозчиков.

Одним из вопросов вызывающим озабоченность, является обсуждение расширения системы «Платон» на региональные дороги [9, с. 48]. В ноябре 2025 года ФКУ «Дороги России» (подведомственное Минтрансу учреждение) объявило тендер на разработку финансово-экономической модели для взимания платы с грузовиков на региональных и межмуниципальных трассах. При этом подчеркивается, что окончательного решения о расширении системы для взимания платы нет, ведется только оценка экономического влияния такого решения.

Расширение системы «Платона» на региональные и муниципальные дороги может увеличить потребительские цены, так как 70 % продукции в стране перевозится автомобильным грузовым транспортом, а повышение издержек грузоотправителей может стать фактором роста инфляции. Транспортная составляющая отвечает в среднем за 10% цены товара, и расширение системы «Платон» может добавить около

¹² Неплательщиков «Платона» хотят штрафовать в 4 раза строже // logirus.ru : сайт. URL: https://logirus.ru/news/transport/neplatelshchikov_-platona-_khotyat_shtrafovot_v_4_raza_strozhe.html (дата обращения: 19.11.2025).

¹³ Воронов, А. От грузовиков отцепляют глушилки // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007052> (дата обращения: 19.11.2025).

¹⁴ Ространснадзор рассмотрел более 284 тыс. жалоб и обращений о влиянии средств РЭБ на работу системы «Платон» // Министерство транспорта Российской Федерации. Ространснадзор : сайт. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/news/17932> (дата обращения: 19.11.2025).

1% к инфляции. Хотя по региональным дорогам ездит меньше грузовиков, именно эти маршруты часто являются последними километрами доставки груза, что напрямую влияет на стоимость товаров для потребителей¹⁵.

Российская система «Платон» неоднократно подвергается критике, как со стороны перевозчиков, так и со стороны экспертов [10, с. 488]. В отличие от зарубежных аналогов, система «Платон» взимает фиксированную плату за километр без учета дополнительных факторов, таких как экологический класс автомобиля, количество осей или времени проезда. В Германии, Швейцарии, Австрии тарифы зависят от этих параметров, стимулируя обновление автопарка. Зарубежные системы взимания платы часто характеризуются более строгим контролем и прозрачностью. Так, Германия и Швейцария сочетают автоматизированный контроль с полицейскими проверками. В США применяется топливный налог (включен в цену дизеля), что исключает двойное налогообложение. Система «Платон» не предоставляет льгот для экологичных транспортных средств (в отличие от Германии, где грузовики класса Евро-6 платят меньше). Как итог, система «Платон» уступает зарубежным аналогам в гибкости, прозрачности и стимулировании экологичного транспорта.

Таким образом, система «Платон» выполняет свою основную функцию – финансирование дорог, но ее текущая реализация создает ряд проблем. Высокая фискальная нагрузка, технические сбои, несовершенство тарификации и сложности с обжалованием вынесенных постановлений, подрывают доверие к системе и усиливают давление на бизнес. Для повышения эффективности и справедливости системы «Платон» необходимы дальнейшие доработки, включая пересмотр механизмов тарификации, упрощение процедур обжалования и повышение прозрачности использования собранных средств. Только так система сможет стать действительно эффективным инструментом развития дорожной инфраструктуры без негативного влияния на экономику и потребителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подгорбунский, А. В. Транспортный налог и система взимания платы Платон в Российской Федерации: проблемы исчисления и пути решения // Современные исследования: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 27 июля 2023 г. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». 2023. С. 85–90.
2. Бобровская, О. Н. О перспективах использования системы «Платон»: задачи, оптимизация, налогообложение // Транспортное право и безопасность. 2016. № 6 (6). С. 60–65.
3. Панченко, К. И., Семенова, А. Р. Система взимания платы «Платон» и перспективы ее использования // E-Scio. 2022. № 2 (65). С. 125–133.
4. Пятковская, Ю. В. К вопросу о финансировании дорожной деятельности (правовой аспект) // Baikal Research Journal. 2024. Т.15, № 2. С. 362–370.

¹⁵ Систему взимания платы «Платон» распространят на регионы? Экономист предупредил о последствиях // Первый русский : сайт. URL: https://tsargrad.tv/dzen/sistemu-vzimanija-platy-platon-rasprostranjat-na-regiony-jekonomist-predupredil-o-posledstvijah_1137038 (дата обращения: 19.11.2025).

5. Воронина, Н. В. Влияние социально-экономических факторов на формирование платы за проезд // Научный журнал «Управленческий учет». 2023. № 2. С. 192–198.
6. Коротких, Ю. С. К вопросу совершенствования налогообложения транспортных организаций // Московский экономический журнал. 2022. № 8. С. 216–221.
7. Задворнов, В. Ю. К вопросу правоприменения осуществления временных ограничений или прекращения движения транспортных средств на дорогах // Теория и практика современной науки. 2023. № 12 (102). С. 92–107.
8. Ховавко, И. Ю. Система «Платон»: интернализация экстерналий или «кара небесная»? // Экономическая политика. 2018. № 2. С. 78–99.
9. Батищев, И. И., Низов, М. А., Можайская, И. А. Актуальные проблемы развития рынка грузовых автотранспортных перевозок // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2022. № 9. С. 46–65. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-9-46-65.
10. Боташева Л.С., Боташева А.Т. Сущность и значение системы взимания платы за проезд «Платон» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 12. С. 486–490.

REFERENCES

1. Podgorbunsky, A. V. [Transport tax and the Platon toll collection system in the Russian Federation: calculation problems and solutions]. *Sovremennye issledovaniya: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Current research: current issues of theory and practice. Collection of articles from the II International scientific and practical conference. Penza. 27 July 2023]. Penza, 2023, pp. 85-90. (In Russ.).
2. Bobrovskaya, O. N. O perspektivah ispol'zovaniya sistemy «Platon»: zadachi, optimizaciya, nalogooblozhenie [On the prospects for using the Platon system: tasks, optimization, taxation]. *Transportnoe pravo i bezopasnost' – Transport law and security*. 2016, vol. 6, no. 6, pp. 60-65. (In Russ.).
3. Panchenko, K. I., Semenova, A. R. Sistema vzimaniya platy «Platon» i perspektivy ee ispol'zovaniya [The Platon toll collection system and prospects for its use]. *E-Scio*. 2022, vol. 65, no. 2, pp. 125-133. (In Russ.).
4. Pyatkovskaya, Yu. V. K voprosu o finansirovanii dorozhnoj deyatel'nosti (pravovoj aspekt) [On the Issue of Financing Road Activities (Legal Aspect)]. *Baikal Research Journal*. 2024, vol. 15, no. 2, pp. 362-370. (In Russ.).
5. Voronina, N. V. Vliyanie social'no-ekonomicheskikh faktorov na formirovanie platy za proezd [The Influence of Socio-Economic Factors on the Formation of Tolls]. *Nauchnyj zhurnal «Upravlencheskij uchet» – Scientific Journal "Managerial Accounting"*. 2023, no. 2, pp. 192-198. (In Russ.).
6. Korotkikh, Yu. S. K voprosu sovershenstvovaniya nalogooblozheniya transportnyh organizacij [On the Issue of Improving the Taxation of Transport Organizations]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal – Moscow Economic Journal*. 2022, no. 8, pp. 216-221. (In Russ.).
7. Zadvornov, V. Yu. K voprosu pravoprimeneniya osushchestvleniya vremennyh ogranichenij ili prekrashcheniya dvizheniya transportnyh sredstv na dorogah [On the Issue of Enforcement of Temporary Restrictions or Termination of Vehicle Movement on Roads]. *Teoriya i praktika sovremennoj nauki – Theory and Practice of Modern Science*. 2023, vol. 102, no. 12, pp. 92-107. (In Russ.).

8. Khovavko, I. Yu. Sistema «Platon»: internalizaciya eksternalij ili «kara nebesnaya»? [The Plato System: Internalization of Externalities or Heavenly Punishment?]. Ekonomicheskaya politika – Economic Policy. 2018, no. 2, pp. 78-99. (In Russ.).

9. Batishchev I.I., Nizov M.A., Mozhayskaya I.A. Aktual'nye problemy razvitiya rynka gruzovyh avtotransportnyh perevozok [Actual Problems of Development of the Freight Road Transportation Market]. Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal EKO – All-Russian Economic Journal ECO. 2022, no. 9, pp. 46-65. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-9-46-65.

10. Botasheva, L. S., Botasheva, A. T. Sushchnost' i znachenie sistemy vzimaniya platy za proezd «Platon» [The Essence and Significance of the Plato Toll Collection System]. Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava – Vestnik of the Altai Academy of Economics and Law. 2020, no. 12, pp. 486-490. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахметова Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Вайсергисер Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akhmetova Irina Nikolaevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Vaysergiser Elena Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2 Ignatova St., Oryol, 302027.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 30.01.2026. The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 34-46.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 116, no. 1, pp. 34-46.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342

УТИЛИЗАЦИОННЫЙ СБОР: ПРАВОВАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ВЗИМАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Власова Елена Львовна,¹ Фидель Петр Михайлович²

^{1,2} Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

¹ vlasovael1963@gmail.com

² p-fidel@mail.ru

Введение. В статье исследуются **правовые основы и экономическая целесообразность** утилизационного сбора в Российской Федерации. В результате анализа нормативно-правовой базы (ст. 24.1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления») и подзаконных актов раскрывается механизм взимания сбора, определяются круг плательщиков, порядок расчета и исключения из него. Делаются значимые для практического применения выводы, вносятся предложения.

Материалы и методы. Используются общенаучные принципы, подходы и методы. Теоретическую основу исследования составляют научные труды, издания, публикации и иные информационно-справочные материалы, содержащие сведения о правовых основаниях и обоснованности взимания утилизационного сбора в современной экономической системе, законодательные и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации, в том числе постановления Правительства Российской Федерации, научные статьи последних лет, научно-практические пособия по исследуемой проблеме, научные доклады.

Результаты исследования. Авторы попытались оценить, насколько утилизационный сбор соответствует заявленным целям (обеспечение экологической безопасности и финансирование утилизации транспортных средств) и как он влияет на экономические процессы, в том числе на рынок автомобильной промышленности, ценообразование, конкуренцию и бюджетные поступления. В работе рассматриваются: эволюция правового регулирования утилизационного сбора с момента его введения

(2012 год) до актуальных изменений 2024–2025 гг., правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Счетной палаты Российской Федерации, выявляющие коллизии и недостатки действующего механизма, экономические эффекты: рост стоимости автомобилей, изменение структуры импорта и производства, влияние на инфляцию и бюджетные доходы, противоречия между экологической и фискальной функциями сбора, а также его роль как инструмента протекционистской политики.

Выводы и заключения. Авторы делают вывод об имеющихся пробелах и неоднозначности в механизме взимания утилизационного сбора, требующих уточнения. Кроме того, экономическая обоснованность сбора остается дискуссионной: с одной стороны, он способствует формированию инфраструктуры утилизации и поддержке отечественной автомобильной промышленности; с другой – провоцирует рост цен и сокращение доступности транспорта для населения. Для повышения эффективности сбора необходимо усилить прозрачность расходования средств на экологические цели, пересмотреть дифференцированные ставки с учетом реального воздействия транспортных средств на окружающую среду, минимизировать фискальный уклон в пользу экологической составляющей.

Ключевые слова: утилизационный сбор, экологическая безопасность, правовое регулирование, фискальная политика, автомобильная промышленность, отходы производства и потребления, Конституционный Суд Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации

Для цитирования: Власова, Е. Л., Фидель, П. М. Утилизационный сбор: правовая обоснованность взимания в современной экономической системе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 34-46.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

RECYCLING FEE: LEGAL VALIDITY OF LEVYING IN THE CURRENT ECONOMIC SYSTEM

Elena L. Vlasova¹, Petr M. Fidel²

^{1,2} East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

¹ vlasovael1963@gmail.com

² p-fidel@mail.ru

Introduction. The article examines the legal framework and economic feasibility of the recycling fee in the Russian Federation. Through an analysis of the regulatory framework (Article 24.1 of Federal Law No. 89-FZ "On Production and Consumption Waste," dated June 24, 1998) and its implementing regulations, the study elucidates the fee collection mechanism,

defines the scope of payers, calculation procedures, and exemptions. Findings significant for practical application are presented, along with specific legislative proposals.

Materials and Methods. The study employs general scientific principles, approaches, and methods. The theoretical framework is comprised of scholarly works, monographs, academic papers, and other reference sources concerning the legal basis and rationale for the recycling fee in the modern economic system. The research materials include legislative and regulatory acts of the Russian Federation, specifically Russian Government Resolutions, recent peer-reviewed articles, practical manuals, and research reports.

The Results of the Study. The study evaluates the extent to which the recycling fee aligns with its declared objectives (ensuring environmental safety and financing vehicle disposal) and its impact on economic processes, including the automotive market, pricing, competition, and fiscal revenues. The paper examines: the evolution of recycling fee regulations from their inception in 2012 to the latest 2024–2025 amendments; legal positions of the Constitutional Court and the Accounts Chamber of the Russian Federation that identify legal conflicts and shortcomings in the current mechanism; and economic effects, such as rising vehicle costs, structural changes in imports and production, and the impact on inflation. Finally, the study highlights the contradictions between the fee's environmental and fiscal functions, as well as its role as a protectionist tool.

Findings and Conclusions. The authors conclude that there are gaps and ambiguities in the recycling fee collection mechanism that require clarification. Furthermore, the economic feasibility of the levy remains debatable: on the one hand, it promotes the development of recycling infrastructure and supports the domestic auto industry; on the other, it drives up prices and reduces vehicle affordability for the population. To improve the levy's effectiveness, it is necessary to enhance the transparency of environmental spending, revise differentiated rates based on the actual environmental impact of vehicles, and shift the focus from its fiscal bias toward environmental sustainability.

Keywords: recycling fee, environmental safety, legal regulation, fiscal policy, automotive industry, production and consumption waste, Constitutional Court of the Russian Federation, Accounts Chamber of the Russian Federation

For citation: Vlasova, E. L., Fidel, P. M. Utilizatsionnyy sbor: pravovaya obosnovannost' vzimaniya v sovremennoy ekonomicheskoy sisteme [Recycling fee: legal validity of levying in the current economic system]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 34-46. (In Russ.).

Еще десятилетие назад о существовании утилизационного сбора знали лишь профильные специалисты и импортеры. Однако с 2023 года этот платеж превратился в предмет ожесточенных споров о балансе экологии, экономики и социальной справедливости. Утилизационный сбор, введенный как инструмент экологической безопасности, эволюционировал в механизм поддержки национального производителя – автомобильной промышленности. Такая трансформация, бесспорно, заставляет переосмыслить его природу и цели [1, с. 70].

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее – БК РФ) доходы бюджетов делятся на три группы: налоговые доходы (ст. 50 БК РФ), неналоговые доходы (ст. 51 БК РФ) и безвозмездные поступления (ст. 41 БК РФ). При этом налоговые доходы регулируются исключительно Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ), а неналоговые могут устанавливаться федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами, а также подзаконными актами. Основными характеристиками налоговых платежей является их принудительный характер и регулярность.

Неналоговые доходы включают разнообразные платежи, которые не относятся к налоговым и не являются безвозмездными поступлениями (субсидиями, дотациями, субвенциями).

Они часто носят разовый характер и могут быть как обязательными, так и добровольными¹.

Таким образом, утилизационный сбор относится к неналоговым доходам федерального бюджета (п. 1 ст. 51 БК РФ). Средства от утилизационного сбора зачисляются в федеральный бюджет Российской Федерации.

Правовое регулирование утилизационного сбора и его правовая природа определены ч. 1. ст. 24.1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»² (далее – Федеральный закон № 89-ФЗ), в которой дается следующее определение утилизационного сбора: разовый обязательный платеж за каждое колесное транспортное средство (шасси), самоходную машину, прицеп к ним, ввозимые в Российскую Федерацию или произведенные, изготовленные в Российской Федерации.

На основании Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и статью 51 Бюджетного кодекса Российской Федерации» утилизационный сбор в России начали взимать с 1 сентября 2012 г.³

Впервые аналог утилизационного сбора был введен в России в 2009 году при утверждении федеральной программы по утилизации автомобилей. Владелец старой

¹ Примеры неналоговых платежей: плата за негативное воздействие на окружающую среду; утилизационный сбор, экологический сбор, плата за проведение государственной экспертизы проектной документации, государственные пошлины (например, за выдачу документов, регистрацию прав).

² Об отходах производства и потребления : Федер. закон № 89-ФЗ : принят Гос. Думой 22 мая 1998 г. : одобрен Советом Федерации 10 июня 1998 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 10.11.2025).

³ Об отходах производства и потребления» и статью 51 Бюджетного кодекса Российской Федерации : О внесении изменений в Федеральный закон : Федер. закон № 128-ФЗ : принят Гос. Думой 13 июля 2012 г. : одобрен Советом Федерации 18 июля 2012 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133273/ (дата обращения: 10.11.2025).

машины сдавал ее на переработку, уплатив дилеру 3 тыс. рублей, и получал сертификат на скидку в 50 тыс. рублей при покупке нового автомобиля (при условии, что он произведен в России). Такая программа действовала в 2010–2011 годах.

4 апреля 2012 г. в Тольятти⁴ в ходе проведения совещания по вопросам развития автомобильной отрасли в условиях вступления России во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО) В. В. Путин поддержал идею представителя международной природоохранной организации Greenpeace И. Бокова о необходимости введения ответственности производителя при утилизации отходов.

Соответствующие поправки о введении утилизационного сбора были внесены в Федеральный закон № 89-ФЗ и БК РФ, и 30 августа 2012 г. Правительство Российской Федерации утвердило правило взимания и ставки сбора. Правила расчета утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291 «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (далее – постановление № 1291)⁵. С 1 декабря 2025 г. на основании постановления Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2025 г. № 1713 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291» при расчете коэффициента утилизационного сбора дополнительно учитывается мощность двигателя.

Утилизационный сбор был введен как мера защиты российского рынка от потока старых иномарок после присоединения России к ВТО. Снижение таможенных пошлин в рамках членства в ВТО могло привести к росту импорта подержанных автомобилей, не соответствующих современным экологическим стандартам.

Первоначально утилизационный сбор уплачивали только импортеры легковых и грузовых автомобилей, юридические и физические лица. Производители России и стран Таможенного союза, то есть Белоруссия и Казахстан, были освобождены от уплаты утилизационного сбора, если брали на себя обязательства по безопасной переработке своих старых автомобилей. С 2014 года эти послабления отменили на основании постановления Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291. Утилизационный сбор взимала Федеральная таможенная служба. Плательщики исчисляли размер сбора самостоятельно в соответствии

⁴ В. В. Путин провел на АвтоВАЗе (г. Тольятти) совещание о развитии автомобильной отрасли в условиях вступления России в ВТО // Правительство Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://archive.government.ru/special/docs/18616/> (дата обращения: 10.11.2025)

⁵ Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора») : постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156832/ (дата обращения: 10.11.2025).

с утвержденными правилами и перечнем видов и категорий транспортных средств. Размер сбора рассчитывался с учетом возраста транспортного средства и объема двигателя. Например, для нового легкового автомобиля с двигателем объемом 2,5 литра в 2012 году размер ставки с учетом коэффициентов составлял 51,2 тыс. рублей, а для подержанного (старше 3 лет) – 322,4 тыс. рублей⁶. Данное исключение собственно и послужило причиной подачи иска Евросоюзом в Орган по разрешению споров (далее – ОРС) Всемирной торговой организации. Аргументы истцов в основном касались дискриминации иностранных производителей, так как они не могли получить освобождение от сбора, в отличие от российских компаний. Размер сбора был рассчитан так, чтобы примерно соответствовать сумме снижения ввозной пошлины. Утилизационный сбор фактически компенсировал снижение таможенных пошлин после вступления России в ВТО, что противоречило обязательствам страны перед организацией.

Из-за иска в ОРС в 2013 году в Федеральный закон № 89-ФЗ были внесены поправки, распространившие требование об уплате пошлин на автосборочные предприятия в России и других странах Таможенного союза.

Одновременно для российских предприятий постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2013 г. № 520 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям и индивидуальным предпринимателям на возмещение затрат в связи с осуществлением ими деятельности по обращению с отходами, образовавшимися в результате утраты колесными транспортными средствами и шасси, в отношении которых уплачен утилизационный сбор, своих потребительских свойств»⁷ (далее – постановление № 186) были введены субсидии, сопоставимые с размером сбора. В 2016 году сбор был проиндексирован на 65 %, в 2018 году – в среднем на 15 %, но по некоторым позициям рост достиг 90 %. В действовавшей до 2020 года редакции постановления № 186 утилизационный сбор с учетом коэффициентов для нового легкового автомобиля с объемом двигателя 2,5 литра составлял 126 тыс. рублей, для подержанного – 480 тыс. руб.

До 2020 года размеры утилизационного сбора не менялись в части базовых ставок, однако коэффициенты, применяемые к этим ставкам, корректировались. Например, постановлением Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2019 г. № 1457 «О внесении изменений в перечень видов и категорий колесных

⁶ Там же.

⁷ Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям автомобилестроения, в том числе их дочерним организациям, которые в 2015 году привлекали кредиты на цели рефинансирования и (или) приобретения прав требований по кредитам и займам, ранее привлеченным их дочерними и зависимыми обществами, и (или) их аффилированным лицам на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, привлеченным указанными организациями автомобилестроения, в том числе их дочерними организациями, и (или) их аффилированными лицами на цели рефинансирования кредитов и иные цели : постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2018 года № 186 : послед. ред. // Правительство России : офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/115501/> (дата обращения: 10.11.2025).

транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, в отношении которых уплачивается утилизационный сбор, а также размеров утилизационного сбора»⁸ были увеличены коэффициенты для новых легковых автомобилей категории М1 с объемом двигателя от 1000 до 3000 куб. см, при этом базовые ставки (20 000 рублей для легковых авто) остались неизменными.

Итак, плательщиками утилизационного сбора являются российские производители транспортных средств, импортёры транспортных средств, покупатели (физические и юридические лица) транспортных средств, по которым не уплачен утилизационный сбор, покупатели транспортных средств, приобретённые у тех лиц, кто освобождён от уплаты утилизационного сбора по закону или не уплатил по каким-либо иным причинам.

При этом Федеральный закон № 89-ФЗ определил случаи, когда утилизационный сбор не уплачивается:

- при ввозе транспортных средств беженцами, вынужденными переселенцами или участниками госпрограммы по добровольному переселению соотечественников;
- при ввозе транспорта дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями, международными организациями и их сотрудниками;
- с автомобилями старше 30 лет, отреставрированных до оригинального состояния и не используемых в коммерческих целях;
- с машин не старше трех лет, ввезенных и используемых в Калининградской области;
- при временном ввозе (допуске) транспортных средств и в некоторых других случаях.

Виды транспортных средств, в отношении которых уплачивается утилизационный сбор, определяются Правительством Российской Федерации, точно так же как и размер утилизационного сбора, который зависит от года выпуска транспортного средства, его массы, других физических характеристик, влияющих на затраты, связанные с обращением с отходами, образовавшимися в результате утраты транспортным средством своих потребительских свойств.

Однако утилизационный сбор в России никогда не направлялся на финансирование утилизации автомобилей: его основными функциями всегда оставались регуляторная и фискальная. Это подтверждается как анализом законодательства, так и практикой применения механизма. Регуляторная функция означает, что главная задача утилизационного сбора – не финансировать утилизацию, а управлять рынком, то есть защищать местных производителей, содействовать размещению производства на территории страны, контролировать импорт и направлять развитие автомобильной отрасли в нужное русло [2, с. 277].

⁸ О внесении изменений в перечень видов и категорий колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, в отношении которых уплачивается утилизационный сбор, а также размеров утилизационного сбора : постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2019 г. № 1457 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338423/ (дата обращения: 10.11.2025).

Так, после вступления России в ВТО в 2012 году снижение таможенных пошлин потребовало введения утилизационного сбора (далее – утильсбор) как компенсационной меры, что позволило ограничить приток иностранных автомобилей, особенно с низким экологическим классом. При этом для российских компаний предусматривались субсидии, сопоставимые с размером сбора, при условии высокой локализации производства. Например, АвтоВАЗу возвращали весь уплаченный сбор, что делало производство в России более привлекательным. Средства из бюджета, формируемого за счет утильсбора, направлялись на программы государственной поддержки промышленных предприятий, включая станкостроение, робототехнику, микроэлектронику и другие направления⁹.

Фискальная функция утильсбора означает его роль как инструмента для пополнения доходной части государственного бюджета. Основная цель такого сбора – получение средств в федеральный бюджет государства. Доходы от утильсбора несопоставимо больше расходов на льготные программы для стимулирования спроса на автомобили. Например, доходы от утильсбора в 2023 году составили 659 млрд рублей, в 2024 году – превысили 1 трлн рублей. Это в 1,7 раза больше по сравнению с 2023 годом и на 13 % выше прогноза. При этом расходы составили 17,5 млрд рублей, то есть всего 2,6 % от доходов¹⁰.

Еще в 2021 году Счетная палата Российской Федерации под председательством А. Кудрина раскритиковала утилизационный сбор, указав, что он не выполняет своей основной функции – обеспечения экологической безопасности, а приоритет отдается фискальной и регулирующей функциям¹¹.

Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) неоднократно рассматривал вопросы, связанные с утилизационным сбором, и в своих решениях неизменно отстаивал права плательщиков, требуя соблюдения конституционных принципов справедливости и баланса интересов. Например, КС РФ отмечал, что при временном ввозе транспортных средств утилизация не предполагается, а сбор выполняет другую функцию¹².

⁹ Масюк, И. Куда идут деньги от утильсбора: в Минпромторге все разложили по полочкам // Комсомольская правда : сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/27721/5147564/> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁰ Гаджиева, М. Авто и платеж: доходы бюджета от утильсбора превысили 1 трлн рублей. Почему поступления по этой статье стремительно растут и что будет с ценами на машины // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1829810/milana-gadzieva/avto-i-platez-dohody-budzeta-ot-utillsbora-prevysili-1-trln-rublei> (дата обращения: 10.11.2025).

¹¹ Утильсбор раскритиковали... за то, что отбил от целей // LOGIRUS : сайт. URL: https://logirus.ru/news/transport/utillsbor_raskritikovali-_za_to-_chto_otbilsya_ot_tseley.html (дата обращения: 10.11.2025).

¹² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Мотомир» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 3 статьи 24.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» : определение от 25 июня 2019 г. № 1564-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=590002#eNlYZ9VoxFgV7tZH> (дата обращения: 10.11.2025).

Российская ассоциация дилеров (далее – РОАД) последовательно выступает с критикой утилизационного сбора, акцентируя внимание на отсутствии прозрачности, рисках роста цен и необходимости пересмотра подходов к использованию собранных средств. Эти позиции отражают интересы как дилеров, так и потребителей, обеспокоенных состоянием автомобильного рынка¹³.

Некоторые эксперты и юристы считают, что утилизационный сбор с момента введения задумывался как вынужденная мера для обхода правил ВТО и фактически служит квазиналогом.

Однако стоит отметить, что официальная позиция государства заключается в том, что сбор направлен на обеспечение экологической безопасности и поддержку отечественной промышленности.

С июля 2023 года по весну 2024 года правила расчета утильсбора менялись три раза, каждый раз повышалась сумма и ужесточались нормы ввоза.

Именно постановлением Правительства Российской Федерации от 7 июля 2023 г. № 1118 было введено понятие коммерческого утильсбора для физических лиц. Цель коммерческого утильсбора – предотвратить обход высоких ставок юридическими лицами через оформление автомобилей на физических лиц, а также стимулировать развитие отечественной автомобильной промышленности за счет повышения затрат на импорт. Коммерческий утилизационный сбор для физических лиц – это платеж, который применяется к автомобилям, ввозимым физическими лицами не для личного пользования, а с целью перепродажи или иной коммерческой деятельности. В отличие от льготного сбора для личного пользования, коммерческий утильсбор рассчитывается по повышенным коэффициентам, что существенно увеличивает его размер. Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2023 г. № 1722 были конкретизированы условия ввоза автомобиля физическим лицом для личного пользования, ключевыми условиями которых явились требования по ограничению объема двигателя до 3 литров, ввоз и регистрация на свое имя, владение не менее 1 года. Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2024 г. № 152 был изменен принцип расчета утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним.

13 сентября 2024 г. выходит новое постановление Правительства Российской Федерации № 1255, которое вступило в силу с 1 октября 2024 года и было направлено на уточнение порядка расчета утилизационного сбора, особенно в части транспортных средств, ввезенных через страны ЕАЭС. Это было связано с необходимостью учета разницы в таможенных платежах, НДС и акцизах между страной ввоза и Российской Федерацией. К сожалению, данное постановление было не последним. С 1 декабря 2025 г. вступили в силу новые правила, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2025 г. № 1713. Эти изменения коснулись не только расчета утилизационного сбора для легковых

¹³ Воронцов, А. «Пробег не скрутят». Глава РОАД о новом законопроекте, «утиле» и скидках // РБК : сайт. URL: <https://www.autonews.ru/news/68f78faa9a7947471c3bebee> (дата обращения: 10.11.2025).

автомобилей категории М1, но и объема двигателя, его мощности. Изменение суммы утилизационного сбора в зависимости от ключевых параметров легковых автомобилей категории М1 представлено в таблице.

Таблица

Изменение суммы утилизационного сбора в зависимости от ключевых параметров легковых автомобилей категории М1

Параметр	Сумма утилизационного сбора		
	2012 год	2020 год	2025 год (с 1 декабря)
Базовая ставка для легковых автомобилей	20 000 руб.	20 000 руб.	20 000 руб.
Новый легковой автомобиль (2,5 л)	51 200 руб.	126 000 руб.	3 400 руб. (для физических лиц ввоз для личного пользования)
Подержанный автомобиль (старше 3 лет, 2,5 литра, 160 л. с.)	322 400 руб.	480 000 руб.	5 200 руб. (для физических лиц, ввоз для личного пользования)

При этом, если мощность двигателя автомобиля превышает 160 л. с., то сумма утильсбора может составить от 1 922 200 рублей для новых и от 2 880 000 рублей – для подержанных автомобилей. Для коммерческого использования (юридических лиц и при перепродаже) ставки в 2025 году значительно выше. Например, для новых автомобилей с двигателем 2,5 л сумма сбора может достигать 1 875 400 рублей, а для подержанных – 2 812 000 рублей. Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2025 г. № 1713 также предусмотрена ежегодная индексация утилизационного сбора на 10–20 % в зависимости от категории транспорта и объема двигателя. Это означает, что размер утилизационного сбора будет пересматриваться каждый год с учетом этих факторов.

По данным проекта федерального бюджета ¹⁴, планируемые доходы от утилизационного сбора на транспорт должны составить в 2025 году около 1,1 трлн рублей. При этом изначально прогнозировалась сумма в 2 трлн рублей, но

¹⁴ О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов : Федер. закон № 419-ФЗ : принят Гос. Думой 21 ноября 2024 г. : одобрен Советом Федерации 27 ноября 2024 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=518143#X6VJhAVotfzOk2Xk> (дата обращения: 10.11.2025).

из-за падения продаж автомобилей и сокращения импорта оценка была снижена. В 2026 году планируемые доходы от утилизационного сбора на транспорт должны составить 1,65 трлн рублей. Ожидается рост на 46,7 % по сравнению с скорректированными показателями 2025 года. В 2027 году доходы должны составить около 2 трлн рублей. Однако фактические поступления могут отличаться из-за колебаний рынка.

Таким образом, утилизационный сбор в России эволюционировал от инструмента экологической безопасности в механизм поддержки национальной автомобильной промышленности, что вызывает дискуссии о балансе между экономикой, экологией и социальной справедливостью. Его правовая основа закреплена в Федеральном законе № 89-ФЗ (ст. 24.1), где он определен как разовый обязательный платеж за каждое транспортное средство, ввозимое или произведенное в Российской Федерации. Изначально введенный в 2012 году как мера защиты от потока старых иномарок после вступления России в ВТО утилизационный сбор со временем стал инструментом регулирования рынка. Его функции смещались в сторону поддержки отечественных производителей и фискального наполнения бюджета, а не экологической безопасности. Сбор используется для управления импортом, стимулирования локализации производства и пополнения федерального бюджета. Доходы от утилизационного сбора значительно превышают расходы на связанные с ним программы. В настоящее время планируется ежегодная индексация утилизационного сбора на 10–20 % до 2030 года. Однако новые правила расчета, предложенные в 2025 году, вызвали массовую критику и были отложены из-за сложностей в администрировании и противоречий в нормативной базе, а главное – несоответствия изначальной цели (экологической безопасности). Утилизационный сбор остается спорным инструментом государственной политики, сочетающим экологические, экономические и социальные аспекты. Его дальнейшая эволюция будет зависеть от баланса между интересами государства, автомобильной промышленности и потребителей.

Можно согласиться с мнением о необходимости сохранения экологической функции платежа, снижения социального напряжения и повышения прозрачности системы. С этой целью предлагаем альтернативы утилизационному сбору и варианты его совершенствования, а именно заменить утильсбор на целевые экологические механизмы, например, взимать экологический налог с производителей и импортеров по массе и классу опасности материалов (пластик, аккумуляторы, шины, масла). Полученные средства считаем целесообразным направлять в специальный фонд утилизации, для использования которого необходимо предусмотреть публичную отчетность. Далее необходима расширенная ответственность производителя (далее – РОП), который однозначно обязан обеспечить утилизацию своих автомобилей по окончании срока службы (самостоятельно или через аккредитованных операторов), а государство может субсидировать инфраструктуру переработки, а не выплачивать компенсации автопроизводителям. Думается о введении в практику залоговой системы при

продаже, когда покупатель платит надбавку, которая возвращается при сдаче отхода в пункт приема. Необходимо утвердить ГОСТы для переработанных металлов, пластика, резины и обеспечить обязательное использование вторичного сырья в новых автомобилях. Необходимо ввести налоговые льготы для утилизаторов, в том числе путем снижения НДС (или налога на прибыль) для перерабатывающих предприятий, а также ввести реестр таких предприятий.

Считаем, что утильсбор должен быть связан с реальной утилизацией, а не с протекционизмом. Для этого нужны публичная отчетность, долгосрочная стабильность правил и ориентация на экологические показатели, а не только на объем двигателя или возраст автомобиля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Багратуни, С. А. Утилизационный сбор как мера протекционизма, обеспечивающая экономическую безопасность России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 4 (56). С. 69–79.

2. Чудненко, В. А. Меры протекционизма и экология: двоякая сущность утилизационного сбора в России и возможные варианты его преобразования // Закон и право. 2025. № 1. С. 275–279.

REFERENCES

1. Bagratuni, S. A. Utilizatsionnyy sbor kak mera protektsionizma, obespechivayushchaya ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii [The Recycling Fee as a Protectionist Measure Ensuring Russia's Economic Security]. Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii – Scientific Notes of the V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy. 2015, vol. 56, no. 4, pp. 69-79. (In Russ.).

2. Chudnenko, V.A. Mery protektsionizma i ekologiya: dvoyakaya sushchnost' utilizatsionnogo sbora v Rossii i vozmozhnyye varianty yego preobrazovaniya [Protectionist Measures and the Environment: The Dual Nature of the Recycling Fee in Russia and Possible Options for Its Transformation]. Zakon i pravo – Law and Right. 2025, no. 1, pp. 275-279. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власова Елена Львовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0003-0929-8176

Фидель Петр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID: 0000-0002-3097-4522

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vlasova Elena Lvovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

ORCID: 0000-0003-0929-8176

Fidel Petr Mikhailovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

ORCID: 0000-0002-3097-4522

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 47-63.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 47-63.

**5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.163

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
 И РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ**

Гурдин Сергей Валерьевич¹, Терехов Михаил Юрьевич²

^{1,2}Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел
 Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация

¹s.gurdin@ro.ru

²terehovmu@yandex.ru

Введение. В статье предпринимается попытка комплексного переосмысления развития органов прокуратуры в российской правовой системе. На основе диалектического метода познания и ретроспективного анализа нормативных актов прошлого прослеживается эволюция института прокурорского надзора от его зарождения в недрах римского права и французской административной системы до трансформации в «око государево» в Российской империи и дальнейшего развития в современные дни. В статье критически осмысливаются исторические предпосылки возникновения прокуратуры, ее онтологическая природа и функциональное предназначение в механизме государственного управления. Особое внимание уделено этимологическому анализу и рецепции зарубежного опыта, в частности французской модели XII–XIV веков. Авторами формулируется оригинальное определение понятия «истоки возникновения органов прокуратуры», базирующееся на выявлении исторической потребности верховной власти в специализированном контрольном институте. Исследование направлено на выявление закономерностей развития надзорной власти, что позволяет в современных условиях сформировать научно обоснованный комплекс мер законодательного и организационного характера для повышения эффективности уголовного судопроизводства и правоохранительной деятельности в целом.

Материалы и методы. Материалами послужили научные исследования ученых, занимавшихся историей возникновения и развития органов прокуратуры, их местом и ролью в системе государственного устройства России, нормы законодательства разных

исторических эпох, регламентировавшие их деятельность. При написании статьи был использован диалектический метод познания для определения понятия «предпосылки возникновения органов прокуратуры в России», историко-правовой метод, позволивший разграничить некоторые основные с нашей точки зрения этапы исторического развития органов прокуратуры и в какой-то мере прокурорского надзора как основного вида деятельности этих органов, сравнительно-правовой, формально-юридический, методы анализа научных, исторических и нормативно-правовых источников, синтеза и другие, позволившие сделать возможным осуществление данного исследования.

Результаты исследования позволили сформулировать определение понятия «предпосылки возникновения органов прокуратуры в России», уточнить процесс возникновения и становления органов прокуратуры, определить их место и роль в системе государственного устройства в разные исторические периоды и на основе полученных сведений уточнить их положение в системе современной российской государственности, а также обозначить и предложить варианты решения проблем современного периода, имеющих прямое отношение к историческому генезису, связанных в том числе с изменением в объеме полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что современное состояние органов прокуратуры, их организация и деятельность соответствуют историческому периоду развития общества и государства в целом, при этом предлагаемые в статье комплексные меры по совершенствованию их организации и деятельности будут способствовать усилению их роли в государственном устройстве.

Помимо этого, сформулирован вывод о необходимости укрепления координирующей роли прокуратуры посредством законодательного отражения полномочий органов прокуратуры как единственного государственного координатора всей правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью. Очевидно, что такая централизованная координирующая функция требуется для преодоления ведомственной разобщенности, унификации методов противодействия преступности и роста общей эффективности правоохранительной системы за счет совместных мер по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений.

Выводы и заключения. История прокуратуры России отражает эволюцию отечественной государственности: от «ока государева» через состязательность 1864 г. к советскому надзору, подтверждая незаменимость данного института как основы правового механизма. Современный этап требует эволюционных, но решительных мер, например: восстановления полноценного прокурорского контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, введения института следственного судьи и других. Это обеспечит баланс сильного надзора с принципами состязательности и независимости судов, укрепит прокуратуру в роли гаранта соблюдения законности, прав и свобод человека и гражданина не только в уголовном процессе, но и других отраслях государственной деятельности.

Ключевые слова: исторический аспект, прокурорский надзор, генезис права, судебная реформа, следственный судья, уголовное судопроизводство, государственное устройство, законность, рецепция права, властные полномочия.

Для цитирования: Гурдин, С. В., Терехов, М. Ю. Исторические предпосылки возникновения и развития органов прокуратуры России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 47-63.

**5.1.2. Public Law (State Law) Sciences
(Legal Sciences)**

Original article

**HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND
DEVELOPMENT OF THE PROSECUTION BODIES OF RUSSIA**

Sergey V. Gurdin¹, Mikhail Y. Terekhov²

^{1,2}Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

¹s.gurdin@ro.ru

²terehovmu@yandex.ru

Introduction. This article attempts to comprehensively reimagining the development of prosecutorial bodies in the Russian legal system. Drawing on a dialectical method of cognition and a retrospective analysis of past legal acts, the evolution of the institution of prosecutorial supervision is traced from its origins in Roman law and the French administrative system to its transformation into the "eye of the sovereign" in the Russian Empire and its subsequent development in modern era. The article critically examines the historical prerequisites for the emergence of the prosecutor's office, its ontological nature, and its functional purpose within the mechanism of public administration. Particular attention is paid to the etymological analysis and the reception of foreign experience, specifically the French model of the 12th–14th centuries. The authors formulate an original definition of the concept of "the origins of the prosecutor's office," based on identifying the historical need of the supreme authority for a specialized control institution. The study aims to identify patterns in the development of supervisory power, which, in modern conditions, allows for the formulation of a scientifically substantiated set of legislative and organizational measures to improve the effectiveness of criminal proceedings and law enforcement in general.

Materials and Methods. The research materials include academic studies on the history and development of prosecution bodies, their role within the Russian state system, and the legal frameworks of various historical periods that regulated their activities. The study employs a dialectical method of cognition to define the concept of "prerequisites for the emergence of prosecution bodies in Russia." A historical-legal method was applied to delineate the key stages of the evolution of the Prosecutor's Office and the development of prosecutorial supervision as its core function. Additionally, the research utilizes comparative-legal and formal-legal methods, along with the analysis of scholarly, historical, and legislative sources, synthesis, and other systemic approaches to ensure a comprehensive investigation.

The Results of the Study. The study resulted in a formal definition of the "prerequisites for the emergence of prosecution bodies in Russia" and clarified the process of their establishment. The research determined their role within the state system across various historical periods, providing a basis for redefining their legal standing in modern Russian

statehood. Furthermore, the authors identified and proposed solutions to contemporary challenges rooted in the historical genesis of the institution, particularly those concerning the scope of prosecutorial powers in criminal proceedings. It is argued that while the current state of prosecution bodies aligns with the present stage of social and state development, the proposed comprehensive measures will further enhance their institutional role.

Additionally, the study concludes that the coordinating role of the Prosecutor's Office must be strengthened by legislatively establishing it as the sole state coordinator of all law enforcement anti-crime efforts. Such a centralized function is essential to overcome inter-agency fragmentation, unify crime-fighting methodologies, and increase the overall efficiency of the law enforcement system through integrated measures for crime detection, investigation, and prevention.

Findings and Conclusions. The history of the Russian Prosecutor's Office reflects the evolution of Russian statehood: from the "Eye of the Sovereign" through the adversarial reforms of 1864 to Soviet supervision, confirming the indispensability of this institution as a cornerstone of the legal mechanism. The current stage requires evolutionary yet decisive measures, such as restoring full prosecutorial supervision at the pre-trial stages of criminal proceedings and introducing the office of the examining magistrate (investigative judge). This will ensure a balance between robust oversight and the principles of adversary justice and judicial independence, strengthening the Prosecutor's Office as a guarantor of the rule of law and human rights not only in criminal process but also in other spheres of state governance.

Keywords: historical aspect, prosecutorial supervision, genesis of law, judicial reform, investigating judge, criminal proceedings, state structure, legality, reception of law, authority

For citation: Gurdin S. V., Terekhov M. Yu. Istoricheskie predposylki vzniknoveniya i razvitiya organov prokuratury Rossii [Historical prerequisites for the emergence and development of the prosecution bodies of Russia]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 47-63. (In Russ.).

Современная юридическая наука, пребывая в перманентном поиске оптимальной модели уголовного судопроизводства и государственного надзора, неизбежно обращается к историческому опыту. Общеизвестно, что глубокая эволюция создания и развития какого-либо государственного органа позволяет исследователю выявить не только сухие факты хронологии, но и историческое предназначение этого органа, а также определить его аутентичное место в системе иных государственных органов.

Нельзя рассматривать современную прокуратуру в отрыве от той исторической почвы, на которой она формировалась. Понимание логики прошлых реформ, анализ исторической потребности реализации функций, возложенных на этот орган, и внимательное изучение зарубежного опыта – это те «три кита», на которых должно строиться любое серьезное теоретическое изыскание. Только такой подход в своей совокупности позволит уже в современных, динамично меняющихся условиях сформировать комплекс необходимых мер как законодательного, так

и организационного характера, позволяющих существенно повысить эффективность деятельности этого ключевого правоохранительного института.

Сегодня, когда мы сталкиваемся с вызовами цифровизации, усложнением структуры преступности и необходимостью гуманизации уголовного процесса, крайне важно отделить полезное от ненужного: понять, какие функции прокуратуры являются ее имманентными, сущностными характеристиками, а какие — наносными, продиктованными конъюнктурой момента. В данном исследовании мы не просто перечисляем периоды времени, но пытаемся вскрыть «генетический код» российской прокуратуры.

Для уяснения сущности любого правового феномена необходимо обратиться к его семантическим корням. Понятия «прокурор» и «прокуратура» этимологически восходят к латинскому глаголу «*procurare*», что в буквальном переводе имеет глубокий и многогранный смысл: «забочусь», «обеспечиваю», «предотвращаю», «управляю»¹. В этимологии данных слов содержится двойственность природы прокуратуры, которая будет проследиваться через века: это сочетание *заботы* (охранительная функция) и *управления* (властно-распорядительная функция).

Исторический анализ показывает, что в государственном устройстве самых древних цивилизаций — будь то Египет или Междуречье — не было такой процессуальной фигуры, как прокурор в нашем современном понимании. Функции обвинения и надзора были растворены в общей системе административного управления и жреческой власти.

Однако уже в римском праве существовала должность прокурора. В Древнем Риме этот чиновник обладал широчайшим, синкретичным набором полномочий. Он мог выступать и доверенным лицом римского гражданина в частных судебных и коммерческих делах (аналог современной адвокатуры и представительства), и домоправителем, и, что наиболее важно для нашего исследования, наместником императора. Как наместник, прокурор являлся лицом, управляющим провинциями, с сосредоточением в своих руках всей полноты власти, включая высшую судебную и фискальную.

Позднее, в эпоху эллинизма, предназначение прокуратуры трансформировалось, но сохраняло свою публично-правовую природу. Оно состояло как в надзоре за исполнением предписаний государственной власти (функция «ока»), так и в непосредственном осуществлении обвинения в суде, где такие должностные лица именовались «ораторами». Уже гораздо позже предназначение прокуратуры, по описанию очевидцев того времени, выглядело вот так: «Являясь стороною на суд, прокуратура не могла переварить мысли, что она, украшенная всеми наружными атрибутами власти и силы, назначенная представлять в своем лице» отражение престижа могущественных сфер, вооруженных всею мощью государственной власти, — что она должна в качестве казенного обвинителя стоять пред судом на одной доске с адвокатом, с этим скромным представителем частного интереса единичного гражданина, не имеющего иных средств воздействия для защиты его свободы, чести в

¹ Латинско-русский словарь : около 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. 13-е изд., стер. М. : Медиа, 2023. С. 817.

имущества, как разум законов и законы разума и справедливости», – именно так описывал в своих трудах деятельность прокуратуры российский правовед, историк и публицист Григорий Аветович Джаншиев [1, с. 834].

Здесь следует сделать важный доктринальный вывод, который часто упускается из виду сторонниками сугубо обвинительной модели прокуратуры. При создании этого органа в его архетипическом виде основная идея состояла отнюдь не в карательном предназначении, а в обеспечении высшей справедливости и законности. Кара (или наказание) была лишь инструментом, но не самоцелью.

Говоря о телеологии (предназначении) прокуратуры, нельзя не отметить аксиоматичный тезис: ей свойственна такая функция, как надзор за исполнением законов, которая возникла синхронно с появлением самого права. Как только появляется норма (закон), неизбежно возникает необходимость в механизме, контролирующем ее соблюдение. То же самое можно с полной уверенностью сказать и о функции уголовного преследования — обвинения от имени государства преступников и других правонарушителей. Надзор и преследование – две функции прокуратуры, являющиеся диалектически связанными составными частями публичной власти.

Таким образом, возникновение потребности в специализированном институте, осуществляющем надзор за соблюдением законности, исторически обусловлено самим генезисом права и, как следствие, неизбежным феноменом правонарушений.

В настоящее время вполне возможно говорить о прокуратуре как о сложившейся системе: «представляющей собой упорядоченную в соответствии с едиными принципами организации и деятельности совокупность федеральных органов и учреждений, выполняющих взаимосвязанные задачи и функции, направленные на обеспечение законности, правопорядка, федеральной государственности России» [2, с. 31].

С. Г. Новиков рассматривал органы прокуратуры как систему еще в 70-х годах прошлого века [3, с. 115–116].

В свою очередь система прокурорских органов являлась важным компонентом, частью единой системы государственных органов в СССР государственного механизма. Механизм функционирования прокуратуры выступал как часть системы государственной деятельности в СССР и одновременно как целое по отношению к отраслям (частям) единого прокурорского надзора [4, с. 59–64].

При этом правы Т. Г. Грицинина и Г. С. Швырев, которые пришли к выводу, что в значительной мере место прокуратуры в системе органов государства обуславливалось состоянием самой государственности. В так называемые «переходные периоды», когда государственность ослаблялась, роль прокуратуры как органа уголовного преследования с использованием ее в политических целях усиливалась [5, с. 201–207].

На основании анализа вышеизложенного, с целью введения в научный оборот уточненной терминологии, предлагаем следующее авторское определение:

Предпосылки возникновения органов прокуратуры в России — это сложный, исторически детерминированный процесс объективации объективной потребности суверенной верховной власти в создании специализированного

метаинституционального механизма (надзорного типа), призванного обеспечивать централизованный контроль за единообразным исполнением правовых предписаний на всей территории государства, обусловленный усложнением социальной структуры, территориальной экспансией и необходимостью дифференциации функций правосудия и управления в условиях развития правовой системы.

Изначально, на ранних этапах государственности, функции контроля за исполнением правовых норм и преследования нарушителей не были институционализированы отдельно. Они были сосредоточены непосредственно в руках верховной власти, представленной монархами, суверенами и их ближайшими уполномоченными представителями. Монарх был и законодателем, и судьей, и обвинителем.

Однако диалектика исторического развития неумолима. Эволюция социальной структуры общества, развитие государственности как аппарата принуждения и усложнение правовых систем привели к объективной необходимости дифференциации указанных функций от общего комплекса мероприятий по поддержанию правопорядка. Власть более не могла быть вездесущей физически, ей требовался специальный инструмент присутствия – «аватар» монаршей воли.

В качестве непосредственного прообраза современного института прокуратуры, осуществляющего надзор за стадиями предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, в историко-правовой науке принято рассматривать структуру, сформировавшуюся во Франции в период XII–XIV веков. Именно французская модель с ее жестким централизмом и этатизмом стала матрицей для многих европейских прокуратур.

В юридической литературе справедливо отражается мнение, что французская прокуратура XIV века рассматривалась современниками прежде всего как сугубо обвинительно-карательный орган. Она стояла на страже интересов короны, жестко подавляя любое инакомыслие и нарушение фискальных интересов.

На этот процесс оказывали несомненное влияние ближайшие европейские страны, к примеру законодательство Испании, где к этому времени уже твердо сформировался суровый инквизиционный процесс. Этот процесс пришел на смену раннесредневековому публичному, гласному и состязательному процессу, что, в свою очередь, кардинально повлияло на реформирование основ организации и деятельности прокуратуры. Инквизиционная модель требовала тайны, письменности и жесткой иерархии — качеств, которые впитала в себя прокуратура того времени.

Несмотря на то, что в последующие периоды предназначение прокуратуры во Франции, особенно в эпоху с 1789 по 1810 год (период Великой французской революции и Наполеоновских кодификаций), претерпело существенные изменения, онтологическая суть предназначения прокуратуры оставалась прежней – выполнение карательных функций от имени государства, а именно от лица держателя верховной власти.

Эта, казалось бы, небольшая по своему объему историческая справка имеет колоссальное методологическое значение. Она важна прежде всего в том контексте, что именно к опыту Франции с ее абсолютистскими традициями в свое время

обратился российский император Петр I. Петра Алексеевича справедливо можно рассматривать не просто как «царя-реформатора», но и в определенной степени как истинного родоначальника российской прокуратуры. Именно его стараниями и политической волей, воплощенной в Именном указе от 12 января 1722 г., была образована прокуратура в Российской империи, ставшая уникальным сплавом европейских форм и российского содержания.

Институционализация прокуратуры в России представляет собой классический пример целенаправленной **правовой рецепции**, катализированной волей абсолютного монарха. Как было отмечено в первой части, Петр I, ища наиболее эффективные инструменты для централизации власти и унификации правоприменения в огромной империи, обратился к европейскому, преимущественно французскому, опыту.

Период, начавшийся с Именного указа 12 января 1722 г., ознаменовал собой не просто создание нового органа, но рождение принципиально новой модели государственного контроля — модели метаинституционального надзора, стоящего над всеми ветвями власти, кроме самого суверена.

Ключевым доктринальным и нормативным актом, определившим статус прокуратуры на ближайшие полтора века, стал Именной указ от 27 апреля 1722 года «О должности Генерал-прокурора»². Именно этот документ, по своей сути являющийся первым регламентом прокурорской службы, закрепил уникальный спектр полномочий. Генерал-прокурор был провозглашен «оком государевым» и «стряпчим о делах государственных»³.

Необходимо подчеркнуть, что создание прокуратуры было вызвано не слабостью судебной или полицейской системы, а, напротив, необходимостью контролировать Сенат – высший коллегиальный орган, заменивший Боярскую думу. Петр I, осознавая инерционность и потенциальную оппозиционность старой аристократии, нуждался в надежном, полностью подотчетном ему инструменте для проверки законности всех принимаемых решений.

А. Ю. Ульянов, исследуя схожие вопросы, обратил внимание на высказывание императора: «Сей чин яко око наше и стряпчий о делах государственных», – так уважительно именовал великий российский государь Петр I первого российского Генерал-прокурора П. И. Ягужинского, представляя его Сенату. Действительно, в этих словах императора, хотя и прошло со времени их произнесения почти триста лет, – суть и значение прокурорской деятельности. Таким образом, изначально должность прокурора приближалась к верховной государственной власти и наделялась особыми государственными полномочиями» [6, с. 124].

Прокуратура петровской эпохи обладала следующими уникальными характеристиками:

1. *Надсекторальный иерархический контроль:* Генерал-прокурор не просто надзирал, но и имел право законодательной инициативы. Он мог инициировать

² О должности Генерал-прокурора : Именной указ [Петра I] от 27 апреля 1722 г. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/57566516/> (дата обращения: 28.11.2025).

³ Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. 37 (1862). СПб., 1865. № 38761. 837 с.

принятие Сенатом решений по вопросам, не урегулированным действующими нормативными актами, что придавало его должности квазизаконодательные функции. Это демонстрирует высшую степень доверия монарха и исключительность статуса.

2. *Жесткая вертикаль подчинения*: была выстроена строжайшая иерархическая структура: обер-прокуроры осуществляли надзор за коллегиями (аналоги современным министерствам), а прокуроры — на местах. Вся эта вертикаль замыкалась на Генерал-прокуроре, который подчинялся непосредственно Императору. Это обеспечивало единообразие правоприменения и исключало возможность местного влияния.

3. *Многофункциональность*: компетенция прокуроров охватывала не только судопроизводство, но и административно-хозяйственные вопросы: надзор за сохранением государственной казны, за условиями содержания заключенных (пробраз современного пенитенциарного надзора), а также за надлежащим исполнением всех регламентов и указов.

Прокуроры обладали правом опротестования (предложения) — возможностью приостанавливать исполнение незаконных, по их мнению, решений Сената и других органов до окончательного разрешения вопроса Императором. Это был обладающий большой силой правовой рычаг.

В лице первого Генерал-прокурора, графа Павла Ивановича Ягужинского, прокуратура сразу заняла одно из ключевых мест в системе государственного устройства [7, с. 317]. Она функционировала как централизованный орган, который гарантировал, что обширный, но зачастую неповоротливый государственный механизм работает в унисон с волей суверена. Таким образом, место и роль прокуратуры в петровской системе — это роль политико-правового интегратора и гаранта единства управления.

Эволюционная турбулентность: колебания статуса прокурора (1725–1864 гг.)

После смерти Петра Великого прокуратура вступила в эпоху, которую можно охарактеризовать как институциональную турбулентность. Статус и полномочия прокурора постоянно зависели от политической конъюнктуры и личных предпочтений монархов, что подтверждает тезис о неразрывной связи прокуратуры с верховной властью.

1. Период дворцовых переворотов (1725–1741 гг.): при Екатерине I и особенно при Анне Иоанновне, когда власть была сосредоточена в руках Канцелярии тайных розыскных дел — центрального государственного учреждения для расследования преступлений политического характера, прокуратура как символ прямого контроля монарха фактически была нивелирована, а ее функции были частично перераспределены в пользу карательных органов.

2. Реставрация и развитие (1741–1796 гг.): Елизавета Петровна Именными указами от 12 декабря 1741 г. «О восстановлении власти Сената в правлении внутренних Государственных дел; о сочинении реестра указам прежних царствований, которые пользе Государственной противны; об уничтожении прежнего Кабинета, и об установлении нового при Дворе Ее Императорского Величества; об учреждении по-прежнему в Губерниях прокуроров, и об определении для управления иностранными делами Канцлера» и от 18 декабря 1741 года «О определении в Сенат

Генерал-Прокурора и Обер-Прокурора, в Коллегии Прокуроров, в Губернии Прокуроров же, и в прочие места, где оные при Государстве Императоре Петре Великом были» восстановила прокуратуру в ее петровских правах. При Екатерине II произошло окончательное территориальное и функциональное оформление прокуратуры. «Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи» 1775 года стало исторически значимым документом, закрепившим губернских прокуроров в качестве ключевых фигур местного управления. Их задачей стал надзор за всеми административными и судебными органами в губернии⁴.

В этот период прокуратура превращается из столичного сенатского органа в разветвленную унифицированную структуру.

3. Павел I, стремясь к упрощению и централизации, сократил штаты прокуратуры и снизил ее влияние, но не упразднил. В 1802 году Александр I учредил Министерство юстиции, при этом должность Генерал-прокурора была совмещена с должностью Министра юстиции. Это решение имело двоякий эффект: с одной стороны, оно усилило роль прокурора, сделав его частью исполнительной власти, с другой стороны, оно де-факто лишило прокуратуру статуса независимого надсекторального надзорного органа, превратив ее в ведомственный контрольный орган.

Судебная реформа 1864 года: декомпозиция функций и рождение процессуального прокурора

По мнению профессора Н. П. Ерошкина, «наиболее фундаментальный и коренной перелом в истории прокуратуры произошел с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 г. [8, с. 8]. Этот период ознаменовал собой не просто реформирование, а переосмысление роли прокуратуры в системе государственного устройства, особенно в уголовном судопроизводстве.

Произошло ключевое изменение, оказавшее прямое влияние на уголовный процесс, – создание судебного следователя как независимой фигуры, выведенной из подчинения полиции и прикрепленной к окружным судам. Это решение было продиктовано стремлением к объективности предварительного следствия и его деполитизации» [9, с. 342].

Однако, вопреки расхожему мнению, прокурорский надзор не был устранен. Он претерпел функциональную декомпозицию. Выглядело это следующим образом:

1. Надзорная функция (внесудебная): прокуратура продолжала осуществлять общий надзор за законностью в деятельности государственных органов и чиновников.

2. Обвинительная функция (судебная): в суде прокурор превратился в полноправную, но, по существу, единственную процессуальную сторону, поддерживающую государственное обвинение — «обвинительную власть» [10, с. 160]. В условиях введения состязательности и создания адвокатуры прокурор впервые столкнулся с необходимостью доказывания вины в открытом судебном процессе.

⁴ Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. 20. СПб., 1830. № 14392. С. 229.

Вместе с тем сохранились и несколько усилились проблемы, связанные с объемом полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве (1864 г.):

Несмотря на создание института судебных следователей, прокуроры окружных судов сохранили значительные рычаги влияния на следствие:

– назначение и отстранение: судебные следователи назначались и увольнялись по представлению прокуроров. Это создавало формальную, но действительную зависимость;

– инициация и контроль: согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС) прокурор имел право возбуждать уголовное преследование (ст. 297 УУС), давать «предложения» судебным следователям (хотя формально следствие он не вел), присутствовать при следственных действиях и требовать проведения дополнительных расследований (ст. 278, 286 УУС);

– санкционирование: прокурор, после получения дела от следователя, принимал окончательное решение о его передаче в суд через составление обвинительного акта.

Таким образом, прокуратура 1864 года была не просто органом обвинения, а органом, осуществляющим властный надзор за законностью и обоснованностью предварительного расследования. В этой модели прокурор выступал не только защитником публичного интереса в суде, но и фильтром между следствием и правосудием. Проблемы, связанные с объемом полномочий прокурора в тот период, требовалось решить посредством определения баланса между надзорной функцией и процессуальной независимостью судебного следователя. На практике, благодаря личным качествам отдельных чинов органов прокуратуры (например, А. Ф. Кони, состоявший на должности прокурора Санкт-Петербургского окружного суда и работавший более четырех лет, в течение которых руководил расследованием сложных, запутанных дел, выступал обвинителем по наиболее крупным делам [11, с. 32]), удавалось поддерживать высокий уровень законности.

Сам А. Ф. Кони, рассуждая о деятельности органов прокуратуры и прокуроров, писал: «органы прокуратуры должны рассматриваться как полифункциональный, высоконравственный институт, соединяющий уголовное преследование с общим надзором за законностью и защитой личности, а не как «механизм обвинения во что бы то ни стало». Центральным для него было требование к прокурору быть «говорящим судьей» и блюстителем справедливости, а не односторонним обвинителем [12, с. 38].

Советский период: прокуратура как орган высшего надзора за законностью

Революционные события 1917 года привели к радикальному разрыву с правовой традицией Российской империи. Декретом о суде от 24 ноября 1917 г. № 1⁵ имперская прокуратура была упразднена. Советская власть, строя новую правовую систему на принципах пролетарской диктатуры, сначала не видела необходимости в буржуазном, по ее мнению, институте прокурорского надзора. Функции обвинения были возложены на народных обвинителей.

Однако, как верно отмечают Н. В. Кулик, В. В. Лавров, «с образованием Советского государства возникла насущная потребность в формировании

⁵ Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4. Ст. 50.

прокуратуры, главной задачей которой стало бы укрепление законности в стране путем реализации надзорной функции. Перед новой советской властью стояли масштабные проблемы: предстояло не только возродить экономику, подорванную восьмилетним периодом военных конфликтов, но и преобразовать аграрную державу, оказавшуюся в кольце недружественных государств, в развитую индустриальную мощь, обладающую способностью противостоять внешней агрессии. Для достижения этих целей был нужен эффективно работающий государственный механизм, чье функционирование обеспечивалось бы, среди прочего, и за счет средств надзора.» [13, с. 161–172]. Поэтому уже к началу 1920-х годов стало очевидно, что отсутствие органов прокуратуры, а следовательно, и централизованного, единообразного надзора приводит к правовому хаосу и произволу на местах. Это стало исторической почвой для возрождения данного института.

Учреждение Государственной прокуратуры в 1922 году⁶, а затем и прокуратуры СССР (1936 г.) ознаменовало возвращение к принципам строгой централизации и единоначалия. В этот период прокуратура превратилась в орган высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, ведомствами, должностными лицами и гражданами.

Ключевые характеристики советской прокуратуры:

1. Принцип высшего надзора: прокуратура СССР стояла над всеми органами государственного управления и правосудия, будучи подотчетна только высшим органам власти.

2. Обширные полномочия в УПП: прокурор имел полный и всеобъемлющий надзор за предварительным следствием и дознанием, включая право возбуждения уголовного дела, отмены незаконных и необоснованных постановлений следователя, дачи обязательных для исполнения указаний, а также контроля за законностью содержания под стражей.

3. Единство системы: советская модель отличалась исключительной унификацией – Генеральный прокурор СССР осуществлял единоличное руководство всей системой прокурорских органов.

Таким образом, советский период восстановил и укрепил надсекторальный характер прокуратуры, утраченный после совмещения должности Генерал-прокурора с постом Министра юстиции в имперский период. Прокуратура СССР стала мощным инструментом обеспечения законности и правопорядка, хотя и в условиях существовавшего в тот период времени государства.

Современный период: поиск баланса и системные дисфункции (с 1991 г.)

Распад Советского Союза и принятие Конституции Российской Федерации 1993 года ознаменовали новый демократический этап в развитии прокуратуры, который характеризуется поиском оптимального баланса между необходимостью защиты публичного интереса и обеспечением прав и свобод личности.

Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» закрепил основные направления деятельности: надзор за исполнением

⁶ Положение о прокурорском надзоре : Постановление ВЦИК от 28 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

законов, участие в правотворчестве, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и, безусловно, уголовное преследование и поддержание государственного обвинения.

Однако именно в этот период случился кризис полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве.

Наиболее острой проблемой современного периода, имеющей прямое отношение к историческому генезису, являются изменения в объеме полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве.

Критические реформы 2007–2011 годов (передача основных следственных полномочий Следственному комитету Российской Федерации, исключение прокурора из числа субъектов, правомочных возбуждать уголовное дело и давать обязательные указания следователю) привели к следующей системной дисфункции: «на предварительном этапе уголовного разбирательства прокурор анализирует обвинительное заключение и осуществляет поддержку обвинения в ходе судебного разбирательства, при условии отсутствия признаков нарушений правовых норм» [14, с. 15].

Прокурор как субъект, поддерживающий государственное обвинение в суде (что требует от него полной уверенности в собранных доказательствах), был фактически отстранен от непосредственного руководства и контроля за предварительным следствием.

Это создало процессуальный парадокс: прокурор перестал формировать обвинительную базу, но нес ответственность за ее обоснование перед судом. Прокурорский надзор на досудебной стадии превратился из властно-распорядительного в контрольно-наблюдательный. Это привело к ослаблению процессуального «фильтра» между следствием и судом, увеличило риск направления в суд недоброкачественных, неполных или необоснованных уголовных дел. В результате историческая функция прокурора как гаранта законности на досудебной стадии, заложенная еще в УУС, была существенно трансформирована, если не сказать ослаблена.

Ретроспективный анализ истории прокуратуры России убедительно доказывает, что эффективность данного института всегда была прямо пропорциональна степени его независимости и властной обеспеченности надзорных функций.

В целях устранения выявленных дисфункций и органичного встраивания прокуратуры в систему современного правового государства, полагаем, будет уместно на законодательном уровне сделать следующие шаги, которые найдут свое органичное место в системе современного российского права.

Во-первых, необходимо поднять вопрос о восстановлении процессуальных полномочий прокурора в отношении следствия. Необходимо вернуть прокурору право возбуждения уголовного дела и право дачи обязательных для исполнения указаний следователю по вопросам направления расследования и квалификации преступления. Это восстановит исторически присущий прокуратуре статус процессуального руководителя досудебной стадии. Прокурор не должен быть просто «сторонним наблюдателем», а обязан выступать гарантом публичного интереса, обеспечивая

полноту и объективность расследования, что позволит ему более ответственно и эффективно поддерживать обвинение в суде.

Во-вторых, следует решить проблему институционализации судебного контроля: введение института следственного судьи, о котором много написано в современной юридической литературе [15, с. 79–81].

Поддерживая дискуссию по этому поводу, авторы согласны с тем, что требуется введение в УПК РФ института следственного судьи или судебного следователя на основе успешного опыта европейских континентальных правовых систем (Франции, Германии) и реформы 1864 года [16, с. 9].

Интерес к этому институту не случаен. В условиях состязательности обвинительная власть (следствие + прокурор) должна быть уравновешена независимой судебной властью на стадии предварительного расследования. Следственный судья должен обладать исключительным правом санкционирования всех следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также правом отвода некачественно собранных доказательств. Это позволит реализовать принцип состязательности не только в суде, но и на досудебной стадии, разгрузит суды от несвойственных им на данном этапе функций и обеспечит истинную независимость предварительного расследования от ведомственного давления.

В-третьих, хорошо просматривается необходимость усиления координирующей роли прокуратуры, в связи с чем требуется законодательно закрепить и расширить полномочия прокуратуры с учетом вышесказанного как единственного государственного координатора всей правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью. Исторически прокуратура как «око государево» выполняла функцию интегратора и арбитра. Централизованная координирующая роль необходима для устранения ведомственной разобщенности, унификации подходов к борьбе с преступностью и повышения общей эффективности правоохранительной системы.

Подводя итог сказанному, отметим, что история прокуратуры России отражает эволюцию отечественной государственности. Пройдя путь от личного «ока государева», обеспечивающего волю абсолютного монарха, через период состязательности судебной реформы 1864 года до высшего надзора советской эпохи, институт прокуратуры доказал свою незаменимость как системообразующий элемент правового механизма.

Действительно, современный этап развития органов прокуратуры требует не революционных, а эволюционных, но решительных шагов. Восстановление прокурорского контроля на досудебной стадии и одновременное введение фигуры следственного судьи — это верный путь, позволяющий совместить в себе исторически сложившуюся потребность в сильной надзорной власти с конституционными принципами состязательности и независимости правосудия. Только так российская прокуратура сможет еще более органично вписаться в систему современного права, став подлинным гарантом законности в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Джаншиев, Г. А. Эпоха великих реформ : исторические справки. 10-е изд., доп. М. : Издание Б. М. и С. М. Сабашниковых, 1907. 859 с.
2. Прокурорский надзор : учебник / под ред. А. Я. Сухарева, О. С. Капинус. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 512 с.
3. Николаева, Л. А., Даев, В. Г. С. Г. Новиков Прокурорская система в СССР. М. : Юрид. литература, 1977. 167 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 6. С. 115–116.
4. Бакаев, Д. М. Единство прокурорского надзора в СССР // Правоведение. 1989. № 4. С. 59–64.
5. Грицинина, Т. Г., Швырев, Г. С. Создание и основные этапы развития прокурорского надзора в России // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. С. 201–207. EDN: SYKMPL.
6. Ульянов, А. Ю. Историко-правовые предпосылки и основные этапы конституционализации прокуратуры РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 124–136.
7. Звягинцев, А. Г. Орлов, Ю. Г. Око государево: Российские прокуроры. XVIII в.; предисловие О. Е. Кутафина. М. : Российская политическая энциклопедия, 1994. 318 с.
8. Ерощкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М. : Высшая школа, 1983. 352 с.
9. Исаев, И. А. История государства и права России : учебник. 3-е изд. М. : Юристъ, 2006. 797 с.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской. М. : Юристъ, 2016. 1007 с.
11. Смолярчук, В. И. Анатолий Федорович Кони (1844–1927). М. : Наука, 1982. 216 с. С. 32–33.
12. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе : избранные работы. М. : Юрайт, 2025. 152 с.
13. Кулик, Н. В., Лавров, В. В. Российская прокуратура: историко-правовая ретроспектива // Современная научная мысль. 2017. № 4. С. 161–173. EDN: ZDNCON.
14. Головкин, И. И. Прокурорская деятельность через призму системного подхода // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 2. С. 13–27.
15. Деришев, Ю. Следственный судья в досудебном производстве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 79–81. EDN: STMQQN.
16. Белоносов В. О. Следственный судья по УПК Франции // Правовое государство: теория и практика № 1 (75). 2024. С. 8–17.

REFERENCES

1. Dzhanshiev G. A. E`poxa velikix reform : istoricheskie spravki. 10-e izd [The Era of Great Reforms: Historical References. 10th ed., suppl]. Moscow, 1907, 859 p. (In Russ.).

2. Sukharev A. Ya., Kapinus O. S. Prokurorskiy nadzor [Prosecutor's supervision]. Moscow, 2022, 512 p. (In Russ.).
3. Nikolaeva L. A., Daev V. G. S. G. Novikov Prosecutor system in the USSR. Moscow, 1978, no. 6, pp. 115-116. (In Russ.).
4. Bakaev D. M. Edinstvo prokurorskogo nadzora v SSSR [The unity of prosecutorial supervision in the USSR] // Pravovedenie - Law. 1989, no. 4, pp. 59-64. (In Russ.).
5. Gritsinina T. G., Shvyrev G. S. Sozdanie i osnovny`e e`tapy` razvitiya prokurorskogo nadzora v Rossii [Creation and main stages of development of prosecutorial supervision in Russia]. Vestnik of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia- Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2014, no. 3, pp. 201-207. (In Russ.).
6. Ulyanov A. Y. Istoriko-pravovy`e predposy`lki i osnovny`e e`tapy` konstitucionalizatsii prokuratury` RF [Historical and legal prerequisites and main stages of the constitutionalization of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. - Vestnik of Tomsk State University. Right. 2018, no. 30, pp. 124-136. (In Russ.).
7. Zvyagintsev A. G. Orlov, Yu. G. The Eye of the Sovereign: Russian secrets. XVIII century; preface by O. E. Kutafin. [Oko gosudarevo: Rossijskie prokurory`. XVIII v.; predislovie O. E. Kutafina]. Moscow, 1994, 318 p. (In Russ.).
8. Eroshkin, N. P. Istoriya gosudarstvenny`x uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii. 3-e izd. [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia. 3rd ed.]. Moscow, 1983, 352 p. (In Russ.).
9. Isaev I. A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii : uchebnik. 3-e izd. [History of the State and Law of Russia]. Moscow, 2006, 797 p. (In Russ.).
10. Lupinskaya P.A. Ugolovno-processual`noe pravo Rossijskoj Federacii [Criminal procedure law of the Russian Federation]. Moscow, 2016, 1007 p. (In Russ.).
11. Smolyarchuk V. I. Anatolij Fedorovich Koni (1844–1927) [Anatoly Fedorovich Koni (1844-1927)]. Moscow, 1982, 216 p. pp. 32-33. (In Russ.).
12. Koni A. F. Nравstvenny`e nachala v ugolovnom processe : izbranny`e raboty`. [Moral principles in criminal proceedings: selected works]. Moscow, 2025, 152 p. (In Russ.).
13. Kulik, N. V., Lavrov, V. V. Rossijskaya prokuratura: istoriko-pravovaya retrospektiva [The Russian Prosecutor's office: a historical and legal retrospective]. Sovremennaya nauchnaya my`sl`-Modern scientific thought. 2017, no. 4, pp. 161-173. (In Russ.). EDN: ZDNCOH.
14. Golovko, I. I. Prokurorskaya deyatel`nost` cherez prizmu sistemnogo Podxoda [Prosecutorial activity through the prism of a systematic approach]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. The Volga Region. Social sciences. - Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvenny`e nauki. 2023, no. 2, pp. 13-27. (In Russ.).
15. Derishev, Yu. Sledstvenny`j sud`ya v dosudebnom proizvodstve [The investigating judge in pre-trial proceedings]. Ugolovnoe pravo - Criminal law. 2004, no. 3, pp. 79-81. EDN: STMQQN. (In Russ.).
16. Belonosov, V. O. Sledstvenny`j sud`ya po UPK Francii [The investigating judge under the Criminal Procedure Code of France]. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika - The rule of law: theory and practice. 2024, vol. 75, no. 1, pp. 8-17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурдин Сергей Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя. 117437, Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Терехов Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя. 117437, Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey Valerievich Gurdin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Procedure Department. Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot. 12 Academician Volgina Street, Moscow, 117437.

Mikhail Yuryevich Terekhov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Procedure Department. Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot. 12 Akademika Volgina St., Moscow, 117437.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 64-80.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 116, no. 1, pp. 64-80.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 321.011

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Киричѐк Евгений Владимирович

Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних
дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, Kirichek79@yandex.ru

Введение. В статье раскрываются отдельные вопросы, связанные с генезисом, правовым регулированием государственного суверенитета, формулируется понятие и дается общая характеристика подходов к пониманию парадигмы государственного суверенитета, проводится анализ основополагающих положений Конституции Российской Федерации, характеризующих его сущностно-правовой характер, доктринальных источников, а также решений Конституционного Суда Российской Федерации, делаются выводы о государственном суверенитете как о фундаментальной конституционно-правовой категории, который определяет суверенные полномочия и возможности государственной власти, в то время как их реальные результаты характеризуют не сам факт наличия суверенитета, а его реализующий потенциал, умозаключения, касающиеся сущностных характеристик государственного суверенитета, а также тех, которые непосредственно связаны с ним.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормативные правовые акты, решения Конституционного Суда Российской Федерации. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, исторических и нормативных правовых источников, использованы приемы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой, историко-правовой, логический и другие методы.

Результаты исследования. На основе анализа научного инструментария, а также нормативной правовой базы и решений Конституционного Суда Российской Федерации рассмотрены основные подходы к пониманию конституционно-правовой парадигмы государственного суверенитета.

Выводы и заключения. В ходе исследования делаются выводы о том, что суверенитет Российской Федерации является одной из основ конституционного строя

и необходимым качественным признаком Российской Федерации, предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти. Интерес научной общественности к данной проблематике не снижается, что со всей очевидностью свидетельствует о неразрешенности еще многих вопросов, касающихся толкования суверенитета во внутригосударственном праве. В этих условиях внимание ученых-правоведов и практиков к проблемам государственного суверенитета связано не только с объективными причинами обеспечения безопасности государства и общества, но и потребностью в сбережении и отстаивании основ суверенитета как прочного фундамента и гарантии социального порядка, основанного на идеях конституционализма.

Ключевые слова: суверенитет, государство, государственная власть, основы конституционного строя, сущность, категория, значение, виды, свойство

Для цитирования: Киричк, Е. В. Подходы к пониманию конституционно-правовой парадигмы государственного суверенитета // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 64-80.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

APPROACHES TO THE CONSTITUTIONAL-LEGAL PARADIGM OF STATE SOVEREIGNTY

Evgeny V. Kirichek

Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Kirichek79@yandex.ru

Introduction. This article explores specific issues concerning the genesis and legal regulation of state sovereignty. It defines the concept and provides a general overview of approaches to understanding the state sovereignty paradigm. The author analyzes the fundamental provisions of the Constitution of the Russian Federation that define its essential legal nature, alongside doctrinal sources and rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. The article concludes that state sovereignty is a fundamental constitutional-legal category defining the sovereign powers and capacities of the state. While real-world outcomes reflect the state's realization potential rather than the mere existence of sovereignty, the study offers further insights into the essential characteristics of state sovereignty and its related elements.

Materials and Methods. The research is based on scholarly articles, regulatory legal acts, and rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. The study employs the dialectical method alongside an analysis of academic, historical, and legal sources. Methodologically, the work utilizes data generalization and classification, as well as comparative-legal, historical-legal, and logical analysis, among other research methods.

The Results of the Study. Through an analysis of the scholarly apparatus, the regulatory legal framework, and the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, the study examines the key approaches to understanding the constitutional-legal paradigm of state sovereignty.

Findings and Conclusions. The study concludes that the sovereignty of the Russian Federation is a cornerstone of the constitutional system and an essential attribute of the State, embodying the supremacy, independence, and autonomy of state power. Sustained interest within the scholarly community underscores that many issues regarding the interpretation of sovereignty in domestic law remain unresolved. In the current environment, the focus of legal scholars and practitioners on state sovereignty is driven not only by objective state and public security concerns but also by the necessity to preserve and defend the foundations of sovereignty as a solid basis and guarantee of a social order rooted in the principles of constitutionalism.

Keywords: sovereignty, state, state power, foundations of the constitutional system, essence, category, meaning, types, property

For citation: Kirichek, E. V. Podkhody k ponimaniyu konstitucionno-pravovoj paradigmy gosudarstvennogo suvereniteta [Approaches to the Constitutional-Legal Paradigm of State Sovereignty]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1. pp. 64-80.

В отечественной и зарубежной юридической литературе существует множество подходов к определению сущности суверенитета вообще и государственного суверенитета в частности.

Впервые в истории политико-правовой мысли понятие суверенитета как значимого признака государства сформулировал Жан Боден, вложив в его основу неограниченную власть государства, выше которой может быть только Бог и законы природы [1, с. 227]. Еще более абсолютизировал интерпретацию суверенитета Томас Гоббс, наделив государство абсолютной верховной независимой властью, которой должны подчиняться все без какого-либо исключения [2, с. 134–143].

Зарождение идеи государственного суверенитета на рубеже XVI–XVII вв. вовсе не говорит о том, что ранее у государств его не было. В то время существовала другая терминология по содержанию, близкая понятию *суверенитет*, в частности автаркия, означающая, что государство в состоянии самостоятельно претворять в жизнь все свои полномочия, не имея над собой никакой иной власти [3, с. 16–35].

Сторонники конституционной доктрины суверенитета, напротив, видели в нем ограниченную власть государства, хоть и принадлежащую большинству, но преследующую цель защиты прав личности, большего обеспечения свободы от абсолютной власти. Дж. Локк рассматривал государство через призму гражданского общества и защиту общечеловеческих ценностей [4, с. 334–336]. В своей работе «Философия права» Гегель, размышляя о государстве как субъекте суверенитета, говорил о его индивидуальности, обособленности и независимости от других государств и выделял внутренний и внешний суверенитет [5, с. 305].

Дебаты относительно государственного суверенитета не были чужды и политико-правовой науке дореволюционной России, где активно обсуждались концепции потери

суверенитета государствами [6, с. 512], единообразия суверенитета [7, с. 196], формального суверенитета [8, с. 320], расщепления суверенитета [9, с. 154], остаточного суверенитета [10, с. 46].

В современной науке также существует множество подходов к определению сущности суверенитета вообще и государственного суверенитета в частности. С теми или иными вариациями наиболее распространенной среди ученых (С. С. Алексеев [11, с. 41], О. Е. Кутафин [12, с. 120], Б. С. Крылов [13, с. 2–6], В. Н. Хропанюк [14, с. 60–61], В. С. Шевцов [15, с. 5] и др.) является позиция о том, что суверенитет рассматривается через категории верховенства и независимости власти внутри страны и за ее пределами.

Не обходят стороной этот вопрос и авторы известных словарей русского языка. Так, согласно словарю С. И. Ожегова, суверенитет – это «... независимость государства ...» [16, с. 622]. Аналогичная трактовка присутствует в словаре Д. Н. Ушакова [17, с. 1022]. Суверенитетом (от фр. *souveraineté* – верховная власть) также называют верховенство и независимость власти [18, с. 663].

Для того чтобы разобраться в сущности государственного суверенитета, необходимо, как представляется, прежде всего понять, что же собой представляет государство. Какого-либо однозначного подхода к интерпретации государства в науке тоже не существует. Вместе с тем анализ научной литературы [19, с. 317; 20, с. 335; 21; 22, с. 400; 23, с. 608; 24, с. 521] позволяет сформулировать следующее интегрированное его определение. Государство – это исторически сложившаяся политико-территориальная организация публичной власти, располагающая специальным аппаратом управления и принуждения, взимающая налоги, издающая законы, выражающая волю и интересы господствующего класса (классовый подход) либо всего многонационального народа (общедемократический подход).

Заслуживает внимания точка зрения В. В. Лазарева, который совершенно справедливо интегрирует в понятие государства такие важные составляющие, как: признание в обществе, освящение (закрепление) правом, обеспечение взаимной позитивной и негативной ответственности органов власти и граждан (подданных) [25, с. 380]. «Государство, – писал Валерий Васильевич, – представляет собой множество людей, связанное единым правом, единой властью и единой территорией в союз: государство есть множество в виде единства» [25, с. 377].

В свою очередь, государственный суверенитет как политико-правовое явление самым непосредственным образом связан с реализацией государственной власти, а его содержание обусловлено социальной природой государства, главной миссией которого является управление обществом. Кроме того, эффективность такого управления напрямую зависит от качества реализуемой внутренней и внешней политики государства, а для того чтобы такая политика имела независимый характер, она должна испытывать потребность в суверенитете, который выступает гарантией ее верховенства и самостоятельности в решении внутренних и внешних вопросов.

Отечественная теория и практика выделяет различные виды суверенитета: государственный, народный, национальный, экономический, финансовый, налоговый, цифровой, технологический, информационный, экологический, продовольственный и др. [26, с. 77–90; 27, с. 41–51; 28, с. 21–23; 29, с. 28–33; 30, с. 35–39; 31, с. 15–17; 32, с. 39–44; 33, с. 37–51], каждый из которых имеет свои особенности и подталкивает к размышлениям об их сходстве и различии, сущности и структурном наполнении, конвергентности и дивергентности.

Встречаются также работы, связанные с обоснованием специфического суверенитета отдельных ветвей государственной власти. Речь идет, например, о судебном суверенитете [34, с. 12–24], о суверенитете представительной власти [35, с. 5–9] и т. д. Такое разграничение суверенитета явно подтверждает наличие характеристик, свидетельствующих о дифференциации суверенов.

Анализ научной литературы в части неоднозначности подходов к интерпретации суверенитета позволяет сделать вывод о наличии негативных тенденций, связанных, во-первых, с отраслевизацией (понятийно-отраслевой множественностью терминов), во-вторых, с отсутствием четкой теоретико-методологической определенности современных подходов, а в-третьих, с элементарной примитивизацией толкования этого понятия. Довольно часто «суверенитет» рассматривается просто как средство модернизации отраслевых регуляторов, вместо того чтобы выступать фундаментальной конституционно-правовой категорией.

Как представляется, отрыв от устоявшейся концептуальности создает предпосылки к утрате категорией суверенитета содержательно-смысловой определенности. Возникает мнимое представление о суверенитете как о совокупности суверенитетов, имеющих свою собственную нормативную основу, структуру, средства охраны и защиты.

В. Е. Чиркин совершенно оправданно замечает, что, например, экономический суверенитет применительно к государству является всего лишь одной из сторон более общего определения «государственный суверенитет» [36, с. 7]. Такой подход может быть применим и к другим видам суверенитета, за исключением, пожалуй, народного и национального суверенитетов, имеющих несколько иную сущностную природу.

Так, если государственный суверенитет является олицетворением верховной и независимой государственной власти, то народный суверенитет представляет собой реальное положение народа, обладающего полновластием в обществе и государстве.

Отдельными учеными народный суверенитет рассматривается через призму принципов конституционного строя. Так, по мнению Б. С. Эбзеева, народный суверенитет представляет собой в большей мере не саму власть, а принцип конституционного строя государства, реализация которого обеспечивает верховенство и полновластие народа [37, с. 54].

Суть же национального суверенитета заключается в самостоятельности нации, обладающей суверенными правами и обеспечивающей их наиболее полное осуществление, а также в решении вопросов национально-государственного устройства, свободного развития языка, обычаев, традиций и др. составляющих внутренней национальной организации.

Государственный суверенитет в данном случае в наиболее концентрированном виде выступает в роли как гаранта воли народа в целом, так и каждой нации и народности в отдельности.

Более того, именно государственный суверенитет является выражением суверенитета народа посредством специальных политико-правовых средств как некой его формы. Этому есть объяснение: во-первых, государство выступает как выразитель воли многонационального народа, во-вторых, многонациональный народ – единственный источник власти в государстве, в-третьих, народ – носитель суверенитета, в-четвертых, именно народ (в идеале) наделяет государство суверенными правами, т. е. суверенные права государства есть проекция суверенных прав народа.

Совершенно оправданным представляется мнение С. А. Авакьяна о том, что «государственный суверенитет произведен от народного суверенитета и является его логическим продолжением, выступает в роли гаранта выражения воли народа как внутри государства, так и на международной арене»¹.

Рассматривая систему взаимосвязи различных видов суверенитета, В. С. Шевцов сделал вывод о том, что суверенитет является проявлением существа власти, но не ее формой. При этом мнимым является суждение о каком-либо воплощении или перевоплощении одного суверенитета в другой. Вопрос об их соотношении можно ставить только тогда, когда учитываются важнейшие методологические свойства государственной власти [38, с. 114, 116–117].

Специфика государственной власти заключается в том, что она обладает верховенством и независимостью, осуществляется специальными органами, юридически уполномочена от имени всего общества применять легализованное принуждение [39, с. 107] и регулирует основные сферы общественной жизни, распространяя свое ведение на всех субъектов правоотношений. Невозможно существование государства без государственной власти, так же как и государственную власть нельзя себе представить вне государства.

Именно в верховенстве государственной власти кроется способность устанавливать в обществе единый правопорядок, наделять правами и обязанностями должностных лиц и граждан, объявлять любые общественные властные проявления вне закона, подавлять противостояниеэффекты суверенной государственной власти. Все это исключает существование в государстве нескольких государственных властей со своей структурой, полномочиями, законодательством, т. е. что собственно и представляет собой государство. «Государственная власть, – писал К. Маркс, – проявляется в ее чиновниках, армии, судьях [40, с. 287]. Любой класс, стремящийся к господству, если даже оно связано с ликвидацией старой общественной формы, – должен прежде всего завоевать себе политическую власть ...» [41, с. 32]. В данном случае очевидно, что именно суверенная государственная власть выражает сущность государства, а государственный суверенитет реализуется через правомочия государства.

По своей сути в суверенитете государства кроется мощь и насилие – обладание силой принуждения, причем это проявляется при реализации всех функций государства – от законотворчества до принятия конкретных решений. При этом формы и содержательная часть властвования меняются от прямого принудительного воздействия до деперсонифицированного, что в целом ведет к размыванию границ сущностного значения суверенитета [42, с. 2–15].

Как известно, Конституция Российской Федерации содержит ряд основополагающих положений о суверенитете (ст. ст. 1, 3, 4, 5, 67, 79), раскрывающих его сущностно-правовой характер, ориентиры на защиту государственного суверенитета, приверженность общедемократическим принципам, территориальной целостности и организации публичной власти, а также участие в межгосударственных объединениях. Концептуальная идея суверенитета четко продемонстрирована и в преамбуле Конституции Российской Федерации, в которой в наиболее концентрированном виде говорится о специфике конституционного регулирования, где на первый план выдвигается многонациональный народ (суверен), устанавливающий правила организации

¹ Авакьян, С. А. Ничего нет и не может быть выше власти народа // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2006/10/28/avkiyan.html> (дата обращения: 20.10.2025).

государственной власти, а также развитие цивилизованной общности и национальной идентичности.

Здесь, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, государственная целостность представляет собой первичную гарантию соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь Конституция Российской Федерации исключает существование какого-либо иного источника власти, кроме многонационального народа Российской Федерации, и таким образом возможность установления на территории государства какого-либо другого суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации, а также недопущение нескольких суверенных властей в единой системе государственной власти².

Именно суверенитет проистекает из народа и обеспечивает полноценную его жизнедеятельность, а также объективные возможности его саморазвития. В этом отношении антитеза суверенитета и прав человека, суверенитета личности представляется не только неэффективной, но и антисоциальной. Следует согласиться с мнением О. Е. Кутафина о том, что активное продвижение идей о доминировании прав личности над суверенитетом государства неминуемо ведет к оправданию возможности вмешательства зарубежных стран в пределы ведения Российского государства [43, с. 68].

По смыслу исторически обусловленного характера федеративного государства субъекты федерации суверенитетом, который принадлежит государству в целом, не обладают. Именно поэтому республики (государства), согласно Конституции Российской Федерации (преамбула, ст. ст. 3, 4, 5, ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. ст. 65, 66 и п. «б» ст. 71), наделить себя свойствами суверенного государства не могут. Признание за республиками статуса суверенного государства неминуемо повлекло бы нарушение конституционного принципа равноправия всех субъектов Российской Федерации, в т. ч. в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Вот почему закрепление в Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 5) термина *республика (государство)* вовсе не означает признания за ними государственного суверенитета, а подчеркивает особый их конституционно-правовой статус, связанный с историческим, национальным и другими факторами³.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728; «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О // Собрание законодательства РФ. 2000. № 29. Ст. 3117.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П.

Несмотря на это, интерес научной общественности к данной проблематике не снижается, что со всей очевидностью свидетельствует о неразрешенности еще многих вопросов, касающихся толкования суверенитета во внутригосударственном праве.

Рассматривая отечественный опыт, поневоле обращаешься к воспоминаниям о печальном прошлом СССР и таком политическом явлении, как «парад суверенитетов». В этой связи научные изыскания ученых носят порой весьма неоднозначный характер.

Существует мнение ученых об опасности регионального сепаратизма. В некоторых случаях проблемный характер суверенитета усматривается практически в любых территориальных трансформациях, причем связанных как с объединением, так и с разделением субъектов федерации [44, с. 26–31].

Бесспорно, примеров обретения особого статуса или самостоятельности по решению отдельных вопросов крупными экономически и политически развитыми или небольшими, но имеющими национальную специфику территориями, мировая и отечественная практика знает немало. Однако количественные показатели отнюдь не обуславливают наделение таких территориальных образований суверенитетом.

В этих условиях внимание ученых-правоведов и практиков к проблемам суверенитета обусловлено не только объективными причинами обеспечения безопасности государства и общества, но и потребностью в сбережении и отстаивании основ суверенитета как прочного фундамента и гарантии социального порядка, основанного на идеях конституционализма.

Только суверенное государство, по точному замечанию Н. А. Богдановой, способно сохранить, защитить и укрепить конституционализм как идеологическую и правовую ценность, дефективность же суверенитета непосредственно оказывает влияние на реализацию тех или иных функций конституционного государства [45, с. 138–140], а противоправные действия, посягающие на суверенитет государства, всегда приводят к нарушению прав и свобод человека и гражданина этой страны.

Неслучайно в документах БРИКС подчеркивается приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности всех стран-участниц в рамках сотрудничества в различных сферах, полное уважение и соблюдение суверенитета государств-участников и невмешательство в их внутренние дела⁴.

Вопрос об этом был озвучен в Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г., который отметил, что «политическая система России – одна из опор суверенитета страны. ... Самостоятельность, самодостаточность, суверенитет нужно доказывать, подтверждать каждый день. ... И сегодня, когда наша Родина отстаивает свой суверенитет и безопасность, защищает жизнь соотечественников на Донбассе и в

⁴ Московская декларация XII саммита БРИКС от 17 ноября 2020 г. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения: 14.11.2025); Саммит БРИКС от 17 ноября 2020 г. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64430> (дата обращения: 14.11.2025); Совместное заявление Министров иностранных дел/международных отношений стран БРИКС, Нижний Новгород, Российская Федерация, 10 июня 2024 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1955719/ (дата обращения: 14.11.2025).

Новороссии, решающая роль в этой праведной борьбе принадлежит именно нашим гражданам»⁵.

Суверенитет – юридическое свойство государства. Именно он определяет суверенные полномочия и возможности государственной власти, в то время как их реальные результаты характеризуют не сам факт наличия суверенитета, а его реализующий потенциал. В этом плане исключительную важность в текущей обстановке приобретает создание системных эффективных конституционно-правовых механизмов, обеспечивающих именно качество реализации суверенитета, социальные, экономические, технологические и иные условия для единства, полновластия, благополучия и свободного развития российского народа.

Нельзя не сказать и о тесной взаимосвязи суверенитета и традиционных ценностей, которые способствуют защите и укреплению суверенитета России⁶, а сам суверенитет, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, наряду с правами и свободами человека и гражданина, государственной целостностью Российской Федерации, единством системы государственной власти и т. д., является одной из важнейших конституционных ценностей⁷.

Безусловно, полноценное существование российской государственности невозможно без ценностных ориентиров, таких как суверенность, национальная идея и идентичность, справедливость и патриотизм и др., а завершённый содержательный ее образ немислимо себе представить без национального лидера, выступающего гарантом прав и свобод человека и гражданина, гражданского мира и согласия, хранителем суверенитета, выразителем власти народа, – главы государства.

Вместе с тем следует отметить, что существующие в отечественной юриспруденции философские догматы о понимании сущности и особенностей государственности нередко склоняются к заимствованиям. Концепция российской государственности слабо увязана с исторической экзистенциальностью, да и

⁵ В Послании Федеральному Собранию президент представил конкретный план развития страны // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2024/02/29/poslanie-prezidenta-vladimira-putina-federalnomu-sobraniuu-stenogramma.html> (дата обращения: 14.11.2025).

⁶ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «ТАНАИС» на нарушение его конституционных прав частью 7 статьи 346 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также пунктами 4 и 5 статьи 405 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2024 г. № 2629-О (документ опубликован не был) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15102024-n-2629-o/> (дата обращения: 14.11.2025); По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и пункта 1 статьи 164 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Костенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 7-П /// Собрание законодательства РФ. 2011. № 22. Ст. 3237.

предложения по устранению противоречий между релевантной моделью и объективной действительностью не всегда учитывают закономерности последней.

Категорию суверенитета нельзя рассматривать в отрыве от социально-культурных факторов, способствующих созданию народом и государством своей идентичности, предостережению от социально-психологической и культурной зависимости извне, защите от негативного идеологического и информационного влияния, сохранению исторической памяти, следованию традиционным российским духовно-нравственным ценностям. Речь идет о культурном суверенитете, понятие которого нашло свое отражение в утвержденных Президентом Российской Федерации Основах государственной культурной политики⁸.

Понимая особую значимость культурной обусловленности государственного суверенитета в условиях современности, следует особо подчеркнуть необходимость совершенствования конституционно-правового регулирования, а также доктринальных подходов в данной сфере.

Конституционная реформа 2020 года, сопровождающаяся внесением изменений в Конституцию Российской Федерации, показала необходимость закрепления жизненно важных положений, касающихся политико-правовых, экономических, социальных и иных сфер общественной и государственной жизни, что в свою очередь позволило усилить аргументацию понимания национальной идентичности и суверенитета.

Взаимосвязь данных явлений довольно обстоятельно прослеживается в Концепции внешней политики Российской Федерации⁹, которая закрепляет особый статус России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы. Такое положение Российского государства определяют, в частности, многолетний опыт построения российской государственности, культурное наследие и прочные исторические связи с другими культурами, способность обеспечивать гармоничную жизнедеятельность различных народов, образующих культурно-цивилизационную общность Русского мира.

Важно помнить, что суверенитет, будучи юридической категорией, одновременно имеет и нравственное значение. В частности, это касается вопросов, связанных с укреплением чувства долга, достоинства, справедливости, ответственности, гордости за свою страну и др., что в свою очередь не может рассматриваться обособленно от образовательной составляющей.

В этом смысле педагогические работники всегда должны осознавать ответственность за представляемую ими информацию, проявлять тактичность в критических замечаниях всего того, что могло бы поколебать престиж Конституции Российской Федерации и каким-либо образом дискредитировать Российское государство.

Необходимо обеспечить гармоничность в вопросе обоснования целостной теории конституционного суверенитета, что должно найти свое отражение в образовательных

⁸ Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 : ред. от 17 июля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52 (Ч. 1). Ст. 7753.

⁹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

программах по конституционному (государственному) праву России, а также доктринальных работах, посвященных основам конституционного строя Российской Федерации.

Кроме того, отечественная юридическая наука и практика должны в первую очередь сконцентрироваться на создании комплексной конституционно-правовой концепции суверенного развития Российского государства, основанной на цивилизационной самобытности страны, общероссийской гражданской идентичности, единстве и сплоченности российского общества, традиционных духовно-нравственных ценностях, для защиты национальных интересов и достижения целей развития Российской Федерации.

Таким образом, теоретико-методологическое осмысление сущности государственного суверенитета, несомненно, носит сложный, многогранный характер и рассчитывать на всестороннее исследование всех аспектов столь емкого понятия, а тем более претендовать на разрешение существующих проблем, споров ученых и практиков о государственном суверенитете было бы опрометчиво.

Вместе с тем постараемся сформулировать следующее определение государственного суверенитета, которое ни в коем случае не претендует на абсолютную безупречность, но при этом, как видится, может побудить ученых и практиков к последующему научно-исследовательскому поиску.

Итак, государственный суверенитет – это политико-правовое свойство государственной власти, означающее ее единство, верховенство и независимость от всякой иной власти как внутри страны (внутренний суверенитет), так и за ее пределами – на международной арене, во взаимоотношениях с другими государствами, их объединениями (союзами), государственноподобными образованиями и международными организациями (внешний суверенитет), самостоятельно и свободно решать свои дела, в т. ч. заключать международные договоры и передавать межгосударственным объединениям свои полномочия в соответствии с международным договором.

В заключение представляется возможным также сделать некоторые умозаключения, касающиеся сущностных характеристик государственного суверенитета либо непосредственно связанных с ним:

1) суверенитет Российской Федерации выступает в качестве одной из основ конституционного строя;

2) государственный суверенитет является одной из важнейших конституционных ценностей;

3) государственный суверенитет – политико-правовое свойство государственной власти, означающее ее единство, верховенство и независимость от всякой иной власти как внутри страны (внутренний суверенитет), так и за ее пределами – на международной арене (внешний суверенитет);

4) государственным суверенитетом обладают лишь независимые государства, являющиеся субъектами международного права;

5) государственный суверенитет – неотъемлемый атрибут государства, имеющий качественный, а не количественный характер;

6) государственный суверенитет един и неделим, принадлежит только Российской Федерации. Какого-либо другого государственного суверенитета нет и быть не может, как нет и двухуровневой системы суверенных властей;

- 7) государственный суверенитет реализуется посредством деятельности государства и его органов, сущностно и содержательно проявляясь в его функциях;
- 8) государственный суверенитет определяет суверенные полномочия и возможности государственной власти;
- 9) категорию государственного суверенитета нельзя рассматривать в отрыве от социально-культурных факторов;
- 10) суверенитет, будучи юридической категорией, одновременно содержит и нравственный подтекст;
- 11) государственный суверенитет позволяет обратить внимание на проблемы государственного устройства, формирования и функционирования органов публичной власти, международного сотрудничества России с другими государствами и межгосударственными образованиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лейст, Э. О. История политических и правовых учений. М. : Зерцало, 2000. 688 с.
2. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Мысль. 1991. 507 с.
3. Шумков, Д. М. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоритический анализ) : дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002. С. 16–35.
4. Локк, Дж. Сочинения. В 3-х Т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. 673 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. Сочинения. Т. 7. М., 1934. 384 с.
6. Палиенко, Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. 567 с.
7. Яценко, А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1999. 252 с.
8. Еллинек, Г. Право современного государства. Общее учение о государстве. СПб., 1903. 599 с.
9. Коркунов, Н. М. Русское государственное право. 6-е изд. Т. 1. СПб., 1909. 630 с.
10. Морозова, А. С., Карасев, А. Т. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета // История государства и права. 2014. № 20. С. 45–50.
11. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Правоведение» / под ред. С. С. Алексеева. М. : Юрид. лит., 1985. 483 с.
12. Козлова, Е. И., Кутафин, О. Е. Конституционное право России. М., 1995. 479 с.
13. Крылов, Б. С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 2–6.
14. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права : учебное пособие для высших учебных заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. М., 1995. 381 с.
15. Шевцов, В. С. Государственный суверенитет (вопросы теории). М. : Издательство «НАУКА», 1979. 299 с.

16. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Издательство АСТ: Мир и Образование, 2017. 1375 с.
17. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : «Альга-Принт», ООО Издательство «Дом. XXI век», 2008. 1248 с.
18. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 1999. 704 с.
19. Тихомиров, Ю. А. Государство : монография. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2016. 319 с.
20. Чиркин, В. Е. Публично-правовое образование ; РАН. Ин-т гос-ва и права. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2011. 335 с.
21. Бурькин, А. Н., Володина, Н. В., Иваненко, К. В. Проявления государственного суверенитета в современном мире и России // Правовая инициатива. 2013. № 5. EDN: OMNYCK.
22. Теория государства и права : учебник / отв. ред. А. В. Малько. 5-е издание, стереотипное. М. : КНОРУС, 2022. 400 с.
23. Проблемы теории государства и права : учебник / Т. Н. Радько. М. : Проспект, 2023. 608 с.
24. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2024. 521 с.
25. Лазарев, В. В. Избранные труды. [В 3 т.]. Т. III : Из истории политической мысли. М. : Новая юстиция. 416 с.
26. Лапаева, В. В. Дело «Константин Маркин против России» в контексте проблемы национального суверенитета // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 77–90.
27. Хаванова, И. А. Фискальный (налоговый) суверенитет и его границы в интеграционных образованиях // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 41–51.
28. Бредихин, А. Л., Проценко, Е. Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 21–23.
29. Жарова, А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28–33.
30. Левакин, И. В., Платонова, Н. И. Конституции и экономический суверенитет современных государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 8. С. 35–39.
31. Саттарова, Н. А. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет государства: вопросы взаимосвязи // Финансовое право. 2023. № 11. С. 15–17.
32. Карцхия, А. А. Технологический суверенитет и энергетическая безопасность // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 39–44.
33. Степанов, П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 37–51.

34. Бондарь, Н. С. Государственный суверенитет в координатах судебной власти: суверенна ли судебная власть? // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7. С. 12–24.
35. Булаков, О. Н., Прудников, А. С. Суверенитет представительной власти // Административное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 5–9.
36. Чиркин, В. Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3 (76). С. 5–19.
37. Эбзеев, Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2011. 384 с.
38. Шевцов, В. С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М. : Юридическая литература, 1978. 232 с.
39. Чиркин, В. Е. Государствоведение. М., 2012. 480 с.
40. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 6. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1955. 762 с.
41. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 3. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1955. 630 с.
42. Исаев, И. А. Суверенитет и господство: система власти // История государства и права. 2012. № 22. С. 2–15.
43. Кутафин, О. Е. Избранные труды. М. : Проспект, 2016. 347 с.
44. Лексин, И. В. К вопросу о суверенитете в федеративном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 12. С. 26–31.
45. Богданова, Н. А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения : мат-лы Междунар. конф. (г. Москва, 1 декабря 1998 г.). М. : Изд-во ИГиП РАН, 1999. С. 138–140.

REFERENCES

1. Leist, E. O. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij [History of political and legal doctrines]. Moscow, 2000, 688 p. (In Russ.).
2. Hobbes T. Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or the matter, form and power of the state of the church and civil]. Moscow, 1991, 507 p. (In Russ.).
3. Shumkov D. M. Social'no-pravovye osnovaniya gosudarstvennogo suvereniteta Rossijskoj Federacii (istoriko-teoriticheskij analiz) : diss. ... dokt. jurid. nauk. [Socio-legal foundations of the state sovereignty of the Russian Federation (historical and theoretical analysis) : diss. ... doct. jurid. Nauk]. St. Petersburg, 2002, pp. 16-35. (In Russ.).
4. Locke J. Sochineniya. V 3-h tomah. [Essays. In 3 Volumes]. Vol. 3. Moscow : Mysl, 1988, 673 p. (In Russ.).
5. Hegel, G. V. F. Filosofiya prava. Sochineniya. [Philosophy of Law. Works.]. Moscow, 1934, Vol. 7. 384 p. (In Russ.).
6. Paliyenko, N. I. Suverenitet. Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie [Sovereignty. The historical development of the idea of sovereignty and its legal significance]. Yaroslavl, 1903, 567 p. (In Russ.).

7. Yashchenko, A. S. *Filosofiya prava Vladimira Solov'eva. Teoriya federalizma: Opyt sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva* [Philosophy of law by Vladimir Solovyov. Theory of federalism: The experience of the synthetic theory of law and the state]. St. Petersburg, 1999, 252 p. (In Russ.).
8. Jellinek, G. *Pravo sovremennogo gosudarstva. Obshchee uchenie o gosudarstve*. [The law of the modern state. The general doctrine of the state]. St. Petersburg, 1903, 599 p. (In Russ.).
9. Korkunov, N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. 6-e izd. T. 1.* [Russian State law. 6th ed., vol. 1.]. St. Petersburg, 1909, 630 p. (In Russ.).
10. Morozova, A. S., Karasev, A. T. *Nekotorye podhody k ponimaniyu gosudarstvennogo suvereniteta* [Some approaches to understanding state sovereignty. History of the State and law]. 2014, no. 20, pp. 45-50. (In Russ.).
11. Alekseev S. S. (by Ed.) *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po spec. «Pravovedenie»* [Theory of State and law: a textbook for university students studying special education. "Jurisprudence"]. Moscow : Jurid. lit., 1985, 483 p. (In Russ.).
12. Kozlova, E. I., Kutafin, O. E. *Konstitucionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow, 1995, 479 p. (In Russ.).
13. Krylov, B. S. *Gosudarstvennyj suverenitet: sovremennye problemy* [State sovereignty: modern problems. Constitutional and municipal law]. 2008, no. 6, pp. 2-6. (In Russ.).
14. Khropanyuk, V. N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the state and law]. Moscow, 1995, 381 p. (In Russ.).
15. Shevtsov, V. S. *Gosudarstvennyj suverenitet (voprosy teorii)* [State sovereignty (issues of theory)]. Moscow, 1979, 299 p. (In Russ.).
16. Ozhegov, S. I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : Ok. 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions]. Moscow, 2017, 1375 p. (In Russ.).
17. Ushakov, D. N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, 2008, 1248 p. (In Russ.).
18. Sukharev A.Ya., Zorkin V.D., Krutskikh V.E. *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Big legal dictionary]. Moscow, 1999, 704 p. (In Russ.).
19. Tikhomirov, Yu. A. *Gosudarstvo* [The State]. Moscow, 2016, 319 p. (In Russ.).
20. Chirkin, V. E. *Publichno-pravovoe obrazovanie* [Public law education]. Moscow, 2011, 335 p. (In Russ.).
21. Volodina, N. V. *Proyavleniya gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennom mire i Rossii* [Manifestations of state sovereignty in the modern world and Russia. Legal Initiative]. 2013, no. 5. (In Russ.). EDN: OMNYCK.
22. Malko A.V. (by ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, 2022, 400 p. (In Russ.).
23. Radko T. N. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow, 2023, 608 p. (In Russ.).

24. Lazarev V. V., Lipen S. V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of the state and law]. Moscow, 2024, 521 p. (In Russ.).

25. Lazarev, V. V. Izbrannye trudy. [V 3 t.]. T. III : Iz istorii politicheskoy mysli [Selected works. [In 3 volumes]. Vol. III: From the History of Political thought]. Moscow, 416 p. (In Russ.).

26. Lapaeva, V. V. Konstantin Markin protiv Rossii» v kontekste problemy nacional'nogo suvereniteta [The case of Konstantin Markin v. Russia in the context of the problem of national sovereignty]. Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie - Comparative Constitutional Review. 2012, no, 2, p. 77-90.

27. Khavanova, I. A. Fiskal'nyj (nalogovyj) suverenitet i ego granicy v integracionnyh obrazovaniyah [Fiscal (tax) sovereignty and its borders in integration entities]. Zhurnal rossijskogo prava - Journal of Russian Law. 2013, no. 11, pp. 41-51. (In Russ.).

28. Bredikhin, A. L., Protsenko, E. D. Gosudarstvennyj suverenitet Rossijskoj Federacii v svete popravok k Konstitucii Rossijskoj Federacii, prinyatyh v 2020 g [The State sovereignty of the Russian Federation in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo - Constitutional and Municipal Law. 2020, no. 11, pp. 21-23. (In Russ.).

29. Zharova, A. K. Obespechenie informacionnogo suvereniteta Rossijskoj Federacii [Ensuring the information sovereignty of the Russian Federation]. Yurist - Lawyer. 2021, no. 11, pp. 28-33. (In Russ.).

30. Levakin, I. V., Platonova, N. I. Konstitucii i ekonomicheskij suverenitet sovremennyh gosudarstv [Constitutions and economic sovereignty of modern states]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie - State power and local self-government. 2023, no. 8, pp. 35-39. (In Russ.).

31. Sattarova, N. A. Finansovaya bezopasnost' i finansovyj suverenitet gosudarstva: voprosy vzaimosvyazi [Financial security and financial sovereignty of the state: issues of interrelation]. Finansovoe pravo - Financial Law. 2023, no. 11, pp. 15-17. (In Russ.).

32. Kartschiya, A. A. Tekhnologicheskij suverenitet i energeticheskaya bezopasnost' [Technological sovereignty and energy security]. Predprinimatel'skoe pravo - Business Law. 2024, no. 1, pp. 39-44. (In Russ.).

33. Stepanov, P. V. Podhody k ponimaniyu cifrovogo suvereniteta Rossii [Approaches to understanding Russia's digital sovereignty]. Zhurnal rossijskogo prava - Journal of Russian Law. 2024, no. 4, pp. 37-51. (In Russ.).

34. Bondar, N. S. Gosudarstvennyj suverenitet v koordinatah sudebnoj vlasti: suverenna li sudebnaya vlast'? [State sovereignty in the coordinates of judicial power: is judicial power sovereign?]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo - Constitutional and municipal law. 2024, no. 7, pp. 12-24. (In Russ.).

35. Bulakov, O. N., Prudnikov, A. S. Suverenitet predstavitel'noj vlasti [Sovereignty of representative power]. Administrativnoe i municipal'noe pravo - Administrative and municipal law. 2011, no. 11, pp. 5-9. (In Russ.).

36. Chirkin, V. E. Integracionnye mezhgosudarstvennyye processy, konstitucii i gosudarstvennyj suverenitet [Integration interstate processes, constitutions and state sovereignty]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya -

Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2019, vol. 76, no. 3, pp. 5-19. (In Russ.).

37. Ebzeev, B. S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitucionnye obyazannosti [Personality and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties]. Moscow, 2011, 384 p. (In Russ.).

38. Shevtsov, V. S. Nacional'nyj suverenitet (problemy teorii i metodologii) [National sovereignty (problems of theory and methodology)]. Moscow, 1978, 232 p. (In Russ.).

39. Chirkin, V. E. Gosudarstvovedenie [State studies]. Moscow, 2012, 480 p. (In Russ.).

40. Marx, K., Engels, F. Sochineniya. T. 6. Izd. 2-e. [Essays. Vol. 6. Ed. 2-E]. Moscow, 1955, 762 p. (In Russ.).

41. Marx, K., Engels, F.. Sochineniya. T. 3. Izd. 2-e. [Essays. Vol. 3. Ed. 2-E]. Moscow, 1955, 630 p. (In Russ.).

42. Isaev, I. A. Suverenitet i gospodstvo: sistema vlasti [Sovereignty and domination: the system of power]. Istoriya gosudarstva i prava - History of the State and Law. 2012, no. 22, pp. 2-15. (In Russ.).

43. Kutafin, O. E. Izbrannye trudy - Selected works. Moscow, 2016, 347 p. (In Russ.).

44. Leksin, I. V. K voprosu o suverenitete v federativnom gosudarstve [On the issue of sovereignty in a federal state]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo - Constitutional and Municipal Law. 2011, no. 12, pp. 26-31. (In Russ.).

45. Bogdanova, N. A. [The category of "constitutionalism" in the science of constitutional law]. Rossijskij konstitucionalizm: problemy i resheniya : mat-ly Mezhdunar. konf. (g. Moskva, 1 dekabrya 1998 g.) [Russian Constitutionalism: problems and solutions : Proceedings of the International Conference. 1 December 1998. Moscow]. Moscow, 1999, pp. 138-140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киричѐк Евгений Владимирович, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент. 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, кабинет 633 (1).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirichek Evgeny Vladimirovich, the head of Department educational-methodical work of the Academy of Management of the Ministry of the internal Affairs, doctor of juridical sciences, associate professor. Moscow, 8 Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., office 633 (1), 125171.

Статья поступила в редакцию 04.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 22.01.2025.

The article was submitted 04.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 22.01.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 81-92.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 81-92.

**5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.272

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
 ПОЛИЦИИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**Кузнецова Кристина Александровна¹, Новичкова Елена Евгеньевна²,
 Пестов Роман Аркадьевич³**

¹Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,
 Хабаровск, Российская Федерация, kristina.a.kulikova@mail.ru

²Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
 elena.novichkova.64@mail.ru

³Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская
 Федерация, 79185927828@ya.ru

Введение. Правоохранительные институты гражданского общества обладают существенным потенциалом в области устойчивого развития государства, способствуя созданию справедливого, инклюзивного и устойчивого социального порядка. В связи с этим рассмотрению различных аспектов совершенствования механизмов взаимодействия полиции и гражданского общества посвящено большое количество научных исследований. При подготовке статьи ее авторами было установлено, что, несмотря на большое количество исследований по теме, в современном научном знании отсутствует единая научная концепция, раскрывающая особенности взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, что необходимо для трансформации различных парадигм публичного управления, в том числе в сфере обеспечения охраны общественного порядка.

Материалы и методы. Авторами статьи на основе институциональных методов научного исследования рассматриваются особенности правового регулирования основных направлений взаимодействия полиции и институтов гражданского общества. В качестве эмпирической базы исследования использованы нормативные правовые акты, публикации в научных журналах.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования его авторами предложено внести ряд изменений в нормативные правовые акты, затрагивающие вопросы участия молодежи, а также привлечения обучающихся к охране общественного порядка и службе в органах внутренних дел. В рамках совершенствования различных направлений административно-правового регулирования основных направлений взаимодействия полиции и гражданского общества авторы предлагают наделять народных дружинников полномочиями по вынесению предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения и установлению административной ответственности и изменению норм ст. 19.35 КоАП РФ.

Выводы и заключения. В настоящее время не сформировалась единая концепция совершенствования механизмов взаимодействия полиции и гражданского общества, дифференциация теоретических подходов к решению проблем, а также деятельность ряда геополитических, геоэкономических, военно-политических причин оказывает негативное влияние на эффективное функционирование отдельных административно-правовых механизмов. Сформированные в исследовании предложения позволят, во-первых, консолидировать общество, во-вторых, реализовать потенциал общественных формирований, в-третьих, повысить эффективность деятельности полиции.

Ключевые слова: граждане, полиция, правовой статус, обеспечение общественного порядка, гражданское общество, правопорядок, народные дружины

Для цитирования: Кузнецова, К. А., Новичкова, Е. Е., Пестов, Р. А. Вопросы совершенствования механизмов взаимодействия полиции и гражданского общества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2026. № 1 (116). С. 81-92.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

ISSUES OF IMPROVING THE MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN THE POLICE AND CIVIL SOCIETY

Kristina A. Kuznetsova¹, Elena E. Novichkova², Roman A. Pestov³

¹I. F. Shilov Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russian Federation, kristina.a.kulikova@mail.ru

²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, elena.novichkova.64@mail.ru

³Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation, 79185927828@ya.ru

Introduction. Law enforcement institutions of civil society possess significant potential for the sustainable development of the state, contributing to the creation of a fair, inclusive, and resilient social order. Consequently, a vast body of scientific research has

addressed various aspects of improving the mechanisms of interaction between the police and civil society. In preparing this article, the authors found that despite the abundance of studies, modern scholarship lacks a unified scientific concept outlining the specifics of interaction between the police and civil society institutions. Such a concept is essential for transforming various public administration paradigms, particularly in the field of public order maintenance.

Materials and Methods. Applying institutional methods of scientific research, the authors examine the specific features of the legal regulation governing the primary areas of interaction between the police and civil society institutions. The empirical framework of the study comprises regulatory legal acts and peer-reviewed scientific publications.

The Results of the Study. Based on the findings of the study, the authors propose several amendments to the regulatory legal acts governing youth engagement and the involvement of students in public order maintenance and service within internal affairs agencies. To enhance the administrative and legal regulation of police-civil society cooperation, the authors suggest empowering community law enforcement units (*narodnye druzhiny*) with the authority to issue official warnings regarding the inadmissibility of actions that facilitate offenses or the continuation of antisocial behavior. Furthermore, the authors advocate for establishing associated administrative liability and amending Article 19.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Findings and Conclusions. At present, a unified concept for improving the mechanisms of interaction between the police and civil society has not yet emerged. The fragmentation of theoretical approaches, coupled with geopolitical, geo-economic, and military-political factors, adversely affects the effective functioning of specific administrative and legal mechanisms. The proposals formulated in this study will contribute to: first, consolidating society; second, realizing the potential of public associations; and third, enhancing the efficiency of police activities.

Keywords: citizens, police, legal status, public order, civil society, rule of law, people's volunteer corps

For citation: Kuznetsova K. A., Novichkova E. E., Pestov R. A. *Voprosy sovershenstvovaniya mekhanizmov vzaimodejstviya policii i grazhdanskogo obshchestva* [Issues of improving the mechanisms of interaction between the police and civil society]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 81-92. (In Russ.).

Отношения между государством и гражданским обществом в любом государстве являются уникальными. Это связано с сочетанием изменений в преобладающих парадигмах управления, осуществляемых в контексте общего процесса социальной стратификации и контроля [1, с. 137]. В этой связи особое значение приобретает проблема реконструкции правовых оснований и принципов совершенствования механизмов взаимодействия полиции и гражданского общества, среди которых необходимо выделить, во-первых, принцип первичности общества, содержанием которого выступает очередность создания правового государства и гражданского общества в соответствующем качестве, так как государство выступает гарантом возможности развития гражданского общества, во-вторых, принцип открытости, значение которого состоит в предоставлении публичной властью возможности участия в различных формах государственного и общественного администрирования.

Как отмечает Г. А. Багирян, в большинстве зарубежных государств определение роли государства происходит через призму отношений «государство – общество – личность» посредством фиксации в основном законе права на объединение [2, с. 182].

Провозглашение высшими ценностями прав и свобод человека в Российской Федерации заложило правовой фундамент для становления гражданского общества, при котором институты публичной власти создают условия для нормального функционирования социальных институтов.

В последнее десятилетие развитие государственности России встретилось с глобальными вызовами, которые могут быть разрешены только при помощи объединения общества и его сотрудничества с государственными институтами.

Оптимизация правового регулирования взаимодействия полиции как части системы публичной власти и институтов гражданского общества, а также нахождение путей адаптации к реалиям времени становятся условием для достижения результативности в различных сферах.

Актуальность темы исследования связана с необходимостью интенсификации решения задач, стоящих перед органами внутренних дел, посредством взаимодействия с институтами гражданского общества.

Вместе с тем, несмотря на многообразие подходов к исследованию совершенствования механизмов взаимодействия полиции и гражданского общества до настоящего времени отсутствует единое представление о понятии гражданского общества, что затрудняет теоретический дискурс по теме, а следовательно, и о его концепции развития.

По мнению некоторых исследователей [3, с. 4], гражданское общество - это система общественных институтов защиты общественного блага [4, с. 45], другие определяют его как совокупность институтов, существующих вне политической или публичной власти [5, с. 37].

На основе анализа многочисленных представлений о гражданском обществе В. Э. Гацолати [6, с. 16–17] сформировал ряд концептуальных подходов к его содержанию: во-первых, институциональный (гражданское общество – посредник между обществом и государством), во-вторых, атрибутивный (состояние общества, в котором присутствует ряд качественных характеристик), в-третьих, организационный (совокупность физических и юридических лиц, чьи усилия направлены на социально благоприятный результат).

Конечно, в современном гуманитарном знании существуют и иные концептуальные подходы к определению гражданской общества, содержательная часть которых зависит от исследуемой области (философии, экономики, социологии).

В данном исследовании будет использован организационный подход, в соответствии с которым под гражданским обществом понимается совокупность социальных независимых институтов, которые обеспечивают различные потребности социума и государства в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности. Эта сфера общественных отношений относится преимущественно к предмету регулирования административного права, поскольку связана с организацией и функционированием федеральных и региональных органов исполнительной власти.

Административно-правовое регулирование является составной частью государственного регулирования с присущими ему особенностями, которые складываются из предмета и методов, характерных для административно-правовых

норм, посредством которых формируется и осуществляется регулирование общественных отношений в различных сферах, в том числе связанных с взаимодействием органов исполнительной власти и институтов гражданского общества.

Для достижения позитивных результатов необходима постоянная корректировка и контроль инструментария административно-правового регулирования. К значимым направлениям общественного развития относятся:

- 1) поиск наиболее эффективных методов и форм взаимодействия;
- 2) формирование социального партнерства;
- 3) закрепление административных процедур;
- 4) социальные стимулы и гарантии.

Корректировка управленческих отношений в рамках системы взаимодействия институтов гражданского общества и субъектов государственного управления посредством административно-правового регулирования позволяет добиться целенаправленного, а иногда и точечного воздействия на общественные отношения, связанного с возможностью оперативного реагирования. Предметом такого регулирования выступают отношения, возникающие в связи с вовлечением граждан в различные направления деятельности, в том числе участие в обеспечении общественной безопасности и профилактике правонарушений.

В сфере охраны общественного порядка организующим субъектом являются органы внутренних дел как единая система управления, среда функционирования которой – общественный порядок в целом. В этой связи общественные формирования правоохранительной направленности могут стать кадровым резервом для замещения некомплекта в органах внутренних дел.

Так, Е. А. Драгомирова в своем исследовании [7, с. 88] приводит статистические данные, согласно которым с 2013 по 2020 год количество обучающихся только по программам среднего профессионального образования возросло с 38 тыс. до 99 тыс. человек, в 2025 году поступили в колледжи и техникумы 1,3 млн человек, по направлению подготовки «Правоохранительная деятельность» – 31 тыс. человек¹. Иными словами, мы видим большое количество граждан, которые могут быть вовлечены в решение задач органов внутренних дел, при этом будет реализовываться воспитательная функция, заложенная в компетенциях, а также накапливаться опыт и положительное отношение к институтам гражданского общества, что, по сути, сможет создать кадровый потенциал для приема в полицию.

При этом необходимо задействовать способы мотивации: во-первых, ориентировать обучающихся на возможность проявить себя, во-вторых, получить социально полезные навыки, в-третьих, повысить авторитет среди товарищей, в-четвертых, найти единомышленников.

Для примера приведем положительный опыт Ростовской области, в частности Донской государственной технической университет, где создано студенческое объединение правоохранительной направленности «Центр охраны правопорядка

¹ Наибольшее количество абитуриентов колледжей зачислены на педагогические, медицинские и технические специальности // Минпросвещения России : офиц. сайт. URL: <https://edu.gov.ru/press/10840/naibolshee-kolichestvo-abiturientov-kolledzhey-zachisleny-na-pedagogicheskie-medicinskie-i-tehnicheskie-specialnosti/> (дата обращения: 15.12.2025).

ДГТУ»² (в г. Ростове-на-Дону 392 члена), так как филиалы этого учебного заведения находятся во многих городах Ростовской области, следовательно, представители этого объединения входят в состав народных дружин в соответствующих населенных пунктах (например, г. Шахты, г. Волгодонск), что позволяет более эффективно задействовать молодежь в охране общественного порядка, а также формировать гражданскую ответственность и правовую культуру.

Считаем возможным распространение вышеприведенного опыта на все образовательные организации среднего специального и высшего образования, при условии самостоятельного выбора образовательной организацией соответствующей формы деятельности (студенческих отрядов правоохранительной направленности, добровольных студенческих дружин, волонтерской деятельности).

Обращаясь к финансированию и социальной поддержке, считаем необходимым скорректировать нормативное закрепление системы стимулирования и поощрений для граждан, участвующих в поддержании общественного порядка.

Формы и размеры материального стимулирования закреплены на уровне субъектов Российской Федерации и муниципалитетов и имеют отличительные особенности, усредненное денежное поощрение народного дружинника определяется исходя из количества выходов (например, для г. Ростова-на-Дону определено не менее четырех выходов на дежурство в месяц³, для Сладковского сельского поселения Свердловской области – не менее 10 выходов) и часов дежурств (оплата за час дежурства варьируется от 115⁴ до 200⁵ руб. или 500⁶ руб. за один выход). К этой сумме

² Представитель регионального главка МВД России встретился со студентами ДГТУ // Главное Управление МВД России по Ростовской области : сайт. URL: <https://61.mvd.pf/press/fotoarhiv/представитель-регионального-главка-мвд-р> (дата обращения: 15.12.2025).

³ Об утверждении Положения о материальном стимулировании деятельности народных дружинников, участвующих в охране общественного порядка города Ростова-на-Дону : решение Ростовской-на-Дону городской Думы г. Ростова-на-Дону от 3 апреля 2018 г. № 496 : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/43772286/> (дата обращения: 15.12.2025).

⁴ Об утверждении Положения о материальном поощрении народных дружинников, участвующих в охране общественного порядка на территории Береговского сельского поселения Белгородской области : решение Земского собрания Береговского сельского поселения от 27 апреля 2022 г. № 167 // beregovskoe-r31.gosweb.gosuslugi.ru : сайт. URL: https://beregovskoe-r31.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/56/2594/reshenie_zemskogo_sobraniya_167_ot_27042022.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

⁵ Положение о материальном поощрении народных дружинников, участвующих в охране общественного порядка на территории Сладковского сельского поселения Свердловской области: постановление администрации Сладковского сельского поселения Слободо-Туринского муниципального района Свердловской области № 137 от 30 ноября 2020 г. URL: https://сладковское.pf/docs/2020_12_25/HzA7fhY3DKHKhsBQbtaYa6SG8.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

⁶ Егорова, К. В Новочеркасске народным дружинникам будут платить по 500 рублей за дежурство // ruffnews.ru : сайт. URL: https://www.ruffnews.ru/novocherkassk/V-Novocherkasske-narodnym-druzhinnikam-budut-platit-po-500-rublej-za-dezhurstvo_124679 (дата обращения: 15.12.2025).

из соответствующего бюджета может быть установлено месячное поощрение, которое составляет от 3 до 4 тыс. руб.

Может ли такое стимулирование конкурировать с другими видами деятельности? Анализ 50 объявлений о подработке на интернет-площадке объявлений Avito показывает, что средняя оплата за смену составляет 4 тыс. руб. Ответ очевиден: не может, следовательно, необходима корректировка или смена инструментария административно-правового регулирования.

Так, в качестве мотивирования могут быть использованы формы стимулирования без нагрузки на бюджет. К таковым можно отнести преимущественное право на прием детей в дошкольные образовательные организации, бесплатное обучение детей в бюджетных учреждениях дополнительного образования, предоставление путевок на санаторно-курортное лечение гражданам, принимающим участие в охране общественного порядка, и путевок в оздоровительные лагеря их детям, предоставление мест в общежитиях, а также организация питания, присвоение дополнительных баллов для поступления в образовательные организации или преимущество при переводе с коммерческого отделения на бюджетное (последние четыре формы особенно актуальны для обучающихся или желающих обучаться).

Кроме того, в части нематериального поощрения необходима разработка единого нагрудного знака отличия для граждан, отличившихся в содействии правоохранительным органам. Данный инструментарий позволит, во-первых, добровольно побуждать к необходимому правомерному поведению или совершению определенных социально полезных действий, во-вторых, признать достойным для поощрения совершенный социально полезный поступок [8, с. 8].

Отдельной формой поощрения, имеющей воспитательный и агитационно-пропагандистский потенциал, является проведение конкурсов для граждан, отличившихся в охране общественного порядка, например на звание «Лучший народный дружинник». Воспитательный потенциал заключается в обеспечении общественного признания (например, публикация победителей конкурса в средствах массовой информации или рекламных конструкциях населенного пункта), а агитационно-пропагандистский потенциал выражается в распространении положительного опыта и привлечении граждан к деятельности по содействию полиции и другим органам правопорядка.

Не менее актуальной является корректировка административно-правового регулирования в части страхования жизни и здоровья народных дружинников на период их участия в мероприятиях по охране общественного порядка. В настоящее время п. 6 ст. 26 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) указывает только на возможность, а не обязанность органов власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления осуществлять такое страхование. Вместе с тем деятельность членов добровольных дружин зачастую связана с рисками для здоровья, а применение мер принуждения в виде физической силы ограничено необходимой обороной, крайней необходимостью или устранением опасности, непосредственно угрожающей дружинникам или иным лицам. Применение иных мер

принуждения в виде специальных средств законодательством не предусмотрено. В то же время за действия, нарушающие права физических или юридических лиц, для дружинников предусматривается административная ответственность по ст. 19.36 КоАП РФ.

В соответствии со статьями 10 и 18 Федерального закона № 44-ФЗ народные дружинники и внештатные сотрудники полиции обязаны знать и соблюдать требования нормативных правовых актов в сфере обеспечения общественной безопасности, однако какого-либо образовательного ценза к этим категориям закон не устанавливает. Согласно п. 4 приказа МВД России от 18 августа 2014 г. № 696 «Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи» (далее – приказ МВД России № 696) предусмотрен только инструктаж (до 30 мин.) перед проведением мероприятий по охране общественного порядка, что, по мнению ученых [9, с. 197], указывает на проблему комплексной подготовки и обучения, прежде всего народных дружинников. В различных методических рекомендациях по обучению народных дружинников внимание сконцентрировано на применении физической силы и оказании первой помощи⁷. Также в методических рекомендациях дублируются нормы⁸ Федерального закона № 44-ФЗ. Учитывая временные ограничения инструктажа, следует отметить, что только проверка удостоверений и разъяснение оперативной обстановки и специфики проводимого мероприятия займет большую часть времени инструктажа. Также необходимо учитывать, что обычно оперативный дежурный перегружен бюрократическими процедурами, что не позволяет полноценно проводить инструктаж.

По мнению В. Л. Шапошникова, следует разработать «комплексные образовательные программы обучения» [10, с. 23]. Более того, считаем необходимым корректировку Федерального закона № 44-ФЗ и приказа МВД России № 696 в части установления обязательной первоначальной подготовки в целях приобретения основных знаний, умений, навыков, необходимых для выполнения обязанностей народных дружинников. Содержательная часть должна включать следующие разделы: во-первых, правовые основы деятельности, во-вторых, применение физической силы, в-третьих, первая помощь, в-четвертых, особенности применения методов убеждения, в-пятых, отработка алгоритмов действий.

Зачисление на первоначальную подготовку может осуществляться после получения статуса члена общественного формирования, а завершение курсов должно сопровождаться выдачей сертификата, который должен действовать по всей территории России, так как в случае смены жительства гражданину не будет

⁷ Методические рекомендации по обучению народных дружинников // Отдел МВД России «Пожарский» : сайт. URL: <https://пожарский.25.мвд.рф/document/16170629> (дата обращения: 15.12.2025).

⁸ Методические рекомендации для народных дружинников по охране общественного порядка // винницы.рф : сайт. URL: <https://винницы.рф/attachments/article/7059/Методические%20рекомендации%20для%20ДНД%20по%20ООП.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).

необходимости повторно проходить курсы, а следовательно, исключается бюрократическая волокита.

Такая корректировка не повлечет дополнительных бюджетных расходов, так как реализация профессиональной подготовки может быть осуществлена педагогическим составом образовательных организаций МВД России путем перераспределения нагрузки. Отметим, что в настоящее время уже разработана экспериментальная программа подготовки народных дружинников на базе образовательных организаций системы МВД России [9, с. 198].

В рамках совершенствования административно-правового регулирования механизма взаимодействия полиции и гражданского общества, на наш взгляд, следует обратить внимание на возможность расширения полномочий народных дружинников, наделив правом вынесения предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. В настоящее время такими полномочиями наделены должностные лица МВД России⁹, ФСИН России¹⁰.

В связи с вышеизложенным предлагаем внести изменения в ст. 19.35 КоАП РФ, дополнив следующей формулировкой: «...а равно за воспрепятствование исполнению обязанностей по применению форм профилактики в соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

⁹ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» (вместе с «Порядком объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, включая порядок его направления (вручения)») : приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355648/ (дата обращения: 15.12.2025).

¹⁰ О некоторых вопросах объявления органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» : приказ ФСИН России от 3 декабря 2021 г. № 1106 (вместе с «Порядком объявления официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, в том числе порядок его направления (вручения)») // Кодексы online : сайт. URL: <https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/prikaz-fsin-rossii-ot-03122021-n-1106/> (дата обращения: 15.12.2026).

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время не сформировалась единая концепция гражданского общества. Разрозненность теоретических основ негативно влияет на эффективное функционирование отдельных административно-правовых механизмов. Полагаем, что представленные в исследовании предложения позволят консолидировать общество, реализовать потенциал общественных формирований и повысить эффективность деятельности полиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Социальный контроль как предмет научной рефлексии / А. Н. Осяк, Р. А. Пестов, Т. Н. Шаповалова, Н. И. Чернобровкина // *Философия права*. 2017. № 3 (82). С. 137–143.
2. Багирян, Г. А. Гражданское общество в конституциях зарубежных стран // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 3. С. 180–194. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.180-194.
3. Костанян, Г. С., Казанчян, Л. А. Сущность и особенности понятия «гражданское общество» // *Sciences of Europe*. 2021. № 70–3 (70). С. 3–6.
4. Сафонов, Т. М., Максимова, Н. А. Проблемы становления институтов гражданского общества в современной России // *Юный ученый*. 2024. № 3 (77). С. 44–47.
5. Гражданское общество в современной России / Н. А. Колесникова, Е. Л. Рябова; Международный издательский центр «Этносоциум». М. : Этносоциум, 2016. 264 с.
6. Гацолати, В. Э. Административно-правовое регулирование взаимодействия органов исполнительной власти и организаций гражданского общества: сравнительно-правовое исследование : дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.2. ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». М., 2023. 30 с.
7. Драгомирова, Е. А. Юридическое образование: статистический анализ тенденций // *Современное педагогическое образование*. 2021. № 6. С. 88–95.
8. Трофимов, Е. В. Наградное право : учебное пособие ; Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. 327 с.
9. Елесина, И. Г., Гуз, О. М. Экспериментальное обоснование программы подготовки народных дружинников в образовательных организациях системы МВД России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 1 (85). С. 195–199. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-195-199. EDN: QWPKCZ.
10. Шапошников, В. Л. О некоторых проблемах участия граждан в охране общественного порядка // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2016. № 3. С. 20–24. EDN: WMHJIV.

REFERENCES

1. Osyak A. N., Pestov R. A., Shapovalova T. N., Chernobrovkina N. I. Social`ny`j kontrol` kak predmet nauchnoj refleksii [Social control as a subject of scientific reflection]. *Filosofiya prava- Philosophy of Law*. 2017, vol. 82, no. 3, pp. 137-143. (In Russ.).
2. Bagiryan, G. A. Grazhdanskoe obshhestvo v konstituciyax zarubezhny`x stran

[Civil Society in the Constitutions of Foreign Countries]. Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava- Current Issues of Russian Law. 2024, vol. 19, no. 3. pp. 180-194. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.180-194. (In Russ.).

3. Kostanyan, G. S., Kazanchyan, L. A. Sushhnost` i osobennosti ponyatiya «grazhdanskoe obshhestvo» [The essence and characteristics of the concept of "civil society"]. Sciences of Europe. 2021, vol. 70, no. 70–3, pp. 3–6. (In Russ.).

4. Safonov, T. M., Maksimova, N. A. Problemy` stanovleniya institutov grazhdanskogo obshhestva v sovremennoj Rossii [Problems of the formation of civil society institutions in modern Russia]. Yuny`j ucheny`j - Young scientist. 2024, vol. 77, no. 3, pp. 44-47. (In Russ.).

5. Kolesnikova N. A., Ryabova E. L. Grazhdanskoe obshhestvo v sovremennoj Rossii [Civil society in modern Russia]. Moscow : E`tnosocium, 2016, 264 p. (In Russ.).

6. Gaczolati, V. E`. Administrativno-pravovoe regulirovanie vzaimodejstviya organov ispolnitel`noj vlasti i organizacij grazhdanskogo obshhestva: sravnitel`no-pravovoe issledovanie : dis. ... kandidata yuridicheskix nauk [Administrative and legal regulation of interaction between executive bodies and civil society organizations: a comparative legal study: diss. ... candidate of legal sciences]. Moscow, 2023, 30 p. (In Russ.).

7. Dragomirova, E. A. Yuridicheskoe obrazovanie: statisticheskij analiz tendencij [Legal Education: Statistical Analysis of Trends]. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie - Modern Pedagogical Education. 2021, no. 6. pp. 88-95. (In Russ.).

8. Trofimov, E. V. Nagradnoe pravo [Reward Law]. Sankt-Peterburgskij institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2017, 327 p. (In Russ.).

9. Elesina I.G., Guz O.M. E`ksperimental`noe obosnovanie programmy` podgotovki narodny`x druzhinnikov v obrazovatel`ny`x organizacijax sistemy` MVD Rossii [Experimental Validation of a People's Vigilante Training Program in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii - Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, vol. 85, no. 1, pp. 195-199. (In Russ.). DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-195-199. EDN: QWPKCZ.

10. Shaposhnikov, V. L. O nekotory`x problemax uchastiya grazhdan v ohrane obshhestvennogo poryadka [On some issues of citizen participation in maintaining public order]. Problemy pravohranitel'noj deyatel'nosti- Problems of law enforcement. 2016, no. 3, pp. 20-24. (In Russ.). EDN: WMHJIV.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел. Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова. 680020, Хабаровск, переулок Казарменный, 15.

Новичкова Елена Евгеньевна, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Пестов Роман Аркадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kuznetsova Kristina Aleksandrovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies. Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov. 15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, 680020.

Novichkova Elena Evgenievna, Associate Professor of Department of Administrative Law and Administrative Activities, Department of Internal Affairs, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Pestov Roman Arkadievich, Candidate of Legal Sciences, **Associate** Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83 Eremenko St., Rostov-on-Don, 344015.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 93-102.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 93-102.

**5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
 (юридические науки)**

Научная статья

УДК: 347.9; 347.98

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВОГО ПРАВОСУДИЯ
 В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Малыхина Татьяна Анатольевна

Восточно-Сибирский филиал «Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева», Иркутск, Российская Федерация,
 malykhina_t@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся комплексного анализа современного состояния правового обеспечения цифрового правосудия в России. Также представлены ключевые проблемы, связанные с цифровизацией правосудия и научно обоснованные предложения по совершенствованию законодательства в сфере цифрового правосудия.

Материалы и методы. Нормативно-правовой основой исследования послужили Конституция Российской Федерации, Федеральный Конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный Конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», процессуальные кодексы (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ), Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Методологической основой исследования являются современные общенаучные и частнонаучные методы познания, такие как диалектический, анализ, синтез, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Эмпирической основой исследования стали материалы судебной практики, данные о работе порталов «Мой арбитр» и «Электронное правосудие», аналитические обзоры

Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также статистические данные, размещенные на официальном сайте МВД России и портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Результаты исследования. Автором исследованы конституционные и законодательные основы обеспечения цифрового правосудия, выявлены системные проблемы его правового регулирования, проанализированы риски внедрения цифровых технологий, сформулированы конкретные предложения по модернизации правовой базы в сфере цифрового правосудия.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволяет констатировать, что в Российской Федерации за исторически короткий срок совершен значительный скачок в области цифровизации правосудия, создана солидная и структурно сложная правовая база. Однако сформированная модель цифрового правосудия демонстрирует внутреннюю двойственность и системные противоречия. Ключевым итогом исследования является выявление фундаментального конфликта между технологическим императивом, ориентированным на эффективность и скорость, и императивом правовым, отстаивающим справедливость, равенство и защиту прав человека.

Ключевые слова: правосудие, цифровизация, цифровизация правосудия, цифровое правосудие, электронное правосудие, правовое регулирование, цифровой разрыв, искусственный интеллект в правосудии, доступ к правосудию

Для цитирования: Мальныхина, Т. А. Правовое обеспечение цифрового правосудия в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 93-102.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

LEGAL FRAMEWORK OF DIGITAL JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Tatyana A. Malykhina

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk, Russian Federation, malykhina_t@mail.ru

Introduction: the article provides a comprehensive analysis of the current legal framework for digital justice in the Russian Federation. It identifies key challenges arising from the digitalization of the judiciary and offers evidence-based recommendations for improving relevant legislation.

Materials and Methods: the legal framework of this study includes the Constitution of the Russian Federation, Federal Constitutional Law No. 1-FKZ "On the Judicial System of the Russian Federation," and Federal Constitutional Law No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation." The study also examines key legislative reforms, including Federal Laws No. 220-FZ, No. 440-FZ, and No. 451-FZ, which govern the use of electronic documents

and digital procedures in the judiciary. Additional sources include the procedural codes (APC, CPC, and CAS RF) and Federal Law No. 63-FZ "On Electronic Signature." The methodological basis comprises general and specialized scientific methods, such as dialectical analysis, synthesis, as well as formal-legal, comparative, and historical-legal approaches. The empirical data is drawn from judicial practice, the "My Arbitrator" and "Electronic Justice" portals, analytical reviews by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, and statistical reports from the Ministry of Internal Affairs and the Prosecutor General's Office.

The research methodology is based on modern general and specialized scientific methods of inquiry, including the dialectical method, analysis and synthesis, as well as the formal-legal, comparative-legal, and historical-legal approaches.

The empirical data for this study includes case law, operational data from the "My Arbitrator" and "Electronic Justice" (E-Justice) portals, and analytical reviews by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Furthermore, the study draws on statistical data from the official website of the Ministry of Internal Affairs and the legal statistics portal of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

The Results of the Study: the study examines the constitutional and legislative frameworks for digital justice, identifying systemic issues in its current legal regulation. The author analyzes the risks associated with the implementation of digital technologies and develops specific recommendations for modernizing the legal environment of the digital judiciary.

Findings and Conclusions: this study demonstrates that the Russian Federation has achieved a significant leap in the digitalization of justice within a historically brief period, establishing a robust and structurally complex legal framework. Nevertheless, the resulting model of digital justice reveals internal duality and systemic contradictions. The primary finding of this research is the identification of a fundamental conflict between the technological imperative, centered on efficiency and speed, and the legal imperative, which prioritizes justice, equality, and the protection of human rights.

Keywords: justice, digitalization, digitalization of justice, digital justice, e-justice, legal regulation, digital divide, artificial intelligence in justice, access to justice

For citation: Malykhina, T. A. Pravovoe obespechenie cifrovogo pravosudiya v Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy razvitiya [Legal framework of digital justice in the Russian Federation: problems and development prospects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 93-102. (In Russ.)

Уровень и динамика цифровизации судебной системы в нашей стране напрямую зависят от эффективности и своевременности ее правового обеспечения, выступая неким индикатором адаптации права к вызовам современности. Глобальная цифровая трансформация общества и экономики, усиленная пандемией COVID-19 как катализатором, обусловила необходимость масштабной адаптации правосудия к новым реалиям.

Система правового обеспечения цифрового правосудия включает в себя различные уровни регулирования – от конституционных принципов до подзаконных технических стандартов. Различаясь по объему и направленности, правовые нормы,

регулирующие цифровое правосудие, имеют свои специфические объекты и субъекты, а также связанные с ними риски.

Проблема исследования цифрового правосудия заключается главным образом в противоречии между динамичным развитием цифровых технологий и консервативностью правового регулирования судопроизводства, что ведет к появлению правовых пробелов, коллизий и новых видов рисков, таких как «цифровой разрыв» [1, с. 210] и нарушение принципа состязательности.

Говоря о развитии правового регулирования цифрового правосудия в России, следует отметить, что конституционные нормы выступают системообразующим фундаментом для цифровизации судебной системы. Ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующая судебную защиту прав и свобод, создает конституционную основу для развития любых упрощенных и технологически доступных способов обращения в суд, включая электронные формы правосудия. Принципы равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации), состязательности и равноправия сторон (ст. 123) задают содержательные «красные линии», которые не должны нарушаться при любой модернизации судебной системы. Эти конституционные положения образуют правовой каркас, основу цифрового правосудия, обеспечивая соответствие технологических новаций фундаментальным основам судопроизводства.

Эволюция национального законодательства в сфере цифрового правосудия прошла несколько содержательных этапов, каждый из которых характеризовался качественным изменением правового регулирования.

Зарождение электронного правосудия (2016 г.), начавшееся с принятия Федерального закона № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»¹, стало краеугольным камнем, создавшим базовые предпосылки для цифровой трансформации. Закон не только приравнял электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, к бумажному аналогу, но и закрепил процессуальные основы использования видеоконференц-связи. Важно, что арбитражный процесс изначально выступил «пилотной площадкой» для апробации цифровых новаций, что объясняется более высоким уровнем технологической готовности участников арбитражных споров.

На следующем этапе (2019–2021 гг.) институционализации цифровых процедур, включающем в себя принятие Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² и Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : Федер. закон № 220-ФЗ : принят Гос. Думой 7 июня 2016 г. : одобрен Советом Федерации 15 июня 2016 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/ (дата обращения: 25.11.2025).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 440-ФЗ : принят Гос. Думой 21 декабря 2021 г. : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2021 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт.. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405386/ (дата обращения: 25.11.2025).

в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ произошел переход к более «зрелой» стадии цифровизации. Ключевыми новеллами стали введение института «самостоятельного обжалования» [2, с. 185] судебных актов исключительно в электронной форме и законодательное закрепление возможности рассмотрения дел без вызова сторон. Именно на этом этапе начала формироваться модель «асинхронного правосудия», позволяющая участникам процесса взаимодействовать с судом и друг с другом в удобное время, а не исключительно в режиме реального времени⁴.

Для третьего этапа (современность) интеграции и интеллектуализации характерна активная интеграция судебных информационных систем с Единым порталом государственных услуг, развитие «суперсервисов» [3] и внедрение элементов автоматических систем для анализа судебной практики (система «Фемида»). Намечается переход от автоматизации отдельных процессуальных действий к созданию комплексной цифровой среды правосудия.

Инфраструктурной основой, созданной в результате реализации указанных законодательных решений, является ГАС «Правосудие» – масштабная государственная автоматизированная система, объединяющая информационные ресурсы всех судов страны. К пользовательским интерфейсам этой системы относятся специализированные порталы «Мой арбитр» (для арбитражных судов) и «Электронное правосудие» (для судов общей юрисдикции), которые обеспечивают интерактивное взаимодействие между участниками процесса и судебными органами.

Важно отметить, что развитие правовой модели цифрового правосудия в России демонстрирует прогрессивную динамику – от частичной автоматизации традиционных процедур к созданию принципиально новых цифровых процессуальных форм, что влечет необходимость постоянного совершенствования правового регулирования.

Несмотря на впечатляющее развитие, правовое обеспечение цифрового правосудия сталкивается с рядом системных проблем, среди которых в первую очередь можно выделить проблему так называемого «цифрового разрыва» (Digital Divide) [4, с. 32]. «Цифровой разрыв» – это не просто техническая или инфраструктурная проблема отсутствия интернета. В контексте правосудия это проблема комплексная, социально-правовая, порождающая системное неравенство между участниками судопроизводства, основанное на их возможностях доступа к цифровым технологиям, уровне цифровой грамотности и способности эффективно использовать цифровые сервисы. Она вступает в прямое противоречие с основными принципами правового государства.

Сущность «цифрового разрыва» в современном судопроизводстве проявляется на нескольких уровнях, создавая многослойный барьер на пути к правосудию.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 451-ФЗ : принят Гос. Думой 20 ноября 2018 г. : одобрен Советом Федерации 23 ноября 2018 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312093/ (дата обращения: 25.11.2025).

⁴ Климачева, К., Малаховский, А. Развитие российского правосудия: информатизация и технологизация // ПРАВО.RU : сайт. URL: <https://pravo.ru/story/223787/> (дата обращения: 25.11.2025).

Так, инфраструктурный (или территориальный) разрыв подразумевает неравенство в доступе к интернету. Высокоскоростной и стабильный интернет – это базовое условие для участия в электронном процессе, однако во многих удаленных и сельских районах России качество связи остается низким или отсутствует вовсе. Гражданин из такого региона физически не может подать иск в электронном виде, участвовать в онлайн-заседании через видео-конференц-связь (вследствие нестабильного интернет-соединения) или оперативно получать судебные извещения. Вместе с тем проблемой является отсутствие необходимой техники. Для работы с порталами и электронной подписью требуется компьютер или смартфон, а также соответствующее программное обеспечение. Для социально незащищенных слоев населения (малообеспеченных, пенсионеров) приобретение такой техники может быть непосильной финансовой нагрузкой.

Следующей проблемой в рассматриваемой сфере можно назвать «компетентностный разрыв» (проблема цифровой грамотности). Даже при наличии интернета и компьютера многие граждане, особенно старшего поколения, не обладают достаточными навыками для настройки программ, работы с электронной почтой, установки плагинов для браузера или использования картридеров для электронной подписи. Электронное правосудие – это не просто замена бумаги на экран, это новая процессуальная логика. Пользователь должен понимать, как правильно заполнить электронную форму иска, приложить файлы в требуемом формате, использовать личный кабинет, отслеживать движение дела и реагировать на уведомления. Отсутствие этих навыков приводит к техническим ошибкам, которые влекут процессуальные последствия: оставление заявления без движения, возврат документов, пропуск сроков и др.

Наряду с вышесказанным, стоит также выделить еще один проблемный аспект – так называемый «информационный и доверительный разрыв». Следует сказать, что многие граждане просто не осведомлены о существовании электронных сервисов или не понимают их преимуществ и правил использования. Вместе с тем существует психологический барьер, недоверие к цифровым системам. Люди боятся кибератак, утечки персональных данных, ошибок алгоритмов или того, что их электронное обращение «не дойдет» или будет проигнорировано, в отличие от бумажного заявления с отметкой о приеме.

Все вышесказанное позволяет констатировать, что развитие цифрового правосудия неизбежно влечет за собой определенные риски. Проблема «цифрового разрыва» напрямую угрожает фундаментальным конституционным и процессуальным принципам:

1. Нарушение принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации). «Де-факто» создание двух категорий граждан: «включенных» в процесс цифровизации (имеющие технический доступ, навыки и ресурсы и т. п.) и «не включенных» в общую цифровизацию (ввиду отсутствия возможностей по одной или нескольким причинам). Первые получают все преимущества цифровизации: скорость, экономию средств, удобство. Вторые сталкиваются с дополнительными барьерами, что делает для них доступ к правосудию

более сложным, дорогим и медленным, чем в доцифровую эпоху. Таким образом, принцип формального равенства нарушается фактическим неравенством возможностей.

2. Подрыв принципа доступности правосудия. Цифровизация, призванная сделать правосудие более доступным, может привести к обратному эффекту. Для уязвимых категорий граждан (пенсионеров, инвалидов, малоимущих, жителей села) переход на обязательные электронные процедуры (как, например, самостоятельное обжалование) создает непреодолимые препятствия. Вместо упрощения доступа происходит его усложнение и «приватизация» для технологически подготовленной элиты.

3. Угроза нарушения принципа состязательности и равноправия сторон (ст. 123 Конституции Российской Федерации). В судебном споре может возникнуть ситуация технологического дисбаланса. Например, одна сторона (крупная корпорация или государственный орган) имеет штат IT-специалистов, современное оборудование и отработанные процессы электронного взаимодействия с судом. Другая сторона (гражданин или малое предприятие) лишена этих ресурсов. Это неравенство в ресурсах напрямую влияет на способность стороны эффективно представлять свои интересы: своевременно подавать документы, участвовать в заседаниях, представлять электронные доказательства, что нарушает баланс процессуальных возможностей.

4. Риск процессуальных санкций. Лицо, не сумевшее правильно использовать электронный сервис (например, не подписавшее документ квалифицированной электронной подписью, приложившее файл в нечитаемом формате или пропустившее уведомление в личном кабинете), может быть подвергнуто стандартным процессуальным санкциям: оставление заявления без движения, возврат документов, рассмотрение дела в свое отсутствие. В данном случае эти санкции наступают не по вине лица, а из-за его объективной неспособности соответствовать новым технологическим требованиям.

Помимо всего прочего, существуют определенные пробелы в правовом регулировании. Действующее законодательство содержит критический пробел: в нем отсутствуют четкие и императивные нормы, гарантирующие альтернативный (нецифровой) доступ к правосудию для тех, кто не может использовать цифровые каналы по объективным причинам. Хотя процессуальные кодексы и содержат отсылки к традиционным формам, они не сформулированы как гарантия защиты от цифровой дискриминации. Нет четкого механизма, по которому гражданин может заявить о своей «цифровой исключенности» и требовать от суда обеспечения его прав через бумажный документооборот или личный прием без каких-либо негативных последствий.

Проблема «цифрового разрыва» является не побочным эффектом, а системным вызовом для модели цифрового правосудия. Она трансформирует технологическое неравенство в правовое, создавая реальную угрозу для конституционных основ судопроизводства. Преодоление этого разрыва требует не только технологических и инфраструктурных изменений, но и в первую очередь точной и детальной правовой

настройки, которая бы поставила технологии на службу принципам равенства и справедливости, а не наоборот.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что в Российской Федерации за относительно небольшой период времени был совершен значительный «скачок» в области цифровизации правосудия, создавший солидную и структурно сложную правовую базу. Вместе с тем были последовательно решены ключевые задачи: от легитимации электронного документа и дистанционного участия (этап 2016 г.) до формирования принципиально новых процессуальных институтов, таких как асинхронное взаимодействие и обязательное электронное обжалование (этап 2019–2021 гг.). Инфраструктурным воплощением этой политики стала масштабная государственная система ГАС «Правосудие», обеспечивающая техническую возможность для цифрового взаимодействия на всех стадиях судопроизводства.

Однако сформированная модель цифрового правосудия демонстрирует внутреннюю двойственность и системные противоречия. С одной стороны, она доказала свою высокую эффективность в арбитражном процессе, способствуя ускорению процедур, снижению издержек и повышению прозрачности для бизнеса. С другой стороны, выявленные проблемы свидетельствуют, что стремительная технологическая модернизация опередила адаптацию фундаментальных процессуальных и конституционных принципов, породив новые вызовы.

Ключевым итогом исследования является выявление фундаментального конфликта между технологическим императивом, ориентированным на эффективность и скорость, и императивом правовым, отстаивающим справедливость, равенство и защиту прав человека. Этот конфликт материализуется в конкретных системных проблемах. «Цифровой разрыв» трансформирует технологическое неравенство в правовое, ставя под угрозу конституционный принцип равенства всех перед законом и судом.

Процессуальные риски, связанные с электронными доказательствами, конфиденциальностью и технологическим дисбалансом сторон, подрывают основы состязательности и права на защиту.

В свою очередь правовой вакуум вокруг асинхронных процедур и искусственного интеллекта создает почву для правовой неопределенности, произвола и ошибок, не подпадающих под традиционные механизмы ответственности.

Таким образом, центральной задачей на современном этапе является не дальнейшее наращивание количества цифровых опций, а их качественная правовая «настройка» и подчинение фундаментальным принципам правосудия. Цифровизация должна быть не самоцелью, а инструментом для достижения главной цели – доступного, справедливого и эффективного правосудия.

На основе анализа основных аспектов исследуемой проблемы можно сформулировать научно обоснованные предложения по модернизации правовой базы, которые носят комплексный характер.

Во-первых, необходимо принять тактические меры, направленные на совершенствование текущего законодательства. Так, закрепление гарантий альтернативного доступа в процессуальные кодексы (ст. 4 АПК РФ, ст. 3 ГПК РФ,

ст. 4 КАС РФ) для обеспечения недискриминационного доступа к правосудию для граждан, не включенных в общую цифровизацию. Детализация процедуры исследования электронных доказательств путем внесения в кодексы специальных норм, устанавливающих критерии их допустимости, достоверности и порядок проверки с привлечением IT-экспертов.

Урегулирование статуса протоколов онлайн-заседаний и асинхронных процедур для исключения нарушений принципа состязательности и обеспечения права на своевременный ответ.

Во-вторых, нужны стратегические инициативы (создание новой нормативной базы). Разработка и принятие рамочного федерального закона «О применении цифровых технологий в деятельности судов в Российской Федерации». Такой закон должен быть призван дать легальные определения ключевым понятиям, установить границы и принципы использования искусственного интеллекта, прописать процедуры валидации его рекомендаций и распределить ответственность за возможные ошибки, а также закрепить общие гарантии кибербезопасности и защиты персональных данных в судебных информационных системах.

Вместе с тем важно создание специализированных институциональных механизмов, таких как Центр мониторинга и этики цифрового правосудия при Верховном Суде Российской Федерации, для оценки воздействия технологий на права граждан и выработки стандартов. Также необходима отраслевая сертификация программного обеспечения, используемого в судопроизводстве, для гарантии его надежности и соответствия правовым требованиям.

Резюмируя сказанное, можно говорить о том, что будущее цифрового правосудия в России зависит от способности законодателя найти сбалансированный подход. Технологии должны не заменять собой право и профессиональное судебское усмотрение, а усиливать их, оставаясь подчиненными цели обеспечения прав и свобод человека. Дальнейшее развитие должно идти по пути «человекоцентричной цифровизации», где каждый новый технологический инструмент проходит проверку на соответствие конституционным ценностям и принципам верховенства права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляцкая, Т. Н., Князькова, В. С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. 2019. № 10. С. 209–217.
2. Клепиков, Д. А. Промежуточное судебное решение: самостоятельное обжалование, обоснованность и процессуальная форма // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 185–191.
3. Петров, К. А. Легальное и доктринальное понятие «суперсервиса» как элемента цифровизации государственного управления // Актуальные исследования. 2024. № 10 (192). URL: <https://apni.ru/article/8680-legalnoe-i-doktrinalnoe-ponyatie-superservisa> (дата обращения: 26.11.2025).
4. Головенчик, Г. Цифровой разрыв: причины возникновения, последствия и пути преодоления // Наука и инновации. 2021. № 6 (220). С. 32–37.

REFERENCES

1. Belyatskaya T. N., Knyazkova V. S. Cifrovoy razryv v sovremennom informacionnom obshchestve [Digital Gap in the Modern Information Society]. Ekonomicheskaya nauka segodnya - Economic Science Today. 2019, no. 10, pp. 209-217. (In Russ.).
2. Klepikov D. A. Promezhutochnoe sudebnoe reshenie: samostoyatel'noe obzhalovanie, obosnovannost' i processual'naya forma [Intermediate Judicial Decision: Independent Appeal, Reasonableness, and Procedural Form]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual Problems of Russian Law. 2015, vol. 53, no. 4, pp. 185-191. (In Russ.).
3. Petrov K. A. Legal'noe i doktrinal'noe ponyatie «superservisa» kak elementa cifrovizacii gosudarstvennogo upravleniya [Legal and doctrinal concept of "super-service" as an element of digitalization of public administration]. Aktual'nye issledovaniya - Actual research. 2024, vol. 192, no. 10. URL: <https://apni.ru/article/8680-legalnoe-i-doktrinalnoe-ponyatie-superservisa> (date of access 26.11.2025). (In Russ.).
4. Golovenchik, G. Cifrovoy razryv: prichiny vozniknoveniya, posledstviya i puti preodoleniya [Digital Gap: Causes, Consequences, and Ways to Overcome It]. Nauka i innovacii – Science and Innovation. 2021, vol. 220, no. 6, pp. 32-37. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малыхина Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности. Восточно-Сибирский филиал «Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева». 664074, Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а.
ORCID: 0000-0002-2029-6924

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malykhina Tatiana Anatolyevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Judicial and Law Enforcement Activities. East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev. 23a.Ivan Franko St., Irkutsk, 664074.
ORCID: 0000-0002-2029-6924

Статья поступила в редакцию 04.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 22.01.2025.

The article was submitted 04.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 22.01.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 103-123.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 116, no. 1, pp. 103-123.

**5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
(юридические науки)**

Научная статья
УДК 342.5

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
СОВМЕСТИТЕЛЬСТВА НА СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**Огрохин Александр Николаевич¹, Ольшевский Андрей Витальевич²,
Школа Оксана Вадимовна³**

¹Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ovsjanka@inbox.ru

²Договорно-правовой департамент Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ols24@yandex.ru

³Служебно-правовое управление Договорно-правового департамента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ovsjanka@inbox.ru

Введение. В статье авторами рассмотрен институт совместительства как один из инструментов кадрового управления в органах внутренних дел, проанализированы возможности его использования и перспективы реформирования с учетом стоящих перед системой МВД России задач и в условиях постоянно увеличивающегося некомплекта. Актуальность темы обусловлена, во-первых, необходимостью применения различных инструментов, позволяющих руководству подразделений правоохранительных органов незамедлительно реагировать на изменение оперативной обстановки, а во-вторых, необходимостью выявления возможных направлений решения кадровых трудностей и повышения эффективности использования кадрового потенциала в условиях высокого некомплекта личного состава.

Материалы и методы. Исследование базируется на положениях трудового законодательства, законодательства о службе, связанной с правоохранительной деятельностью, и военной службе, ведомственных нормативных актов МВД России и других федеральных органов исполнительной власти. Используются методы правового анализа, сравнительного правоведения, системно-структурного и формально-юридического подходов, а также такие научные приемы и средства, как обобщение правоприменительной практики и научной литературы по рассматриваемому вопросу.

Результаты исследования. Авторами выявлены особенности развития и современного нормативного регулирования института совместительства, в том числе рассмотрены ключевые аспекты эволюции данного служебного института, основания установления и правовые подходы к регулированию условий труда, проанализированы общие и отличительные признаки совместительства и совмещения, раскрыты

особенности их правового регулирования в служебной деятельности в различные периоды времени. Отдельное внимание уделено острым вопросам правоприменения, в частности такой особенности, как ограничение применения рассматриваемого инструмента, позволяющего решить вопрос с отсутствием кадров и на какой-то период компенсировать имеющийся некомплект работников (сотрудников). Подчеркнута необходимость комплексного применения различных кадровых инструментов с учетом интенсивности и кадровых потребностей службы.

Выводы и заключения. Проведенный анализ правовой природы совмещения на службе и совместительства, а также практики использования рассматриваемых механизмов в повседневной деятельности органов внутренних дел позволил сформулировать конкретные предложения по расширению возможностей исследуемого института. Подчеркнута важность расширения возможностей осуществления сотрудниками работы по совместительству и выявлена необходимость проработки, уточнения и конкретизации отдельных вопросов организации этой работы в целях соблюдения баланса интересов службы и интересов сотрудников. С учетом выявленных острых аспектов правоприменения авторами были отмечены иные механизмы для предотвращения значительного оттока кадров в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: совмещение, совместительство, режим служебного времени, работа в условиях, отклоняющихся от нормальных, кадровый потенциал, некомплект личного состава

Для цитирования: Огрохин, А. Н., Ольшевский, А. В., Школа, О. В. Возможности использования и реформирования института совместительства на службе в органах внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 103-123.

5.1.2. Public Law (State Law) Sciences (Legal Sciences)

Original article

REFORMING SECONDARY EMPLOYMENT IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Alexander N. Ogrokhin¹, Andrei V. Olshevskiy², Oksana V. Shkola³

¹Department of Legal Support for Law Enforcement Agencies State Legal Department of the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ovsjanka@inbox.ru

²Legal Department of the National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ols24@yandex.ru

³Civil Legal Unit of the Legal Department of the National Guard Troops Federal Service of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ovsjanka@inbox.ru

Introduction. The authors examine the institution of secondary employment as a strategic personnel management tool within the internal affairs bodies. The article analyzes the potential for its application and prospects for reform, considering the current objectives of the Russian Ministry of Internal Affairs amid an ever-increasing personnel shortage. The relevance of this study is twofold: first, the need for flexible instruments that allow law enforcement leadership to respond immediately to changing operational environments; and

second, the necessity of identifying solutions to staffing challenges and enhancing the utilization of human resources in conditions of severe understaffing.

Materials and Methods. The research draws upon provisions of labour legislation, laws governing civil and military service, and ministerial regulations issued by the Ministry of Internal Affairs of Russia and other federal executive bodies. The methodological toolkit includes legal analysis, comparative-law, systems-structural and formal-legal approaches, supplemented by a synthesis of law-enforcement practice and scholarly literature on the subject.

The Results of the Study. The authors have identified the evolutionary features and modern regulatory framework of secondary employment (part-time work) within the civil service. Key aspects examined include the historical development of this institution, legal grounds for its establishment, and regulatory approaches to working conditions. The study analyzes the similarities and differences between secondary employment (совместительство) and additional internal assignment (совмещение), detailing their legal regulation across different time periods. Particular focus is placed on critical enforcement issues, specifically the restrictions on using these tools to mitigate personnel shortages and temporarily compensate for understaffing. The article emphasizes the need for an integrated application of various HR instruments, tailored to the intensity and staffing requirements of the service.

Findings and Conclusions. The analysis of the legal nature of dual duties and secondary employment, along with their practical application within the daily operations of the Ministry of Internal Affairs, has enabled the formulation of specific proposals to expand the scope of these legal instruments. The study emphasizes the importance of increasing opportunities for employees to engage in secondary employment and identifies the need for further clarification and detailed regulation of such activities to maintain a proper balance between the interests of the service and those of the personnel. Given the identified critical aspects of enforcement, the authors also highlight alternative mechanisms aimed at preventing significant staff turnover in the long term.

Keywords: combining work, secondary employment, working hours, working under abnormal conditions, personnel shortage potential, shortage of personnel

For citation: Ogrokhin, A. N., Olshevskiy, A. V., Shkola, O. V. *Vozmozhnosti ispol'zovaniya i reformirovaniya instituta sovmestitel'stva na sluzhbe v organah vnutrennih del* [Reforming Secondary Employment in the Internal Affairs Bodies: Opportunities and Challenges]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 103-123. (In Russ.)

Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность государства по защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности¹.

Соблюдение названных конституционных гарантий осуществляется государством в том числе через управление федеральными государственными органами, осуществляющими правоохранительные функции [1, с. 49], прежде всего через органы внутренних дел Российской Федерации [2, с. 35].

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 15.09.2025).

Выполнение ведомством названной правоохранительной функции влечет повышенные требования к сотрудникам и порождает интенсивность их профессиональной служебной деятельности.

В условиях влияния внешних факторов и зачастую непредсказуемости совершающихся правонарушений, а тем более преступлений, происходящих внезапно, существует необходимость применения различных инструментов, позволяющих руководству подразделений правоохранительных органов незамедлительно реагировать на изменение оперативной обстановки [3, с. 104].

К таким инструментам относятся в том числе инструменты, связанные с изменением режима служебного времени и времени отдыха, а также нагрузки сотрудников – отзыв сотрудников из отпуска, привлечение их к сверхурочной работе, в ночное время, выходные и праздничные дни, установление ненормированного служебного дня)².

Помимо указанных, имеются и иные инструменты управления, например совмещение и совместительство.

В представленной статье авторам хотелось бы остановиться именно на нем, так как институт совместительства не только позволяет дополнительно привлекать сотрудников к исполнению обязанностей, но и своевременно предоставлять им в связи с этим достойные компенсации.

В настоящей статье будет проанализирована возможность использования совместительства, а также перспективы его реформирования.

Отмечается, что научное определение совместительства было сформулировано достаточно давно. Так, в 1966 году при рассмотрении видов трудового договора совместительство уже было выделено как отдельный самостоятельный вид [4, с. 42], под которым понималось одновременное занятие, кроме основной, еще и другой оплачиваемой должности как по месту работы, так и в другой организации, а также «выполнение, кроме основной, другой регулярной работы» [5, с. 121].

Фактически предлагалось включать в институт совместительства два блока: совмещение обязанностей и собственно совместительство.

Основы правового регулирования рассматриваемых механизмов всегда содержались в трудовом законодательстве, но подходы к ним на различных этапах развития трудовых отношений менялись.

С одной стороны, в советский период существовала позиция о том, что народное хозяйство страны обеспечено квалифицированными кадрами в достаточной мере и не нуждается в совместительстве [6, с. 142].

В принятом в 1959 году постановлении Совета Министров СССР «Об ограничении совместительства по службе»³ отмечалось, что во многих министерствах, ведомствах, учреждениях, предприятиях и организациях приняло большие размеры совместительство по службе, наносящее серьезный ущерб делу. Особенно массовое распространение совместительство получило в научных

² Структура и содержание закона о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Домодедово : ВИПК МВД России, 2024. 172 с.

³ Об ограничении совместительства по службе : постановление Совета Министров СССР от 10 декабря 1959 г. № 1367 : утратило силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7401#JRqkS9V775kkzOY> В (дата обращения: 15.09.2025).

учреждениях и учебных заведениях, что мешало плодотворной деятельности ученых, сдерживало приток новых сил, рост и выдвижение молодых кадров, отрицательно сказывалось на дальнейшем развитии науки и улучшении деятельности учебных заведений. Также названным актом необходимость совместительства обосновывалась ранее существовавшим острым недостатком в специалистах, а наличие многочисленных квалифицированных кадров объясняло отсутствие объективных причин для широкого совместительства.

С другой стороны, совместительство воспринималось как возможность дополнительного заработка и удовлетворения потребностей работника, а также как возможность удовлетворения потребностей предприятия в обеспечении квалифицированными кадрами [7, с. 67] и ликвидации дефицита кадров [8, с. 79].

Впоследствии наблюдается возвращение к практике применения совместительства. Так, постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 20 января 1986 г. № 15/2-62⁴ руководителям предприятий и организаций по согласованию с профсоюзным комитетом разрешалось привлекать рабочих, инженерно-технических работников и служащих, успешно выполняющих свои обязанности, нормы и сменные задания по основной работе, с их согласия – к работе по рационализации рабочих мест на том же предприятии (организации) на условиях совместительства (за пределами рабочего дня по основной работе). Названным актом было закреплено, что продолжительность работы по совместительству не может превышать четырех часов в течение рабочего дня (смены) и полной смены в дни, свободные от основной работы. Общая продолжительность работы по совместительству не должна превышать половины месячной нормы рабочего времени (п. 2).

Одновременно ст. 25 утвержденного в 1971 году Кодекса законов о труде Российской Федерации (далее – КЗОТ РСФСР)⁵, были установлены другие возможности осуществления работниками помимо основной еще и дополнительной работы, поскольку в связи с изменениями в организации производства и труда допускалось изменение существенных условий труда при продолжении работы по той же специальности, квалификации или должности.

КЗОТ РСФСР при изменении в организации производства и труда допускалось выполнение работ в условиях труда, отклоняющихся от нормальных (при выполнении работ различной квалификации, при совмещении профессий, при работе в сверхурочное время, в ночное время, в праздничные дни и других), с соответствующими доплатами (ст. ст. 85–87), а также изменение систем и размеров оплаты труда, льгот, режима работы, установление или отмена неполного рабочего времени, изменение разрядов и наименования должностей (ст. 25).

Кроме того, в целях создания рабочим и служащим условий для дополнительного участия в общественном производстве в 1988 году постановлением

⁴ Об утверждении Положения о порядке работы по совместительству при рационализации рабочих мест : постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 20 января 1986 г. № 15/2-62 : утратило силу // Меганорм : сайт. URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/26/prikaz_mintruda_rossii_ot_03_12_2020_N_850_red_ot_2_8_12_2020/0/postanovlenie_goskomtruda_rossii_sekretariata_vtssps_ot_20_01.html (дата обращения: 15.09.2025).

⁵ Кодекс законов о труде Российской Федерации : КЗОТ : утвержден ВС РСФСР от 9 декабря 1971 г. : утратил силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1035/ (дата обращения: 15.09.2025).

Совета Министров СССР «О работе по совместительству»⁶ им была разрешена работа по совместительству на том же или другом предприятии (в объединении), в учреждении, организации. При этом совместительство допускалось только на одном предприятии (в объединении), в учреждении и организации и в свободное от основной работы время (п. 1), а также было ограничено по времени (в течение месяца не более половины месячной нормы рабочего времени; п. 2).

В целях реализации указанных предписаний межведомственным нормативным правовым актом Госкомтруда СССР, Минюста СССР и ВЦСПС⁷ утверждено Положение об условиях работы по совместительству, которое закрепило определение совместительства и его условия⁸.

Таким образом, совокупность указанных нормативных правовых актов СССР заложила основы правового регулирования института совместительства. При этом в правовом регулировании наблюдается преемственность нормативных предписаний, что свидетельствует о стабильности института совместительства [4, с. 42].

В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ)⁹, вступившим в силу с 1 февраля 2002 г., положения о совмещении и совместительстве интегрированы уже более комплексно.

Так, ст. 149 ТК РФ выполнение работ различной квалификации, совмещение профессий (должностей) наряду со сверхурочной работой, работой в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни отнесены к категории работ в условиях, отклоняющихся от нормальных, установлены условия выполнения названных работ, а также закреплены положения о работе по совместительству. В целях реализации указанных норм постановлением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2003 г. № 197¹⁰ и постановлением Минтруда России от 30 июня 2003 г. № 41¹¹ регламентированы отдельные аспекты работы по совместительству.

⁶ О работе по совместительству : постановление Совета Министров СССР от 22 сентября 1988 г. № 1111 : утратило силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3242/ (дата обращения: 15.09.2025).

⁷ Об утверждении Положения об условиях работы по совместительству : постановление Госкомтруда СССР, Минюста СССР и ВЦСПС от 9 марта 1989 г. № 81/604-К-3/6-84 : утратило силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1321/afc9dbd42dc9de95a4b1100a866c97f723000221/ (дата обращения: 15.09.2025).

⁸ Совместительство есть выполнение работником помимо своей основной другой регулярной оплачиваемой работы на условиях трудового договора в свободное от основной работы время.

⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации : ТК : принят Гос. Думой 21 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.09.2025).

¹⁰ Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры : постановление Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2003 г. № 197 // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12130497/> (дата обращения: 15.09.2025).

¹¹ Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры : постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 30 июня 2003 г. № 41 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43729/ (дата обращения: 15.09.2025).

Говоря в целом об институте совместительства, необходимо отдельно подчеркнуть его важность для органов внутренних дел.

Рассматривая данный вопрос, с учетом обозначенных теоретических и практических подходов отметим, что привлечение работников к работе по совместительству или к выполнению работы по другой профессии (должности) удобно как работнику, поскольку он может выполнять работу за дополнительную оплату, так и работодателю (руководителю, начальнику), поскольку является удобным инструментом, позволяющим решить вопрос с отсутствием кадров и на какой-то период компенсировать имеющийся некомплект работников (сотрудников).

В этой связи закономерно, что применение названного инструмента было нормативно закреплено и в законодательстве о службе в органах внутренних дел.

Актуальность применения рассматриваемого инструмента кадровой политики, к сожалению, все более возрастает ввиду уже обозначенного увеличения некомплекта личного состава органов внутренних дел при том, что объем задач и функций правоохранительной деятельности не уменьшается.

Это еще раз подчеркивает обоснованность и необходимость проведения анализа правового регулирования совмещения и совместительства на службе в органах внутренних дел в целях выявления возможных направлений решения кадровых трудностей и повышения эффективности использования кадрового потенциала.

В научной литературе отмечается практика установления в отношении конкретных работников специального правового регулирования их труда, а также достижение целей трудового права через дифференциацию регулирования труда [9, с. 90]. Такая дифференциация призвана путем использования различных механизмов (через установление различий, исключений, предпочтений, ограничений) [10, с. 288–289] учесть субъективные и объективные особенности труда различных категорий работников в отдельных отраслях хозяйства, а также иные особенности, которым законодатель придает особое значение [11, с. 12]. Такого рода различия в характере и условиях труда отдельных категорий работников настолько специфичны, что они закономерно порождают необходимость установления специальных норм, отражающих эту специфику [12, с. 86].

В связи с тем, что профессиональная служебная деятельность сотрудников осуществляется в публичных интересах, а лица, которые проходят службу в органах внутренних дел, выполняют конституционно значимые функции¹², правовое регулирование рассматриваемых инструментов в отношении сотрудников осуществляется законодательством о службе в органах внутренних дел ввиду их специального правового статуса [3, с. 104].

Как было сказано, законодательством о службе предусмотрены различные инструменты кадрового обеспечения задач служебной деятельности полиции и реагирования на изменения оперативной обстановки. К таким инструментам можно отнести как разовые (эпизодические — привлечение сотрудников к работе за пределами установленной продолжительности служебного времени, установление им

¹² По делу о проверке конституционности части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В. А. Чистякова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2020 г. № 4-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343806/ (дата обращения: 15.09.2025).

ненормированного служебного дня), так и плановые (временное возложение обязанностей по вакантной должности или должности временно отсутствующего сотрудника, совмещение и совместительство).

При этом названные инструменты должны применяться комплексно, поскольку интенсивность службы в органах внутренних дел (и зачастую переработки сотрудников более 700 часов в год при допустимом количестве денежной компенсации только 120 часов) не позволяет в полном объеме удовлетворить кадровые потребности службы в случае использования только одного из указанных кадровых инструментов.

Указанная тенденция характерна и для рынка труда в целом, о чем свидетельствует подготовка Минэкономразвития России проекта федерального закона, вносящего изменения в ТК РФ с целью увеличения гибкости рынка труда на фоне дефицита кадров, в том числе путем увеличения лимитов по сверхурочному труду в два раза (до четырех часов в день и 240 часов в год), введением нормы по оплате всех сверхурочных часов сверх планки в 120 часов в двойном размере¹³.

При этом в рамках рассматриваемого в настоящей статье института совместительства отметим, что, если Положение о службе в органах внутренних дел, утвержденное Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-I (документ не применяется в отношении сотрудников органов внутренних дел в связи с принятием Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ) (далее – Положение о службе в органах внутренних дел)¹⁴, не содержало предписаний о совмещении обязанностей на службе в органах внутренних дел и только частично регламентировало вопросы совместительства (ст. 10), то в Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе)¹⁵ уже включена норма как о совмещении обязанностей на службе в органах внутренних дел, так и о совместительстве (ст. 34).

Отдельные положения об основах правового регулирования рассматриваемых инструментов представлены в виде табл. 1.

¹³ В Кремле не поддержали новые правила сверхурочной работы // rbc.ru : сайт. URL: https://www.rbc.ru/economics/11/02/2025/67a9c78a9a79474b61df8ef5?utm_source=amp_full-link (дата обращения: 15.09.2025)

¹⁴ Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-I : документ не применяется в отношении сотрудников органов внутренних дел в связи с принятием Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_956/927efaee9ff0729054b680d9b5cebfe05206fa93/ (дата обращения: 15.09.2025).

¹⁵ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 342-ФЗ : принят Гос. Думой 17 ноября 2011 г. : одобрен Советом Федерации 25 ноября 2011 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 15.09.2025).

Таблица 1

Совмещение обязанностей и совместительство на службе
в органах внутренних дел

	Совмещение		Совместительство	
	НПА	Норма	НПА	Норма
Определение	Ст. 60 ² ТК РФ	Выполнение в течение установленной продолжительности рабочего дня (смены) наряду с работой, определенной трудовым договором, дополнительной работы по другой или такой же профессии (должности) за дополнительную оплату	Ст. 60 ¹ ТК РФ	Выполнение в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у того же работодателя (внутреннее совместительство) и (или) у другого работодателя (внешнее совместительство)
Регулирование в ОВД	Части 1 и 2 ст. 34 Закона о службе	<p>1. С согласия руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя сотрудник органов внутренних дел наряду с выполнением обязанностей по замещаемой должности в органах внутренних дел имеет право выполнять обязанности по иной должности в органах внутренних дел (совмещать обязанности).</p> <p>2. Совмещение обязанностей на службе в органах внутренних дел допускается при условии, что это не влечет за собой ухудшение выполнения сотрудником органов внутренних дел обязанностей по замещаемой должности в органах внутренних дел и не приводит к возникновению конфликта интересов.</p>	Ч. 4 Закона о службе	Работа сотрудников органов внутренних дел по совместительству не допускается, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, а также участия в спортивных мероприятиях в качестве спортсменов (при условии их включения в списки кандидатов в спортивные сборные команды Российской Федерации), которые не приводят к возникновению конфликта интересов и не влекут за собой ухудшение выполнения сотрудником обязанностей по замещаемой должности в органах внутренних дел. При этом педагогическая, научная и иная творческая деятельность, а также участие в спортивных мероприятиях не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации. Об осуществлении такой деятельности (такого участия) сотрудник обязан уведомить непосредственного руководителя (начальника).

Регламентация	Часть 3 статьи 34 Закона о службе	Порядок и условия совмещения обязанностей на службе в органах внутренних дел устанавливаются Правительством Российской Федерации	Специальным законодательством не определено	ТК РФ
Порядок оформления	п.п. 7–9 Положения о совмещении обязанностей на службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2012 г. № 621	<p>7. Совмещение обязанностей может осуществляться по инициативе сотрудника или руководителя (начальника), имеющего право назначения на должность, с согласия сотрудника, выраженного в письменной форме.</p> <p>8. Совмещение обязанностей оформляется приказом руководителя (начальника), имеющего право назначения на должность.</p> <p>9. В приказе о совмещении обязанностей указываются объем и содержание обязанностей, возлагаемых на сотрудника по совмещаемой должности, срок (период), на который устанавливается совмещение обязанностей, а также размер дополнительной выплаты за совмещение обязанностей.</p>	Ст. 282 ТК РФ	На условиях трудового договора

По результатам анализа представленных в таблице данных можно сделать вывод об особенностях совмещения и совместительства сотрудниками органов внутренних дел по сравнению с работниками, осуществляющими трудовую деятельность.

Порядок и условия совмещения обязанностей на службе в органах внутренних дел установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2012 г. № 621 «Об утверждении Положения о совмещении обязанностей на службе в органах внутренних дел Российской Федерации»¹⁶ и отражены на рис. 1 и 2.

¹⁶ Об утверждении Положения о совмещении обязанностей на службе в органах внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2012 г. № 621 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131741/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 15.09.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

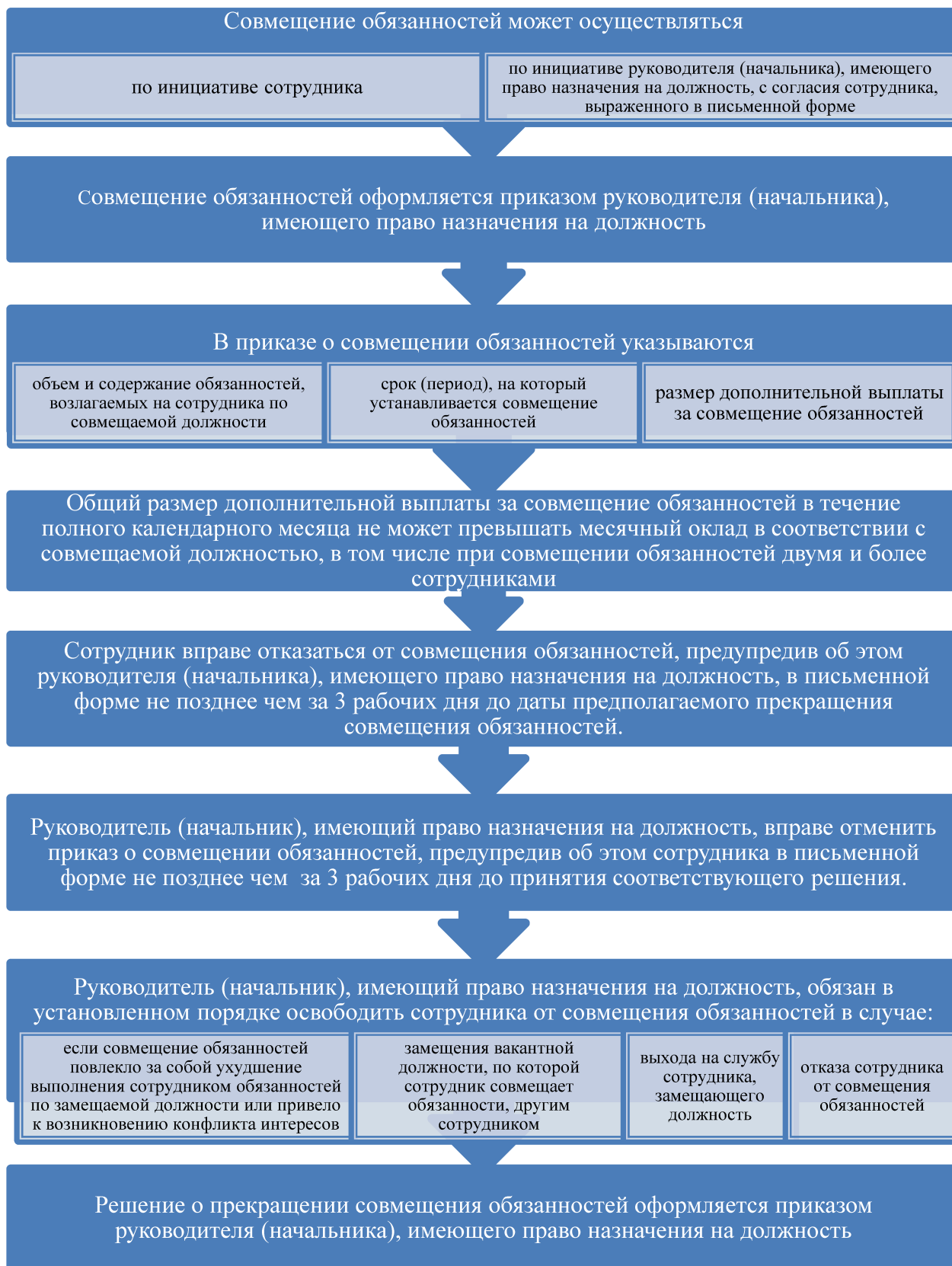

Рис. 1. Порядок совмещения обязанностей на службе в органах внутренних дел

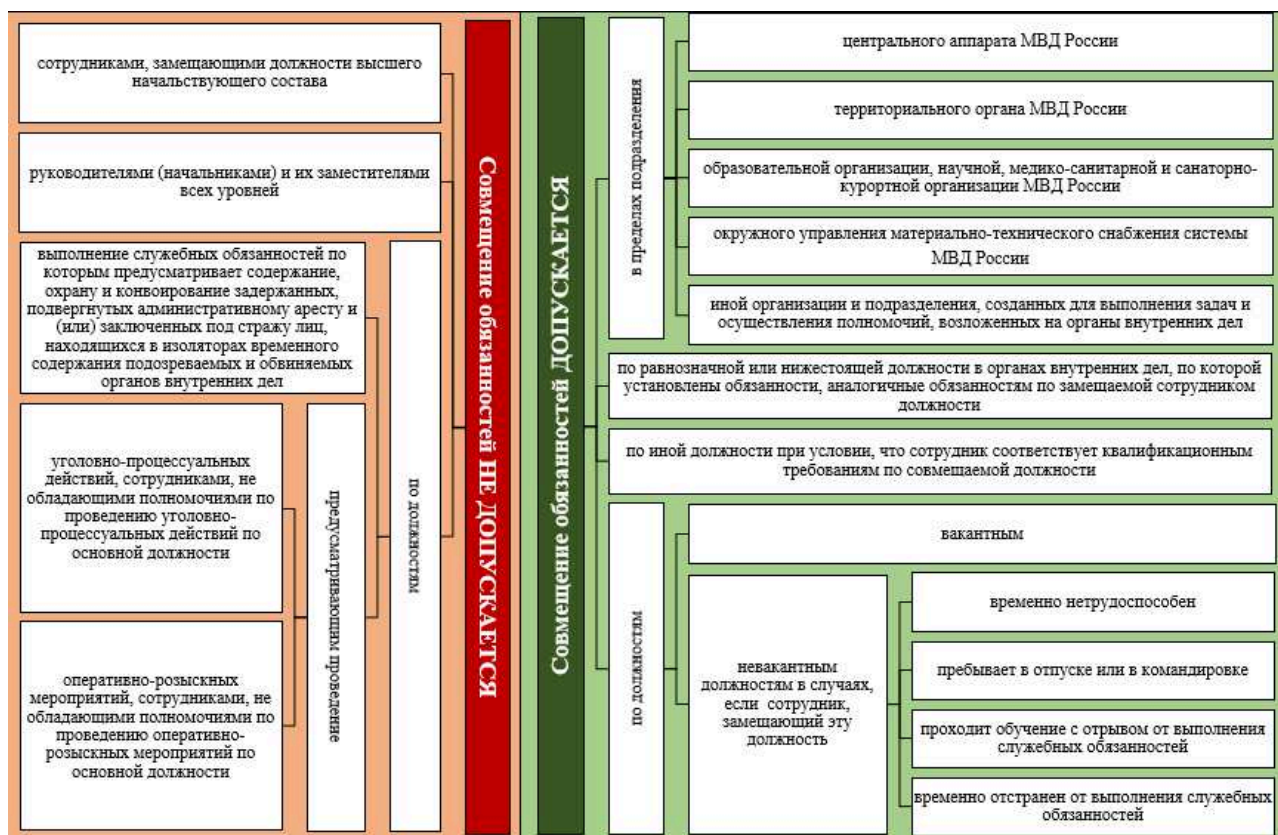

Рис. 2. Условия совмещения обязанностей на службе в органах внутренних дел

Уточняя, что совмещение является выполнением в течение установленной продолжительности рабочего дня наряду с основной дополнительной работой по другой или такой же профессии (должности) за дополнительную оплату, а совместительство направлено на выполнение в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у того же или другого работодателя, отметим, что совмещение обязанностей может осуществляться по инициативе сотрудника или руководителя (начальника), имеющего право назначения на должность, с согласия сотрудника, тогда как в настоящее время работа сотрудников органов внутренних дел по совместительству не допускается, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, а также участия в спортивных мероприятиях¹⁷.

Интересно, что в федеральных органах исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, существуют еще более жесткие ограничения по дополнительной работе проходящих в них военную службу лиц. Так, в соответствии

¹⁷ Горбунова, Т. С., Заяев, Е. Д., Золотова, Е. В., Кулик, О. В. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). М. : Проспект. 2021. 672 с.

с абзацем вторым п. 7 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»¹⁸ военнослужащие не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, а также участия в спортивных мероприятиях в качестве спортсменов.

Следует также подчеркнуть, что до проведения в 2011 году реформы органов внутренних дел и принятия Закона о службе [13, с. 110], а также закрепления впоследствии аналогичного правового регулирования в иных законодательных актах, определяющих порядок прохождения службы в иных органах «силового» блока (ФСИН России, органах принудительного исполнения) [14, с. 334], сотрудники были менее ограничены в возможностях работы по совместительству.

Так, ст. 10 Положения о службе в органах внутренних дел и ст. 20 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I (далее – Закон о милиции)¹⁹ был установлен запрет на занятие предпринимательской деятельностью, а также работу по совместительству только на предприятиях, в учреждениях и организациях, независимо от форм собственности, не входящих в систему МВД России, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

Данная норма содержит существенные отличия от действующего правового регулирования (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика правового регулирования совместительства на службе в органах внутренних дел

Ранее действовавшие нормы (милиция)	Действующие нормы (полиция)
<p>Положение о службе в органах внутренних дел (ст. 10)</p> <p>Порядок и условия работы по совместительству в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации определяются Правительством Российской Федерации.</p> <p>Сотруднику органов внутренних дел запрещается заниматься предпринимательской деятельностью, а также работать по совместительству на предприятиях, в учреждениях и организациях, независимо от форм собственности,</p>	<p>Закон о службе (ст. 34)</p> <p>Работа сотрудников органов внутренних дел по совместительству не допускается, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, а также участия в спортивных мероприятиях в качестве спортсменов (при условии их включения в списки кандидатов в спортивные сборные команды Российской Федерации), которые не</p>

¹⁸ О статусе военнослужащих : Федер. закон № 76-ФЗ : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/ (дата обращения: 15.09.2025).

¹⁹ О милиции : Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I : утратил силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/ (дата обращения: 15.09.2025).

<p>не входящих в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности. При этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации. Сотрудник органов внутренних дел не вправе входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации.</p>	<p>приводят к возникновению конфликта интересов и не влекут за собой ухудшение выполнения сотрудником обязанностей по замещаемой должности в органах внутренних дел. При этом педагогическая, научная и иная творческая деятельность, а также участие в спортивных мероприятиях не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации. Об осуществлении такой деятельности (такого участия) сотрудник обязан уведомить непосредственного руководителя (начальника).</p>
<p style="text-align: center;">Закон о милиции (ст. 20)</p> <p>Сотрудникам милиции запрещается заниматься любыми видами предпринимательской деятельности, работать по совместительству в организациях, но данный запрет не распространяется на преподавательскую, научную и иную творческую деятельность. При этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации</p> <p>Работа сотрудников милиции по совместительству в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации осуществляется в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.</p>	<p style="text-align: center;">Законом о полиции²⁰ работа сотрудников по совместительству не регламентирована</p>

²⁰ О полиции : Федер. закон № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 января 2011 года : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 15.09.2025).

<p>Порядок и условия работы по совместительству в системе МВД России были определены постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 июля 1993 г. № 720 (утратило силу)²¹, которым устанавливалось, что:</p> <p>служба (работа) сотрудников органов внутренних дел по совместительству в системе МВД России разрешалась на вакантных должностях рядового и начальствующего состава и на вакантных должностях работников в свободное от основной службы (работы) время;</p> <p>совместительство допускалось в любом органе внутренних дел, подразделении, предприятии, учреждении и организации системы МВД России, в том числе и <u>по месту основной службы (работы) сотрудника органов внутренних дел.</u></p>	<p>Подзаконное правовое регулирование отсутствует</p>
--	---

Проведенное авторами сравнение ранее действовавших и современных правовых норм показывает, что в настоящее время исключена возможность работы сотрудников по совместительству на должностях в органах, организациях, подразделениях МВД России, за исключением преподавательской, научной, творческой деятельности и участия в спортивных соревнованиях.

Указанное изменение при проведении реформы 2011–2012 годов было связано прежде всего с существенным увеличением денежного довольствия сотрудников с 1 января 2012 года и ориентировано на исключение условий для отвлечения сотрудников от выполнения задач профессиональной служебной деятельности²² по основным должностям, при этом как совмещение, так и совместительство требуют резерва в рабочем времени по основной должности [15, с. 192].

Вместе с тем индексирование установленного с 2012 года денежного довольствия проводилось не столь широкими темпами, более того, с учетом уровня инфляции существенно подорожала стоимость различных услуг (например, по проезду в общественном городском и пригородном транспорте, междугороднем и международном транспорте), которые ранее сотрудникам предоставлялись бесплатно.

Установленная в 2022 году постановлением Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2022 г. № 1701 «Об установлении дополнительных мер социальной поддержки сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной

²¹ О порядке и условиях службы (работы) по совместительству в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 июля 1993 г. № 720 : утратило силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5326/ (дата обращения: 15.09.2025).

²² Структура и содержание закона о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Домодедово : ВИПК МВД России, 2024. 172 с.

власти»²³ ежемесячная надбавка в процентах от денежного довольствия была повышена только единожды – с 1 октября 2023 года (размер указанной выплаты составляет 10 % от размера денежного довольствия сотрудника, и последующего ее увеличения не осуществлялось). При этом полагаем, что реально ощутимый размер повышения указанной выплаты, достаточный для удовлетворения потребностей сотрудников (создания конкурентного уровня денежного довольствия) является, по мнению авторов, не менее 35–50 %, то есть увеличение размера денежного довольствия не менее чем на 40 %.

Более того, несмотря на то, что в 2023 году оклады денежного содержания военнослужащих и сотрудников были повышены на 10,5 % (постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 2023 г. № 1046), в 2024 году действие ч. 5 ст. 2 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было приостановлено и индексация окладов не проводилась (Федеральный закон от 30 сентября 2024 г. № 336-ФЗ), а в 2025 году увеличение составило 7,6 % (постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2025 г. № 1390).

В совокупности с невысокими размерами окладов по отдельным должностям (например, с учетом проведенной в 2025 году индексации на 7,6 % оклад по должности инспектора-кинолога, дежурного изолятора временного содержания подозреваемых и обвиняемых, оперативного дежурного, как и дознавателя в указанном подразделении не превышает 24 000 рублей, а по должности сапера в строевых подразделениях полиции – 21 500 рублей²⁴) указанные факторы не могли не сказаться на уровне укомплектованности органов, организаций, подразделений МВД России, особенно в промышленно развитых регионах, где имеется значительное количество рабочих мест.

Так, общее количество вакантных должностей в МВД России за год увеличилось более чем на 33 тыс. и превысило 172 тыс., при этом «в среднем по России за последние пять лет количество выставляемых ежедневно нарядов сократилось на четверть, практически полностью обновился состав участковых уполномоченных за шесть лет. Только за минувший год уволился каждый второй опытный сотрудник с выслугой в этом подразделении от десяти лет и более. А специфика данного направления подразумевает доскональные знания вверенной территории». При этом некомплект аттестованного состава в уголовном розыске составляет 23,9 %, в патрульно-постовой службе – 31,4 %, в подразделениях по контролю за оборотом наркотиков – 24,7 %, в

²³ Об установлении дополнительных мер социальной поддержки сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти : постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2022 г. № 1701 // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/405362613/> (дата обращения: 15.09.2025).

²⁴ За исключением должностей в г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Московская область; Об установлении размеров месячных окладов в соответствии с замещаемой должностью по нетиповым должностям сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 16 июня 2025 г. № 373 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507180010?pageSize=100&index=1> (дата обращения: 15.09.2025).

органах предварительного следствия – 22,7 %²⁵, а некомплект в некоторых подразделениях ряда регионов достигает 40 %²⁶.

Комплексная проблема некомплекта в системе МВД России оставляет необеспеченными кадровыми ресурсами отдельные направления деятельности органов, организаций, подразделений ведомства. Указанная ситуация может оказать негативное влияние на уровень безопасности государства и регионов.

При этом полагаем, что до решения вопроса с комплектованием, в том числе с установлением необходимого уровня денежного довольствия сотрудникам органов внутренних дел, замещение вакантных должностей и временное удовлетворение потребностей кадрового обеспечения, особенно в критических направлениях служебной деятельности, возможно осуществлять в том числе путем применения инструментов совмещения и совместительства.

В этой связи закономерно и ожидаемо внесение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона № 876710-8 «О внесении изменений в статью 34 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», разработанного в целях установления правового механизма работы (службы) сотрудников органов внутренних дел, войск национальной гвардии, государственной фельдъегерской службы по совместительству в свободное от исполнения обязанностей по основной должности время.

Пояснительная записка к названному законопроекту подтверждает позицию авторов об остром вопросе оттока кадров и некомплекта личного состава (в первую очередь должностей рядового и младшего начальствующего состава), вызванного низким уровнем денежного довольствия сотрудников. Материалами законопроекта отмечается, что увольнение сотрудников со службы в поисках более высокого дохода влечет за собой увеличение служебной нагрузки на оставшихся сотрудников, которым приходится выполнять служебные обязанности по должностям отсутствующих сотрудников, при этом предоставить таким сотрудникам дни отдыха за переработку проблематично.

В указанных целях законопроектом предлагается предоставить сотрудникам возможность осуществлять совместительство по службе, что позволит, во-первых, повысить уровень денежного содержания сотрудника (за счет выплат по должностям, замещаемым по совместительству), во-вторых, частично решит проблему нехватки личного состава. Вводимый механизм службы по совместительству будет особенно удобен сотрудникам, имеющим сменный график работы по основной замещаемой должности.

Полномочие по определению порядка и условий работы сотрудников по совместительству названным законопроектом предлагается предоставить, как это и было ранее, Правительству Российской Федерации.

²⁵ Колокольцев заявил, что МВД не хватает больше 170 тыс. сотрудников // rbc.ru : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2025/67c8375a9a794797bf603045> (дата обращения: 15.09.2025).

²⁶ Путин поручил подготовить предложения по кадровому обеспечению МВД // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1069106> (дата обращения: 15.09.2025).

Полагаем, что инициатива по расширению возможностей осуществления сотрудниками работы по совместительству своевременна и должна быть поддержана.

Вместе с тем требуют проработки, уточнения и конкретизации отдельные вопросы организации этой работы в целях соблюдения баланса интересов службы и интересов сотрудников.

Учитывая изложенное, полагаем, что в ходе доработки проекта следует рассмотреть следующие вопросы:

разделения понятий «внутреннее» и «внешнее» совместительство с учетом положения ст. 60¹ ТК РФ (согласно которой основным признаком для дифференциации понятий является факт выполнения в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у того же работодателя (внутреннее совместительство) и (или) у другого работодателя (внешнее совместительство);

полномочий руководителей (начальников) по оформлению совместительства на службе в органах внутренних дел;

порядка оформления работы сотрудника по совместительству, в том числе в части заключения контрактов (дополнительных соглашений к контрактам) на период замещения должностей по совместительству и оснований их расторжения;

вопросы оплаты при внутреннем совместительстве.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть важность института совместительства, в том числе как временного решения для кадрового обеспечения задач оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, а также назревшую необходимость расширения возможностей его использования.

При этом следует учитывать, что оплата совместителям по должности будет ниже суммы оплаты за выполнение сотрудником тех же служебных обязанностей по основной должности, что в совокупности с установленными в настоящее время невысокими окладами по должностям сотрудников не может в полной мере удовлетворить их материальные потребности.

В этой связи авторы прекрасно понимают, что применение только данного механизма, даже совместно с планируемым увеличением количества часов переработки, подлежащих денежной компенсации, со 120 до 240, не обеспечит полное удовлетворение кадровых потребностей оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, поскольку в долгосрочной перспективе для предотвращения значительного оттока кадров из Министерства внутренних дел Российской Федерации и иных силовых ведомств, недопущения размывания кадрового ядра, на формирование которого в последующем могут уйти годы и даже десятилетия, требуются и иные, масштабные преобразования, в том числе дальнейшие усилия по созданию положительного имиджа как самих силовых ведомств, так и их сотрудников, значительное, не менее 40 процентов, увеличение денежного довольствия, решение проблем с материально-техническим, медицинским и жилищным обеспечением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ольшевский, А. В., Горбунова Т. С. Отнесение государственных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации к правоохранительным органам // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 41–50.

2. Ольшевский, А. В., Школа, О. В. Условия, критерии и требования при

поступлении на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2021. № 1. С. 34–55.

3. Ольшевский, А. В., Данильченко, Э. Д., Школа, О. В. Отпуска на государственной службе, связанной с правоохранительной деятельностью: сравнительно-правовой анализ // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 1 (73). С. 100–119.

4. Адриановская, Т. Л., Баева, С. С. Правовое регулирование совместительства // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 7 (60). С. 41–46.

5. Левиант, Ф. М. Виды трудового договора. М., 1966, 188 с.

6. Елисеенкова, М. Н. Совместительство по службе // Социалистический труд. 1968. № 6. С. 140–149.

7. Глозман, В. А. Трудовой договор в условиях научно-технического прогресса. Минск, 1978. 184 с.

8. Никитинский, В. И. Законодательство о совместительстве нуждается в совершенствовании // Советское государство и право. 1977. № 7. С. 74–80.

9. Кичигин, С. В. Регулирование работы по совместительству отдельных категорий работников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 84–90.

10. Лушников, А. М., Лушникова, М. В. Курс трудового права : учебник. В 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2009, 879 с.

11. Базыкин, А. Е. Правовое регулирование труда тренеров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012, 30 с.

12. Рогалева, Г. А., Рогалева, И. Ю. Анализ концептуальных положений о дифференциации в правовом регулировании труда // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 10 (38). С. 84–89.

13. Ольшевский, А. В. О нормативных правовых актах, послуживших в 2011–2012 годах основой для реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 1 (61). С. 110–118.

14. Кулик, О. В. Правотворческий эксперимент как составляющая реформы органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 332–334.

15. Петров, А. Я. Совмещение профессий и совместительство: трудовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 190–194.

REFERENCES

1. Olshevsky, A. V., Gorbunova T. S. Otnesenie gosudarstvennyh organov v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossijskoj Federacii k pravoohranitel'nym organam [Classification of State Bodies as Law Enforcement Agencies in Accordance with the Legislation of the Russian Federation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, vol. 95, no. 3, pp. 41–50. (In Russ.).

2. Olshevsky, A. V., Shkola, O. V. Usloviya, kriterii i trebovaniya pri postuplenii na sluzhbu v organy vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Conditions, Criteria, and Requirements for Admission to the Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation]. Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina – Actual Problems of the State and Society in the Field of Ensuring Human and Civil Rights and Freedoms. 2021, no. 1, pp. 34-55. (In Russ.).

3. Olshevsky, A. V., Danilchenko, E. D., Shkola, O. V. Otpuska na gosudarstvennoj sluzhbe, svyazannoj s pravoohranitel'noj deyatelnost'yu: sravnitel'no-pravovoj analiz [Vacations in the Public Service Related to Law Enforcement: A Comparative Legal Analysis]. Vestnik VIPK MVD Rossii – Vestnik of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2025, vol. 73, no. 1, pp. 100-119. (In Russ.).

4. Adrianovskaya, T. L. Pravovoe regulirovanie sovmestitel'stva [Legal regulation of part-time work]. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: politics, economics, law. 2018, vol. 60, no. 7, pp. 41-46. (In Russ.).

5. Leviant, F.M. Vidy trudovogo dogovora [Types of labor contract]. Moscow, 1966, 188 p. (In Russ.).

6. Eliseenkova, M. N. Sovmestitel'stvo po sluzhbe [Secondary employment]. Socialisticheskij trud – Socialist labor. 1968, no. 6, pp. 140-149. (In Russ.).

7. Glzman, V. A. Trudovoj dogovor v usloviyah nauchno-tehnicheskogo progressa [Labor contract in the context of scientific and technological progress]. Minsk, 1978, 184 p. (In Russ.).

8. Nikitinsky, V. I. Zakonodatel'stvo o sovmestitel'stve nuzhdaetsya v sovershenstvovanii [Legislation on part-time work needs improvement]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law. 1977, no. 7, pp. 74-80. (In Russ.).

9. Kichigin, S. V. Regulirovanie raboty po sovmestitel'stvu otдел'nyh kategorij rabotnikov [Regulation of part-time work for certain categories of employees]. Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii – Vestnik of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2022, vol. 88, no. 2, pp. 84-90. (In Russ.).

10. Lushnikov, A. M., Lushnikova, M. V. Kurs trudovogo prava : uchebnik. V 2 t. T. 1. Sushchnost' trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovye prava v sisteme prav cheloveka. Obshchaya chast'. 2-e izd., pererab. i dop [Labor Law Course: Textbook. In 2 vols. Vol. 1. The Essence of Labor Law and the History of Its Development. Labor Rights in the System of Human Rights. General Part. 2nd ed., revised and expanded]. Moscow, 2009, 879 p. (In Russ.).

11. Bazykin, A. E. Pravovoe regulirovanie truda trenerov : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Legal Regulation of the Work of Trainers: Abstract of Dissertation ... Candidate of Law. jurid. nauk]. Moscow, 2012, 30 p. (In Russ.).

12. Rogaleva, G. A., Rogaleva, I. Yu. Analiz konceptual'nyh polozhenij o differenciacii v pravovom regulirovanii truda [Analysis of the Conceptual Provisions on Differentiation in the Legal Regulation of Labor]. Vestnik un-ta im. O.E. Kutafina (MGYUA) Vestn. O.E. Kutafin University (MGUA). 2017, vol. 38, no. 10, pp. 84-89. (In Russ.).

13. Olshevsky, A. V. O normativnyh pravovyh aktah, posluzhivshih v 2011-2012 godah osnovoj dlya reformirovaniya organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [On the normative legal acts that served in 2011-2012 as the basis for the reform of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii – Vestnik of the All-Russian

Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs Affairs of the Russian Federation. 2022, vol. 61, no. 1, pp. 110-118. (In Russ.).

14. Kulik, O. V. Pravotvorcheskij eksperiment kak sostavlyayushchaya reformy organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. 2025, no. 19, pp. 332-334. (In Russ.).

15. Petrov, A. Ya. Sovmeshchenie professij i sovместitel'stvo: trudovoj aspekt [Combining professions and part-time work: the labor aspect]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law. 2015, vol. 52, no. 3, pp. 190-194.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Огрохин Александр Николаевич, кандидат юридических наук, начальник департамента правового обеспечения деятельности правоохранительных органов. Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации. 103132, г. Москва, ул. Ильинка, 8, стр. 4.

Ольшевский Андрей Витальевич, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, заместитель руководителя. Договорно-правовой департамент Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. 111250, г. Москва, Красноказарменная ул., 9А.

SPIN-код 8050-6201 AuthorID 1034396

Школа Оксана Вадимовна, главный эксперт. Служебно-правовое управление Договорно-правового департамента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, 9А.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ogrokhin Alexander Nikolaevich, Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Legal Support for Law Enforcement Agencies of the State Legal Department of the President of the Russian Federation. 8 Ilyinka St., Building 4, Moscow, 103132.

Olshevsky Andrey Vitalievich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Deputy Head. Treaty and Legal Department of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation. 9A Krasnokazarmennaya St., Moscow, 111250.

SPIN-code 8050-6201 AuthorID 1034396

Shkola Oksana Vadimovna, Chief Expert. Service and Legal Department of the Treaty and Legal Department of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation. 9A Krasnokazarmennaya St., Moscow, 111250.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 124-133.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 116, no. 1, pp. 124-133.

5.1.2. Публично-правовые науки (государственно-правовые)

Научная статья
УДК 321.011

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Юрковский Алексей Владимирович¹, Цырендылыкова Номина Баировна²

¹Иркутский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация

²Прокуратура Свердловского района г. Иркутска, Иркутск, Российская Федерация

¹avurkovsky@mail.ru

²nominaa06@mail.ru

Введение. В статье исследуется трансформация классической парадигмы государственного суверенитета под влиянием глубинных процессов цифровизации и медиатизации. Анализируются структурные компоненты суверенитета в цифровую эпоху и обоснование концепции «коммуникационно-технологического суверенитета» как комплексного условия сохранения государственного суверенитета. Практическая значимость исследования заключается в предложении комплекса мер публично-правового и стратегического регулирования, направленных на укрепление суверенных основ государства в условиях глобальной цифровизации общества.

Материалы и методы. Методологической основой исследования являются диалектический, формально-юридический, эстологический, метод контент-анализа, метод юридической компаративистской лингвистики, а также историко-правовой метод и метод юридической географии, позволившие выявить особенности формирования государственного суверенитета и определить роль влияния на него современных информационных технологий.

Результаты исследования позволили обосновать необходимость концептуального перехода от узкого понимания «цифрового суверенитета», часто сводимого к техническому контролю над сетевым сегментом, к более емкой и системной категории «коммуникационно-технологического суверенитета».

Выводы и заключения. Развитие информационных технологий может иметь не только положительный, но и отрицательный результат. Использование информационных технологий может быть связано как с проэтатистскими, так и с

антиэтатистскими ценностями и интересами. Проблемы государственного суверенитета во многом зависят от того, насколько каждое конкретное государство эффективно справляется с реализацией антиэкстремистских и антитеррористических функций. Понимание возможностей информационных технологий предопределяет специфику осуществления профилактической функции государства, направленной на обеспечение государственного суверенитета, воспитание неприятия у граждан попыток дестабилизации государственного суверенитета, экстремизма и экстремистской мотивации со стороны любых субъектов (физических, юридических лиц, иностранных государств).

Ключевые слова: государственный суверенитет, информационные технологии, самообеспечение безопасности, правоохранительные органы, экстремизм, терроризм, интересы, ценности, государство

Для цитирования: Юрковский, А. В., Цырендилькова, Н. Б. Развитие цифровых технологий и проблемы государственного суверенитета // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 124-133.

5.1.2. Public Law (State Legal) Science (Legal Sciences)

Original article

DIGITAL TECHNOLOGY DEVELOPMENT AND CHALLENGES OF STATE SOVEREIGNTY

Alexey V. Yurkovsky¹, Nomina B. Tsyrendylykova²

¹Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation», Irkutsk, Russian Federation

²The Sverdlovsk district prosecutor's office of the Irkutsk city, Irkutsk, Russian Federation

¹avyurkovsky@mail.ru

²nominaa06@mail.ru

Introduction. This article explores the transformation of the classical paradigm of state sovereignty driven by the profound processes of digitalization and mediatization. It analyzes the structural components of sovereignty in the digital age and substantiates the concept of "communication and technological sovereignty" as a multifaceted prerequisite for preserving state authority. The practical significance of the study lies in the proposed set of public law and strategic regulatory measures designed to reinforce the sovereign foundations of the state amidst the global digitalization of society.

Materials and Methods. The methodological framework of the study encompasses dialectical, formal-legal, and axiological approaches, alongside content analysis and legal comparative linguistics. Additionally, the research employs the historical-legal method and the method of legal geography, which together facilitate the identification of the specificities of state sovereignty formation and the assessment of how modern information technologies influence its evolution.

The Results of the Study allowed to substantiate the need for a conceptual transition from the narrow understanding of «digital sovereignty», often reduced to technical control over the network segment, to a more comprehensive and systemic category of «communication and technological sovereignty».

Findings and Conclusions. The development of information technologies can yield both positive and negative outcomes. Their application may align with either pro-statist or anti-statist values and interests. The stability of state sovereignty largely depends on how effectively a particular state performs its anti-extremist and anti-terrorist functions. A comprehensive understanding of the potential of information technologies determines the specific nature of the state's preventive function. This function is aimed at ensuring state sovereignty and fostering a public rejection of any attempts to destabilize it, as well as countering extremism and extremist motivation originating from any entities, whether individuals, legal persons, or foreign states.

Keywords: state sovereignty, information technology, self-security, law enforcement, extremism, terrorism, interests, values, the state

For citation: Yurkovsky A. V., Tsyrendylykova N. B. Razvitie tsifrovyyh tekhnologiy i problemy gosudarstvennogo suvereniteta [Digital technology development and challenges of state sovereignty]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo Institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 124-133. (In Russ.).

Классическая теория государственного суверенитета, восходящая к трудам Жана Бодена и получившая конституционное воплощение в большинстве стран мира, традиционно базировалась на принципах верховенства, единства и независимости публичной власти в рамках четко очерченной географической территории. Однако на рубеже XX–XXI веков этот фундаментальный конструкт столкнулся с двумя взаимосвязанными вызовами глобального масштаба: всепроникающей глобализацией, нивелирующей значение границ в экономической и информационной сферах [1, с. 46], и стремительной цифровой трансформацией, породившей новую виртуальную среду социально-политического взаимодействия.

Глубинная медиатизация всех сфер общественной жизни [2, с. 40] привела к тому, что территория государства обрела не только географическое, но и ментальное, ценностное измерение. Национальной территорией сегодня можно считать и то информационно-коммуникационное пространство, где функционируют смыслы, детерминирующие сознание и поведение граждан. В эпоху, когда информационное потребление для большинства поколений практически полностью переместилось в информационную-телекоммуникационную сеть «Интернет», способность государства контролировать и защищать эту «цифровую территорию» становится вопросом его выживания в исходном, базовом смысле [3, с. 172].

Актуальность проблемы обусловлена нарастанием глобальной конфликтности и превращением цифровых технологий и информационных ресурсов в инструмент стратегического противоборства. Санкционное давление, целенаправленные кибератаки на критическую инфраструктуру, кампании информационно-

психологического воздействия и поддержка деструктивных политических процессов извне – все это реалии современного мира, где вопросы суверенитета решаются не только на полях сражений, но и в серверных кластерах, социальных сетях и финансовых алгоритмах [4, с. 68; 5, с. 314]. В этих условиях ограничиваться постановкой вопроса лишь о «цифровом суверенитете» как контроле над национальным сегментом сети недостаточно.

Эволюция понятия государственного суверенитета демонстрирует его способность адаптироваться к вызовам времени. От абсолютной, «не ограниченной никакими законами» власти монарха, как ее понимал Боден, произошел переход к народному суверенитету как основе конституционного строя. В XX–XXI веках в ответ на усложнение международных отношений и появление новых сфер стратегической конкуренции в научный и политический дискурс вошли производные понятия: продовольственный, энергетический, ценностный, экологический суверенитет¹. Наиболее релевантным для современности стал цифровой суверенитет.

С одной стороны, доминирует трактовка цифрового суверенитета как элемента государственного суверенитета – способности нации-государства самостоятельно управлять своей информационно-коммуникационной сферой, ее продуктами и эффектами². В этом ключе акцент делается на контроле над национальным сегментом Интернета, возможности ограничивать доступ к запрещенным ресурсам и предписывать правила поведения транснациональным цифровым платформам³.

С другой стороны, набирает силу более радикальная позиция, согласно которой цифровой суверенитет является самостоятельным явлением, равнозначным по значению государственному суверенитету, и выступает ключевым условием его эффективной реализации [6, с. 29]. Сторонники данной позиции аргументируют это тем, что интернет-пространство стало не просто «информационно-телекоммуникационной сетью», а новой, альтернативной средой существования социума, где действуют собственные центры квазисуверенной власти (мегаплатформы), чья власть над миллиардами пользователей зачастую более ощутима, чем решения национальных правительств. В этой среде государство становится критически уязвимым, что требует признания цифрового суверенитета как отдельной сущностной категории.

Представляется, что для преодоления этого концептуального противоречия и создания работоспособной аналитической модели необходим синтез. Таким синтезом может служить концепция национального коммуникационного суверенитета,

¹ Суверенитет // Большая российская энциклопедия ; сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/suverenitet-334191> (дата обращения: 08.12.2025).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон № 149-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 08.12.2025).

³ Куманев, Д. С. Цифровой суверенитет как инструмент национальной кибербезопасности // Росконгресс : сайт. URL: <https://roscongress.org/materials/tsifrovoy-suverenitet-kak-instrument-natsionalnoy-kiberbezopasnosti/> (дата обращения 08.12.2025).

предложенная Д. П. Гаврой, и ее адаптация к цифровой сфере [3, с. 172]. Данная модель включает три взаимосвязанных компонента, образующих целостную систему:

1. «Жесткая» составляющая (Hardware) – технологический суверенитет. Это фундаментальный, базовый уровень, наиболее близкий к узкому пониманию цифрового суверенитета. Он охватывает физическую и программную инфраструктуру: производство и контроль над элементной базой (чипы, процессоры), серверным и сетевым оборудованием, системами спутниковой связи и навигации (ГЛОНАСС, BeiDou), операционными системами, отечественным программным обеспечением, средствами криптографии и киберзащиты [7, с. 125; 5, с. 315]. Без этого компонента любые попытки суверенной политики в цифровой сфере будут основаны на импортной, потенциально уязвимой и контролируемой извне основе.

2. «Полутвердая» составляющая (Semi-hardware) – экономико-правовой суверенитет и суверенитет данных. Этот уровень обеспечивает правовые и экономические рамки для функционирования цифровой среды. Сюда входит: структура собственности в цифровой и телекоммуникационной отраслях, независимость ключевых финансово-экономических инфраструктур (национальные платежные системы, цифровые валюты), способность устанавливать правовые режимы для оборота данных, в первую очередь – электронный суверенитет. Электронный суверенитет понимается как исключительное право и возможность государства осуществлять контроль над обработкой данных в рамках своей юрисдикции, особенно тех, что имеют значение для критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ) и национальной безопасности, включая регулирование их трансграничных потоков [8, с. 4].

3. «Мягкая» составляющая (Software) – ценностно-контентный и ментальный суверенитет. Это высший, смысловой уровень, определяющий «цифровой генотип» нации. Он подразумевает способность государства и общества генерировать, распространять и потреблять контент, воспроизводящий национальный культурно-исторический код, формировать и защищать собственную систему ценностей и смыслов в глобальном информационном пространстве, осуществлять эффективную внешнюю и внутреннюю информационную политику, противодействуя враждебному информационно-психологическому воздействию. Этот компонент напрямую связан с национальной идентичностью и идеологическим суверенитетом.

Трехкомпонентная модель позволяет не только структурировать само понятие, но и системно анализировать угрозы и выстраивать комплексные меры защиты.

Цифровая трансформация, помимо колоссальных возможностей, породила комплекс гибридных угроз, размывающих понятие суверенитета в обыденном понимании. Анализ этих угроз по уровням предложенной модели наглядно демонстрирует системность вызова.

Ключевой проблемой на «жесткой» составляющей является технологическая зависимость от иностранных решений. Доминирование зарубежных операционных систем (Windows, iOS, Android), процессорных архитектур (x86, ARM), облачных платформ (AWS, Google Cloud, Microsoft Azure) и программного обеспечения для проектирования (CAD/CAE) создает зависимую технологическую среду [3, с. 172].

Санкционные ограничения на поставки высокотехнологичной продукции, как это было в случаях с КНР и Российской Федерацией, демонстрируют, как эта зависимость может быть превращена в инструмент политического давления, парализующий целые отрасли экономики и оборонно-промышленный комплекс [4, с. 70]. Отдельной угрозой являются целенаправленные кибератаки на объекты КИИ (энергетика, финансы, транспорт), способные вызвать катастрофические последствия для национальной безопасности и благосостояния граждан [8, с. 5]. Кроме того, архитектурная зависимость от глобальных интернет-корпораций, управляющих системой доменных имен и IP-адресов, создает потенциальную уязвимость национального сегмента сети [6, с. 30].

На этом уровне возникает феномен квазисуверенитета транснациональных цифровых корпораций (Google, Meta, Apple и др.). Обладая многомиллиардной аудиторией, собственными правилами (community standards) и алгоритмами модерации контента, эти компании де-факто осуществляют властные функции в глобальном цифровом пространстве, зачастую вступая в конфликт с юрисдикцией отдельных государств. Трансграничный отток данных – еще одна фундаментальная проблема. Нематериальная природа данных и децентрализованная архитектура их обработки (облачные сервисы) объективно усложняют, а порой делают невозможным реализацию национальной юрисдикции над данными своих граждан и организаций, что ставит под угрозу приватность и безопасность [7, с. 125]. Экономические рычаги, такие как долговая зависимость и контроль над международными финансовыми институтами, также используются для влияния на внутреннюю и внешнюю политику суверенных государств, ограничивая их самостоятельность в выборе моделей развития [4, с. 69].

На «полутвердой» составляющей на первый план выходит информационное противоборство и технологии «цветных революций» [1, с. 46]. Посредством целевой рекламы, работы ботов и известных блогеров, манипулятивных медиа-кампаний внешние акторы могут эффективно формировать протестные настроения, дестабилизировать политическую обстановку и способствовать смене неудобных режимов, что было наглядно продемонстрировано в ряде стран Ближнего Востока и Восточной Европы. Эрозия культурно-ценностной идентичности под давлением глобализованного, преимущественно западного контента, продвигающего универсалистские, космополитические ценности, ведет к размыванию традиционных устоев и ослаблению социальной сплоченности. Наконец, технологии массовой микросоциологической и психологической аналитики на основе Big Data позволяют не только манипулировать общественным мнением по конкретным вопросам, но и прогнозировать и провоцировать социальные конфликты, угрожая внутренней стабильности государства.

Таким образом, угрозы носят тотальный и взаимосвязанный характер: технологическая зависимость подрывает экономико-правовой суверенитет, а контроль над инфраструктурой данных позволяет вести эффективное информационное противоборство, атакуя ценностный суверенитет.

Противодействие описанным угрозам требует не разрозненных мер, а целостной государственной стратегии, синхронно воздействующей на все три компонента суверенитета. Эта стратегия должна сочетать запретительно-защитные механизмы со стимулирующе-развивающими.

Первоочередной задачей является законодательное закрепление и конкретизация понятийного аппарата. В национальное законодательство должны быть имплементированы четкие определения «технологического суверенитета», «суверенитета данных», «цифрового (коммуникационного) суверенитета» как условий государственного суверенитета [7, с. 125]. Актуальной представляется идея о конституционализации доступа к Интернету как общественному благу и фундаментальному праву гражданина, гарантом которого выступает государство [6, с. 32]. Это создаст прочную правовую основу для регулирования цифровой среды. Параллельно требуется постоянная актуализация законодательства в сфере защиты КИИ, противодействия киберпреступности и информационной безопасности.

Государство должно выступать не только регулятором, но и катализатором и стратегическим инвестором в сфере высоких технологий. Ключевыми направлениями являются:

- приоритетное развитие отечественных решений в области микроэлектроники, операционных систем, офисного и инженерного программного обеспечения, систем баз данных с фокусом на создание конкурентоспособных продуктов, а не просто аналогов;

- концентрация ресурсов на основных направлениях, определяющих развитие будущего, – искусственный интеллект, квантовые вычисления, новые материалы, био- и нейротехнологии;

- объединение научно-технического и производственного потенциала для создания совместных технологических стандартов, инфраструктур и продуктов, снижающих зависимость от иностранного влияния [4, с. 70-71].

Практическая реализация суверенитета требует создания замкнутой, но не изолированной, технологической среды. Это включает:

- развитие национальной IT-индустрии посредством активной поддержки (через госзаказ, налоговые льготы) компаний, разрабатывающих суверенные IT-решения, с целью формирования полноценного технологического сектора;

- последовательный переход на российское программное обеспечение в органах власти, развитие систем электронного правительства, национальных облачных платформ и систем межведомственного электронного документооборота;

- формирование безопасной инфраструктуры передачи и хранения данных.

Реализация этих направлений в комплексе позволит перейти от оборонительной позиции, основанной на запретах и ограничениях, к стратегии активного технологического развития, где суверенитет обеспечивается не изоляцией, а собственной силой и конкурентоспособностью.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд основополагающих выводов. Во-первых, цифровая трансформация и глубокая медиатизация общества привели к формированию новой, виртуально-цифровой «территории», контроль над которой

является не дополнительной опцией, а необходимым условием сохранения классического государственного суверенитета в XXI веке.

Во-вторых, для адекватного анализа этого феномена и выработки эффективных мер защиты узкое понимание «цифрового суверенитета» как контроля над сетью является недостаточным. Трехкомпонентная модель (технологический, экономико-правовой, ценностно-контентный суверенитет) предоставляет более релевантный и комплексный аналитический инструментарий, соответствующий масштабу вызова.

В-третьих, угрозы, порождаемые цифровой средой, носят системный и взаимосвязанный характер, атакуя государство одновременно на уровнях инфраструктуры, экономического контроля и смысловой идентичности. Противостоять им можно только с помощью столь же системной и сбалансированной государственной политики, сочетающей в себе жесткое публично-правовое регулирование, стратегическое технологическое развитие и инвестиции в человеческий капитал.

Таким образом, достижение коммуникационно-технологического суверенитета – способности государства самостоятельно и независимо существовать и развиваться в цифровую эпоху, контролировать ключевые инфраструктуры, данные и смыслы, – перестает быть вопросом технологического престижа. Данное достижение становится вопросом национального выживания, гарантией сохранения независимости, территориальной целостности и культурно-цивилизационной идентичности в условиях новой цифровой формы геополитической конкуренции. Дальнейшие исследования должны быть сфокусированы на поиске оптимального баланса между необходимостью суверенного контроля и выгодами от интеграции в глобальные технологические цепочки, а также на разработке механизмов международно-правового регулирования цифрового пространства, основанного на принципе равноправия и уважения суверенитета всех государств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zarubin, M.Y u., Zherdev, V. A. Problems of Functioning of Sovereignty in the Context of Globalization // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2020. № 4. С. 45–48.

2. Нерп, А. Deep mediatization. London and New York. 2020. 237 p.

3. Гавра, Д. П. Коммуникационный суверенитет как необходимый компонент государственного суверенитета: понятие и структура // Журналистика XXI века. 2024. С. 171–172.

4. Шевцова, А. Л., Попова, Т. Е. Достижение технологического суверенитета для сохранения суверенитета государственного // Актуальные вопросы государственного строительства в контексте обеспечения устойчивого развития экономики. 2023. С. 67-72.

5. Беленков, Д. В., Гюлазян, П. А., Мазлумян, Д. Э. Информационный суверенитет России и Европейского Союза, информационная политика и информационное противоборство: сущность и содержание // Международный научный студенческий вестник. 2018. № 5. С. 312–318.

6. Астапенко, П. Н. Цифровой суверенитет как условие реализации государственного суверенитета в интернет-эпоху // Закон и право. 2022. № 9. С. 27–33.

7. Волкова, С. И. Технологический суверенитет в информационной сфере как условие реализации государственного суверенитета: структура и публично-правовое регулирование // Закон и право. 2025. № 5. С. 124–126.

8. Афанасьева, О. Н. Цифровой суверенитет как составляющая государственного суверенитета // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем. Труды XI Международной научно-практической конференции. 13–15 февраля 2025 г. Симферополь, С. 4–5.

REFERENCES

1. Zarubin, M. Yu., Zherdev, V. A. Problems of Functioning of Sovereignty in the Context of Globalization. [Duhovnaya situaciya vremeni] – Rossiya XXI vek. Dухovnaya situaciya vremeni. Rossiya XXI vek. 2020, no 4, pp. 45-48.

2. Hepp, A. Deep mediatization. London and New York. 2020, 237 p.

3. Gavra, D. P. Kommunikacionny`j suverenitet kak neobxodimyy`j komponent gosudarstvennogo suvereniteta: ponyatie i struktura [Communication Sovereignty as a Necessary Component of State Sovereignty: Concept and Structure]. Zhurnalistika XXI veka – Journalism of the 21st Century. 2024, pp. 171-172. (In Russ).

4. Shevtsova, A. L., Popova, T. E. Dostizhenie texnologicheskogo suvereniteta dlya soxraneniya suvereniteta gosudarstvennogo [Achieving Technological Sovereignty to Preserve State Sovereignty]. Aktual`ny`e voprosy` gosudarstvennogo stroitel`stva v kontekste obespecheniya ustojchivogo razvitiya e`konomiki – Current Issues of State Building in the Context of Sustainable Economic Development. 2023, pp. 67-72. (In Russ).

5. Belenkov, D. V., Gyulazyan, P. A., Mazlumyan, D.E`. Informacionny`j suverenitet Rossii i Evropejskogo Soyuza, informacionnaya politika i informacionnoe protivoborstvo: sushhnost` i sodержanie [Informational Sovereignty of Russia and the European Union, Information Policy, and Information Warfare: Essence and Content]. Mezhdunarodny`j nauchny`j studencheskij vestnik – International Scientific Student Bulletin, 2018, no. 5, pp. 312-318. (In Russ).

6. Astapenko, P. N. Cifrovoy suverenitet kak uslovie realizacii gosudarstvennogo suvereniteta v internet-epohu [Cifrovoy suverenitet kak uslovie realizacii gosudarstvennogo suvereniteta v internet-e`poxu]. Zakon i pravo – Zakon i pravo. 2022, no. 9, pp. 27-33. (In Russ).

7. Volkova, S. I. Tekhnologicheskij suverenitet v informacionnoj sfere kak uslovie realizacii gosudarstvennogo suvereniteta: struktura i publichno-pravovoe regulirovanie [Tekhnologicheskij suverenitet v informacionnoj sfere kak uslovie realizacii gosudarstvennogo suvereniteta: struktura i publichno-pravovoe regulirovanie]. Zakon i pravo – Zakon i pravo. 2025, no. 5, pp. 124-126. (In Russ).

8. Afanas`eva O.N. [Cifrovoy suverenitet kak sostavlyayushhaya gosudarstvennogo suvereniteta]. Problemy informacionnoj bezopasnosti social'no-ekonomicheskikh sistem: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf [Problemy` informacionnoj bezopasnosti

social`no-e`konomicheskix sistem: materialy` XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 13-15 February 2025].2025, Simferopol, pp. 4-5. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрковский Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации. 664035, Российская Федерация, г. Иркутск, улица Шевцова, 1.

Цырендилькова Номина Баировна, общественный помощник прокурора Свердловского района г. Иркутска. Прокуратура Свердловского района г. Иркутска. 664039, Российская Федерация, г. Иркутск, улица Терешковой, 37а.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yurkovsky Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Public Law disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation. 1 Shevtsova St., Irkutsk, 664035.

Tsyrendylykova Nomina Bairovna, social assistant prosecutor. The Sverdlovsk district prosecutor`s office of the Irkutsk city. 37a. Tereshkovoi St., Irkutsk, 664039.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 134-152.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 134-152.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
 УДК 343.291

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Авдеев Вадим Авдеевич

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
 vadim.avdeevich@mail.ru

Введение. В статье исследован правовой опыт регламентации института освобождения от уголовной ответственности. На основе сочетания теоретико-методологических и практико-ориентированных подходов к созданию модели законодательной регламентации института освобождения от уголовной ответственности определена юридическая природа оснований и условий его реализации, обусловленная совокупностью факторов, указывающих на целесообразность прекращения уголовного преследования и возможность применения иных мер воздействия ввиду признания виновного лица не представляющим опасность для общества и установления малозначительного характера совершенного им деяния. Определены доктринально-методологические основы разграничения в национальном праве институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания. Проведен анализ уголовно-правовой политики советского периода, раскрывающий особенности законодательной регламентации оснований и условий освобождения от уголовной ответственности, заслуживающий внимания законодателя в условиях современных правовых реалий.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы общенаучные и частно-научные методы, которые позволили раскрыть теоретико-методологические основы выделения освобождения от уголовной ответственности в самостоятельный институт уголовного права, осуществить анализ проводимой правовой политики по реализации нового направления в области противодействия преступности, определить причины и этапы законодательной регламентации данного института уголовного права в национальном праве.

Результаты исследования. Раскрыто многообразие подходов к пониманию предпосылок законодательной регламентации освобождения от уголовной ответственности. В статье дается обоснование законодательной формулы регламентации института освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, с учетом правового опыта его оформления в зарубежном и российском законодательстве. Разработке подлежит проблема, связанная с раскрытием особенностей регламентации освобождения от уголовной ответственности и образующих его видов на разных этапах государственно-правового строительства. Выявлена взаимосвязь научной доктрины и правоприменительной деятельности при разработке дефиниции понятия «освобождение от уголовной ответственности». Раскрыто соотношение доктринальных подходов к пониманию института освобождения от уголовной ответственности. Определены виды освобождения от уголовной ответственности, обозначены причины и выделены этапы правовой политики, проводимой в сфере законодательной регламентации данного института уголовного права.

Выводы и заключения. В современных условиях обновления институтов национальной правовой системы модернизации подвергается институт освобождения от уголовной ответственности, законодательная регламентация которого сопровождается введением новых видов. Анализ правового опыта показывает достаточно продолжительный период формирования данного института, отдельные виды которого, имея формы аболиции, амнистии, промульгировались законодателем в качестве инструментария замены карательной репрессии иными принципами, влиявшими на более высокую мотивацию психики человека, раскрывавшими действие новых, более высоких этических побуждений. Формирование и развитие института освобождения от уголовной ответственности было обусловлено научными изысканиями XVIII века, создавшими предпосылки для появления новых методов воздействия на преступность как социально негативное явление. Анализ национальной системы права позволил сформулировать вывод о том, что освобождение от уголовной ответственности как институт уголовного права получил детальную законодательную регламентацию в советский период. Предпосылкой законодательного оформления данного института явилась активизация научной деятельности, способствующая формированию нового подхода к понятию уголовной ответственности, сопряженного с признанием его в качестве самостоятельного уголовно-правового явления, отличающегося от наказания по сущности и содержанию. Доктринальные разработки предопределили модернизацию ряда норм Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года, в которой разграничению и регламентации подлежали два понятия - «ответственность» и «уголовная ответственность». Законодательное оформление уголовной ответственности сопровождалось разработкой оснований как для привлечения лица к уголовной ответственности, так и освобождения от нее. Данный подход осуществлялся в соответствии с новыми направлениями в советской уголовно-правовой политике, ориентированными на трансформацию правового сознания, влекущую целесообразность применения в отношении лиц, совершивших преступления, иных методов и инструментов правового воздействия. В основу

осуществляемой уголовно-правовой политики была положена замена, согласно программным документам, системы уголовных наказаний на систему мер воспитательного характера. В результате проделанных научных изысканий в качестве новых направлений в развитии института освобождения от уголовной ответственности стало разграничение общих и специальных норм освобождения от уголовной ответственности. Дальнейшая интенсификация научной деятельности связана с разграничением институтов «освобождения от уголовной ответственности» и «освобождения от наказания». Качественно новый подход получил отражение в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, в соответствии с которым наряду с признанием освобождения от уголовной ответственности как самостоятельного института законодательному оформлению и последовательной детализации подлежали основания и его виды.

Ключевые слова: правовая политика, уголовная политика, уголовный закон, уголовное наказание, уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности

Для цитирования: Авдеев, В. А. Законодательный детерминизм в формировании института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 134-152.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

LEGISLATIVE DETERMINISM IN THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Vadim A. Avdeev

Yugra State University Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
vadim.avdeevich@mail.ru

Introduction. The article examines the legal experience and regulatory framework governing the institution of exemption from criminal liability. By combining theoretical, methodological, and practice-oriented approaches to modeling legislative regulation, the study clarifies the legal nature of the grounds and conditions for such exemption. These are shaped by factors justifying the termination of criminal prosecution and the potential for alternative measures, provided that the offender no longer poses a public danger and the act committed is deemed insignificant. Furthermore, the study establishes the doctrinal and methodological foundations for distinguishing between exemption from criminal liability and exemption from punishment within national law. Finally, an analysis of Soviet-era criminal policy reveals specific features of legislative regulation that remain relevant for modern lawmakers.

Materials and Methods. The study employed general and specific scientific methods to reveal the theoretical and methodological foundations for establishing exemption from criminal liability as an independent legal institution. These methods facilitated an analysis of the legal policy underlying this new direction in crime prevention and allowed for identifying the factors and stages of its legislative regulation within national law.

The Results of the Study. The study reveals a wide variety of approaches to understanding the prerequisites for the legislative regulation of exemption from criminal liability. The authors substantiate the legislative formula for this institution as provided by the Criminal Code of the Russian Federation, incorporating legal experiences from both foreign and domestic legislation. The article addresses the specific features of regulating exemption from criminal liability and its various forms across different stages of state and legal development. Furthermore, the study identifies a correlation between scientific doctrine and law enforcement practices in defining "exemption from criminal liability." The relationship between different doctrinal approaches is clarified, the types of exemption are classified, and the key drivers and stages of legal policy regarding this institution's regulation are highlighted.

Findings and Conclusions. In the context of modernizing the national legal system, the institution of exemption from criminal liability is undergoing transformation, characterized by the introduction of new forms. Historical legal analysis reveals a lengthy evolutionary process: certain forms, such as abolition or amnesty, were promulgated as tools to replace punitive repression with principles that appealed to higher psychological motivations and ethical incentives. The development of this institution was rooted in 18th-century scientific discourse, which laid the groundwork for new methods of addressing crime as a social phenomenon. The study concludes that exemption from criminal liability as a legal institution reached detailed legislative maturity during the Soviet period. This formalization was driven by intensified scholarly activity that redefined criminal liability as an independent legal phenomenon, distinct from punishment in both essence and substance. Doctrinal developments predetermined the modernization of a number of norms of the RSFSR Criminal Code of the 1926 edition, in which two concepts—"responsibility" and "criminal responsibility"—were to be distinguished and regulated. The legislative formalization of criminal responsibility was accompanied by the development of grounds both for bringing a person to criminal responsibility and for exempting them from it. This approach was carried out in accordance with the new directions in Soviet criminal policy, aimed at transforming legal consciousness and providing other methods and tools of legal influence on persons who committed crimes. The basis of the implemented criminal policy was, according to program documents, the replacement of the system of criminal punishments with a system of educational measures. As a result of the undertaken scientific research, as new directions in the development of the institution of exemption from criminal responsibility, the distinction between general and special norms was established. A qualitatively new approach was reflected in the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union republics of 1958, according to which, along with the recognition of exemption from criminal liability as an independent institution, the grounds and types of such exemption were subject to legislative formalization and consistent detailing.

Keywords: national security, legal policy, criminal policy, criminal law, criminal punishment, criminal liability, legal experience, exemption from criminal liability

For citation: Avdeev, V. A. Zakonodatel'nyj determinizm v formirovanii instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti [Legislative determinism in the formation of the institute of exemption from criminal liability]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 134-152. (In Russ.).

В современных условиях обновления институтов национальной правовой системы пристальное внимание ученых и практиков на доктринальном и правоприменительном уровнях сосредоточено на решении проблем, связанных эффективной реализацией уголовной ответственности [1, с. 9–15; 2, с. 143–156; 3, с. 11–16; 4, с. 584–603; 5, с. 84–89]. Одним из исследовательских направлений, заслуживающих дальнейшей разработки, является поиск путей по оптимизации института освобождения от уголовной ответственности. В рамках данного направления нельзя не отметить существенное значение правового опыта регламентации института освобождения от уголовной ответственности в национальной правовой системе, позволяющего выявить предпосылки возникновения данного института, раскрыть причины, повлиявшие на законодательную модель его регламентации в национальном праве, установить преемственность, имеющую место в законодательной формуле, определить позитивные тенденции, подлежащие осмыслению на современном этапе модернизации уголовного законодательства.

Ретроспективный анализ законодательного оформления оснований освобождения от уголовной ответственности позволил сделать вывод о том, что создание данного института в отечественном праве основывается на правовом опыте иностранных государств, в законодательстве которых регламентации подлежало такое понятие, как «забвение обид», означающее в период античной государственности давность совершения преступления [6, р. 247]. По мнению профессора Павла Исаевича Люблинского, активному применению в иностранных государствах подлежала также амнистия, которая «даровалась» до привлечения лица к ответственности и «исключала осуждение» [7, с. 12]. Исследованию оснований освобождения от уголовной ответственности была посвящена вышедшая в 1764 году в Милане книга миланского патриция, маркиза Чезаре Беккариа Бонесана «О преступлениях и наказаниях», в которой ученый промульгировал идею о необходимости учета при определении мер уголовно-правового воздействия «пользы добродетели путем убеждения или примера», которые «послужат средством к предупреждению преступлений» [8, р. 102–104; 9, с. 197–199]. По мнению П. А. Фейербаха, «юридическое прекращение» правового воздействия за совершенное преступление может быть обусловлено такими основаниями, как: 1) понесенное наказание; 2) помилование; 3) срок давности [10, р. 54–55].

Приступая к изучению российского правового опыта регламентации института освобождения от уголовной ответственности, стоит акцентировать внимание на

Сенатском Указе от 23 июня 1725 г. «О предании забвению дел по доношениям Фискалов и доносителей и о неподаче впредь доносов мимо Фискалов» Екатерины I, согласно которому «отставлению» подлежали «дела старых лет»¹. Исходя из содержания Именного указа Екатерины II от 19 июля 1762 г. «О продолжении срока беглым людям для возвращения из-за границы в свое отечество» с учетом оказанного милосердия освободить предписывалось от заслуженного наказания всех отлучившихся и возвращающихся в свое отечество².

Анализ законодательства XIX века позволил сделать вывод о том, что в Своде законов уголовных 1832 года глава пятая была посвящена «освобождению от наказания, отсрочке и отмене оногo». Так, освобождение от наказания при соблюдении определенных условий могло быть при «благовременном» открытии соумышленников (ст. 138); принятии Христианской веры иноверцами (ст. 139); истечении десяти лет ввиду «вечного забвения» (ст. 146)³. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором в главе четвертой раздела I устанавливались основания «смягчения» и «отмены наказания», предписывалось отменить наказание в случае: 1) смерти преступника; 2) примирения с обиженным; 3) давности (ст. 160, 163)⁴. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года регламентации подлежали четыре повода невозможности осуществления судебного преследования в отношении уголовной ответственности обвиняемого и прекращения начатого: 1) смерть преступника; 2) истечение давности первого и второго «рода»; 3) примирение обвиняемого с обиженным; 4) прощение (ст. 16). Примечательно, что «покрытие» преступного деяния могло наступить исходя из: 1) милостивого манифеста; 2) иной законной причины прекращения дела (ч. 2 ст. 771). В начале XX века с принятием Уголовного уложения 1903 года к обстоятельствам, устраняющим наказание, стали относить давность и помилование⁵.

Закрепленные в законе основания послужили поводом для начала активной дискуссии на страницах научной литературы. Как считал доктор права А. В. Лохвицкий, после смерти преступника наказание определенным образом все-таки выполняется, несмотря на исключение возможности «терзать» и вешать трупы

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года. Т. VII. 1723-1727. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 4738. С. 508–509.

² О вступлении на престол Императрицы Екатерины II, с приложением присяги на верность подданства : Манифест 28 июня 1762 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1765. От № 11.582 до 12.301. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 11.618. С. 23–24.

³ Свод законов Российской Империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Законы Уголовные. Свод Законов Уголовных. Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1833. С. 47–49.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург : В Типографии Второго отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1845. С. 54–55.

⁵ Новое Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Изд-е Каменноостровского книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. С. 33–34.

преступников. Бесчестную память преступника наследуют его дети, сохраняется позорное клеймо на могиле [11, с. 280]. Профессор П. Д. Калмыков отмечал, что причинами отмены установленной меры наказания должны быть: 1) отказ обвинителя от иска; 2) совершенное оправдание преступника; 3) «выдержание» постановленного наказания; 4) давность; 5) помилование. Случайными обстоятельствами отмены наказания признавались по русскому праву примирение и смерть [12, с. 393–403]. С точки зрения Л. С. Белогриц-Котляревского, к исключаящим наказание обстоятельствам стоит отнести: 1) смерть преступника; 2) отказ потерпевшего; 3) добровольная уплата пени; 4) давность преследования и давность наказания; 5) помилование [13, с. 334]. Анализ юридической литературы показал, что в данный период отсутствовал унифицированный подход к пониманию категорий – освобождение от наказания и освобождение от уголовной ответственности. Поэтому Н. С. Таганцев при рассмотрении данного вопроса предлагал руководствоваться преимущественно термином «ответственность» [14, с. 365–366, 379–394].

Формирование основ советского законодательства послужило развитию институтов уголовного права. Законодательное оформление оснований освобождения от уголовной ответственности связано было с реализацией программных документов. Так, на основе принятого ВЦИК 30 ноября 1918 г. Положения о народном суде РСФСР народный суд был вправе по своему усмотрению выносить постановления об условном или полном освобождении обвиняемого от всякого наказания. Для освобождения от наказания суд должен был привести мотивацию основания принятия решения. Народному суду было предоставлено право помилования по их личному или близких ходатайству либо по представлению применяющих наказание органов (ст. 28, 35-36, 39, 69, 79)⁶.

Гуманизм советской уголовно-правовой политики отразился на сравнительно высоком удельном весе прекращенных следственными комиссиями уголовных дел, возбужденных революционными трибуналами. Так, в 1917–1918 гг. из 12 223 возбужденных дел прекращению подлежало каждое шестое уголовное дело – 2 040 (16,68 %). Производство революционными трибуналами было окончено по каждому четвертому уголовному делу – 3 379 (27,64 %). В производстве революционных трибуналов осталось 2 725 дел (22,29 %). Передаче в другие суды подлежало 2 628 уголовных дел (25,05 %) [15, с. 47–48].

Примечательно, что в 1917–1918 гг. по подсудным революционным трибуналам делам (5 252) прекращению следственными комиссиями подлежало 989 дел (18,83 %), 1 818 дел (34,61 %) – окончено производством, 1 522 дела (28,97 %) – остались в производстве, 923 дела (17,57 %) – передано в другие суды. По разным иным уголовным делам, возбужденным революционными трибуналами, не находящимися в сфере их подсудности (6 803), прекращению следственными комиссиями подлежало 1 051 дело (15,44 %), 1 561 дело (22,94 %) – окончено производством, 1 203 дела (17,68 %) – остались в производстве, 1 705 дел (25,06 %) – передано в другие суды [15, с. 49, 52]. Таким образом, постановлениями

⁶ СУ 1918. № 85. Ст. 889.

следственной комиссии подлежало прекращению из числа: всех возбужденных революционными трибуналами дел - 16,68 %, подсудных революционным трибуналам дел - 18,83 %, других уголовных дел - 15,44 %.

Определенного внимания в этой связи заслуживает соотношение доли прекращенных дел по: 1) всем делам (2040 – 37,64 %); 2) делам, подсудным революционным трибуналам (989 – 35,23 %); 3) другим делам (1051 – 40,23 %). В общей сложности прекращению подлежало 4 080 дел (37,64 %) из 10 838 известных дел, что свидетельствует о развитии нового направления советской уголовно-правовой политики, обеспечивающего реформирование сознания и поведения совершивших преступления лиц различными формами, методами и инструментами правового воздействия.

Прекращению следственными комиссиями по подсудным революционным трибуналам делам (5 252) подлежало 989 дел (18,83 %), из них прекращенные дела составляли по: 1) контрреволюционным выступлениям – 425 (42,97 %); 2) спекуляции – 307 (31,04 %); 3) взяточничеству, подлогу, неправомерному использованию советских документов – 156 (15,77 %); 4) саботажу – 48 (4,85 %); 5) погромам – 45 (4,55 %); 6) шпионажу – 8 (0,8 %).

Определенного внимания заслуживает дифференцированный подход революционных трибуналов к процессу привлечения к ответственности. По возбужденным в целом уголовным делам в отношении 8 393 чел. осуждению было подвергнуто более половины – 4 483 чел. (53,41 %), освобождению следственными комиссиями подлежало 2 208 чел. (26,3 %), оправданными оказались 1 702 чел. (20,27 %). По подсудным по декрету революционным трибуналам делам в отношении 3 680 чел. осуждению был подвергнут 1 831 чел. (49,75 %), освобождению следственными комиссиями подлежало 1 145 чел. (31,11 %), оправданными оказались 704 чел. (19,13 %). По другим уголовным делам в отношении 4 713 чел. осуждению подлежало 2 652 чел. (56,26 %). Освобождению следственными комиссиями подлежало 1 063 чел. (22,55 %). Оправданными оказались 998 чел. (21,17 %) [15, с. 57–61].

Имеющаяся информация из одиннадцати революционных трибуналов создает определенную картину распределения привлеченных в качестве обвиняемых (3 683 чел.) по отдельным видам преступлений с последующим их освобождением следственными комиссиями или осуждением. Большинство подлежало привлечению за спекуляцию – 1 465 чел. (39,77 %). Далее следовали привлеченные в качестве обвиняемых за контрреволюционные выступления – 1 183 чел. (32,12 %). Менее распространенной оказалась категория лиц, привлеченных за взяточничество, подлог, неправомерное использование советских документов – 588 чел. (15,96 %). Минимальными показателями характеризуются группы лиц, привлеченных в качестве обвиняемых за саботаж – 273 чел. (7,41 %), погром – 165 чел. (4,48 %), шпионаж – 9 чел. (0,24 %). Почти треть из числа привлеченных в качестве обвиняемых за указанные преступления подлежали освобождению следственными комиссиями – 1 146 чел. (31,12 %). Соответственно, более двух третей были подвергнуты осуждению революционными трибуналами – 2 537 чел. (68,88 %).

Категории освобожденных лиц следственными комиссиями с учетом вида совершенного преступления распределялись следующим образом. Лишь каждый пятый из числа привлеченных в качестве обвиняемых за спекуляцию подлежал освобождению следственными комиссиями – 305 чел. (20,81 %). Оправданными считались 330 чел. (22,52 %). Более трети привлеченных в качестве обвиняемых за контрреволюционные выступления подлежали освобождению следственными комиссиями – 423 чел. (35,75 %). Оправданными оказались 192 чел. (16,22 %). Среди лиц, привлеченных за взяточничество, подлог, неправомерное использование советских документов, освобождено было 259 чел. (44,04 %). Оправданными признаны 92 чел. (15,64 %). По привлеченным в качестве обвиняемых за саботаж освобожденными становятся 89 чел. (32,6 %), оправданными – 65 чел. (23,8 %). Среди привлеченных в качестве обвиняемых за погром освобождению подлежали 64 чел. (38,78 %), оправданными признаны 24 чел. (14,54 %). По привлеченным в качестве обвиняемых за шпионаж освобожденными оказались 6 чел. (66,66 %), оправданными – 3 чел. (33,34 %) [15, с. 65–68].

В дальнейшем в Программе РКП(б), принятой VIII съездом Российской Коммунистической партии (большевиков) 18–23 марта 1919 г., декларировалось, что организованные по новому принципу суды обусловили «коренное» изменение характера наказания и замену системы наказаний системой мер воспитательного характера (ст. 11)⁷. Внимания заслуживает Циркуляр НКЮ от 2 апреля 1919 г. № 37 «Всем отделам Юстиции и Советам Народных Судей»⁸, предписавший прекращение Народными Судами в распорядительных заседаниях (без вызова сторон и свидетелей) возбужденных и прекращенных в связи с империалистической войной уголовных дел и всех уголовных дел, возникших до 25 октября 1917 г., кроме опасных для государства случаев совершения деяний с учетом их тяжести, подлежащих рассмотрению судами на общих основаниях [16, с. 29–35]. На основании Декрета ВЦИК Советов от 12 апреля 1919 г. «О революционных трибуналах» устанавливалась возможность освобождения обвиняемых следственными комиссиями революционных трибуналов. Решение вопроса относительно прекращения дела осуществлялось непосредственно революционным трибуналом. В пределах своей компетенции по подсудным делам революционные трибуналы могли выносить постановления через распорядительное заседание трибунала по поводу изменения меры пресечения либо освобождения (ст. 9, 11)⁹.

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года предписывалось, исходя из содержания ст. 16, не подвергать наказанию лицо, совершившее представляющее опасность для данного строя деяние при исчезновении определенных условий¹⁰. Декрет ВЦИК Советов от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах (Положение)» регламентировал возможность

⁷ VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Москва, 18-23 марта 1919 года. Издание «Коммунист». М., 1919.

⁸ Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12)–4 (14). С. 113–114.

⁹ СУ 1919. № 13. Ст. 132.

¹⁰ СУ 1919. № 66. Ст. 590.

прекращения дела до судебного разбирательства в распорядительном заседании Пленума трибунала (ст. 10, 12)¹¹.

Реализуемый в советской уголовно-правовой политике курс на гуманизацию отразился на сравнительно высоком удельном весе в 1919–1920 гг. прекращенных уголовных дел до суда. В 1919 году, по представленным Е. Н. Тарновским статистическим данным, число возникших уголовных дел составило 575 438. Доля рассмотренных дел достигла 45,0 %, прекращенных дел до суда - 46,0 %. Абсолютное количество осужденных исчислялось показателем 195 892 чел., удельный вес оправданных лиц - 43,0 % [17, с. 4]. По другим статистическим данным, в 1919 году удельный вес оправданных лиц достиг 37,0 %. Относительный показатель доли осужденных составил 63,0 %.

В 1920 году, согласно представленным Е. Н. Тарновским статистическим данным, число возникших уголовных дел составило 731 046 и сопровождалось ростом по сравнению с предыдущим годом на 21,29 %. Доля рассмотренных дел составила 52,0 %, прекращенных дел до суда - 40,0 %. Абсолютный показатель осужденных составил 365 898 чел., доля оправданных лиц - 33,0 %. Использование более полных статистических данных позволяет отметить, что в 1920 году общее число возникших уголовных дел составило 1 377 778, из них в: народных судах - 1 187 169, революционных трибуналах - 23 447, революционных военных трибуналах - 167 162. Общее количество осужденных составило 660 401 чел. [17, с. 4–12; 18, с. 43–44].

Внимания заслуживала опубликованная официальная статистика движения уголовных дел в народных судах в 1920 году. По представленным М. Н. Гернетом статистическим данным, в 1920 году число поступивших уголовных дел составило 1 248 862. По окончанным по существу уголовным делам было: оправдано - 299 362 чел., осуждено - 582 571 чел. [19, с. 72–73]. В рамках окончанных производством дел заметным является удельный вес оправданных лиц (33,94 %). Движение дел в Губернских революционных трибуналах имело несколько иную специфику в силу повышенной общественной опасности рассматриваемых преступлений и виновных лиц. В 1920 году поступили 36 923 дела, окончанными из которых оказались 34 966 дел (94,69 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 3 960 чел., осуждено - 22 839 чел. [20, с. 74–75]. В рамках окончанных производством дел удельный вес оправданных лиц составил 14,77 %.

Достигнутые результаты в развитии юридической техники, в том числе в отношении институтов уголовного права на законодательном и доктринальном уровнях, получили закрепление в нормах права. В Декрете СНК от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» впервые регламентации подлежал термин «освобождение от уголовной ответственности». В примечании к п. 10 был установлен специальный вид освобождения за хранение при отсутствии надлежащего разрешения оружия, взрывчатых веществ, воинского снаряжения и других предметов. Согласно данному

¹¹ СУ РСФСР. 1920. № 22-23. Ст. 115.

примечанию лица, добровольно сдавшие в установленные сроки указанные в данной статье предметы, подлежали освобождению от уголовной ответственности¹².

В ходе последовательной новеллизации норм уголовного и уголовно-процессуального права Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. утверждению подлежал Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР), вступивший в законную силу с 1 июня 1922 г. С учетом новых тенденций в реализации уголовно-правовой политики, согласно ст. 21 УК РСФСР, уголовное преследование, осуждение, применение наказания не допускались в связи с истечением сроков давности¹³. При этом общие условия давности, предусмотренные ст. 21 УК РСФСР, не подлежали распространению на особый вид давности, регламентированный в ст. 22 УК РСФСР. Согласно ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года (далее – УПК РСФСР) уголовное преследование не могло быть возбуждено, а возбужденное дело подлежало прекращению на всякой стадии процесса, в том числе по одному из следующих оснований: примирение обвиняемого с потерпевшим по возбуждаемым по жалобе потерпевшего делам, за исключением указанных в ст. 10, 11 УПК РСФСР случаев, отсутствие жалобы потерпевшего по возбуждаемым по таковым жалобам делам, в связи с истечением срока давности, вследствие акта об амнистии, исключающей наказуемость совершенного обвиняемым, либо помилования отдельных лиц или прекращения дел о них постановлением ВЦИК либо его Президиума в порядке предоставленных законом прав¹⁴.

При проведении анализа правоприменительной практики внимания заслуживает опубликованная официальная статистика движения уголовных дел в народных судах в 1921–1922 гг. По представленным М. Н. Гернетом статистическим данным, в 1921 году число поступивших уголовных дел составило 1 674 929. По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 356 971 чел., осуждено – 834 685 чел. [20, с. 72–73]. В рамках окончанных производством дел заметным являлся удельный вес оправданных лиц (29,95 %). В 1922 г. число поступивших уголовных дел составило 1 776 152. По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 358 850 чел., осуждено – 1 089 503 чел. [20, с. 72–73]. В пределах окончанных производством дел доля оправданных лиц подлежала снижению до 24,77 %.

Движение дел в Губернских революционных трибуналах имело несколько иную специфику в силу повышенной общественной опасности рассматриваемых преступлений и виновных лиц. В 1921 году поступило 41 629 дел, окончанными из которых оказалось 40 980 дел (98,44 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 7 072 чел., осуждено – 40 239 чел. В пределах окончанных производством дел доля оправданных лиц составила 14,94 %. В 1922 году поступило 45 811 дел, окончанными из которых оказались 44 153 дела (96,38 %). По окончанным по существу уголовным делам было оправдано 12 266 чел., осуждено – 95 604 чел.

¹² Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. № 240. 1921. 26 октября.

¹³ СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁴ СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

[20, с. 74–75]. В рамках оконченных производством дел удельный вес оправданных лиц составил 11,37 %.

Анализ данных официальной статистики по Революционным военным и транспортным трибуналам за 1920–1922 гг. позволил раскрыть следующие особенности. В 1920 году поступило 167 162 дела, оконченными из которых в судебном заседании оказалось 52 960 дел (31,68 %). По оконченным по существу уголовным делам было оправдано 17 500 чел., осуждено – 89 466 чел. В пределах оконченных производством дел доля оправданных лиц составила 16,36 %. В 1921 году поступило 106 353 дела, оконченными из которых в судебном заседании оказалось 27 648 дел (31,68 %). По оконченным по существу уголовным делам было оправдано 8 275 чел., осуждено – 58 571 чел. В рамках оконченных производством дел доля оправданных лиц составила 14,12 %. В 1922 году поступило 37 180 дел, оконченными из которых в судебном заседании оказалось 12 024 дела (32,33 %). По оконченным по существу уголовным делам было оправдано 2 752 чел., осуждено – 20 987 чел. [21, с. 80]. В рамках оконченных производством дел доля оправданных лиц составила 11,59 %.

Определенные изменения в регламентацию института освобождения от уголовной ответственности были внесены с принятием Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года, в том числе в ст. 10 указывалось на невозможность возбуждения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности. В соответствии с примечанием 1 к ст. 10 союзные республики имели право устанавливать понижение давностных сроков по отдельным видам преступлений. В примечании 3 к ст. 10 применение давности в каждом случае предоставлялось на усмотрение суда в случаях привлечения к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против революционного движения и рабочего класса, проявленную на особо секретных или ответственных должностях при царском строе, а также в случае совершения контрреволюционного преступления¹⁵.

В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 года устанавливалось, что возбужденное дело подлежит прекращению на всякой стадии процесса, в том числе по одному из следующих оснований: 1) в связи с истечением срока давности; 2) в случае примирения обвиняемого с потерпевшим в особо предусмотренных законодательством союзных республик случаях; 3) при отсутствии жалобы потерпевшего по возбуждаемым по жалобе потерпевшего делам, за исключением случаев, когда прокуратура признает необходимым возбуждение дела по собственной инициативе; вследствие акта об амнистии ЦИК СССР либо ЦИК союзных республик¹⁶.

Следующим этапом в развитии института освобождения от уголовной ответственности стало принятие Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 9 февраля 1925 г. «О дополнении Уголовно-процессуального кодекса статьями 4-А, 203-А, 222-А», в соответствии с которым суд и прокурор наделены были правом отказа в возбуждении уголовного преследования, прекращения уголовного дела производством в случаях,

¹⁵ СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

¹⁶ СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности, содержащее предусмотренные УК РСФСР признаки преступления, не могло быть признанным общественно опасным ввиду незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно вследствие нецелесообразности возбуждения уголовного дела либо дальнейшего его производства¹⁷.

Происходящие изменения в законодательстве вызвали неоднозначную оценку со стороны представителей научных кругов и практиков, в том числе Э. Я. Немировского, А. А. Пионтковского, А. Н. Трайнина, Б. С. Утевского, А. Я. Эстрина и др. По мнению исследователей, смерть преступника, примирение, давность и помилование следовало отнести к обстоятельствам, погашающим наказание [21, с. 218–222; 22, с. 231–235; 23, с. 96–110].

Результатом многолетней научно-исследовательской и правотворческой работы стало появление новой редакции УК РСФСР 1926 года, в которой в рамках раздела 2 Общей части использованию и разграничению стали подлежать понятия «ответственность» и «уголовная ответственность»¹⁸. Если в ст. 3–4 УК РСФСР законодатель оперировал понятием «ответственность», то в ст. 5 УК РСФСР впервые на законодательном уровне закреплялось понятие «уголовная ответственность». Законодательное оформление института – «уголовная ответственность» – создало предпосылки для регламентации в уголовном законе оснований освобождения от нее. Согласно ст. 8 УК РСФСР 1926 года конкретное действие, являвшееся в момент совершения преступлением, утратившее к моменту расследования или рассмотрения в суде характер общественно опасного в силу факта изменения социально-политической обстановки, не влекло применения к его осуществившему мер социальной защиты. В УК РСФСР в редакции 1926 года также была установлена «невозможность» осуществления уголовного преследования в связи с истечением срока давности (ст. 14)¹⁹.

В условиях военного времени с принятием Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 июля 1943 г. рассмотрение уголовных дел о преступлениях, не представлявших особой злостности, подлежало приостановлению вследствие призыва обвиняемых в армию или на флот. Основанием для прекращения данной категории дел являлась «беспорочная» служба в Красной Армии либо Военно-Морском Флоте. Вследствие этого обвиняемый утрачивал общественную опасность и подлежал освобождению от наказания на основании ст. 8 УК РСФСР. Последовательной реализации поощрительного потенциала уголовно-правовых норм способствовало принятие Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1943 г. Согласно данному постановлению приговоры в отношении осужденных заочно по делам о самовольном уходе с предприятий и учреждений в порядке надзора подлежали отмене с прекращением дела на основании ст. 8 УК РСФСР. Одновременно отмечалась возможность освобождения от наказания или замены лишения свободы условным осуждением инвалидам Великой Отечественной войны, уволенным из действующей

¹⁷ СУ РСФСР. 1925. № 9. Ст. 68.

¹⁸ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

¹⁹ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

армии. Суд при отсутствии ходатайства военного командования по заявлению осужденного или по представлению прокурора наделялся правом вынесения соответствующего определения, исключавшего отбывание назначенной меры наказания.

С принятием новой редакции 1926 года (ред. 1 июля 1950 г.) УК РСФСР законодатель вновь оперирует понятием освобождение от уголовной ответственности. Так, в статье 8 указывалось, что, если конкретное действие, являвшееся в момент совершения его, согласно ст. 6 УК РСФСР, преступлением к моменту расследования его или рассмотрения в суде потеряло характер общественно-опасного вследствие изменения уголовного закона или в силу факта изменившейся социально-политической обстановки, либо если лицо, его совершившее, по мнению суда, к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным, указанное действие не влечет применения меры социальной защиты к совершившему его лицу. Примечательно, что право полного или частичного освобождения осужденного от мер социальной защиты сверх предусмотренных настоящим кодексом случаев принадлежало в отношении приговоров всех судебных органов РСФСР исключительно Президиуму ВЦИК (ст. 52)²⁰. Предложенная модель регламентации института освобождения от уголовной ответственности получила преемственность в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, определяющих его значение для достижения целей уголовно-правового регулирования [24, с. 366].

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что интенсификация научной и правотворческой деятельности в 20-х гг. XX в. предопределила формирование институтов уголовного права и последовательную их законодательную регламентацию в национальном праве.

Возникновение института освобождения от уголовной ответственности обусловлено выделением уголовного права как самостоятельной отрасли права, институциональной основой которой являются такие базовые категории, как преступление и наказание. Вследствие этого на ранних этапах уголовно-правового регулирования пристальное внимание законодателя акцентировалось на определении мер уголовно-правового воздействия, ведущая роль среди которых отведена наказанию. Определяя виды наказания и основания их реализации, законодатель устанавливает и основания освобождения от наказания. В качестве предпосылки введения института освобождения от наказания и особенностей его законодательной регламентации на разных этапах историко-правового развития российской государственности можно определить направленность уголовно-правовой политики на обеспечение интересов определенной категории лиц.

Впоследствии в процессе развития научных знаний о преступлении и наказании в основу института освобождения от наказания легли правовые постулаты, разработанные в период Просвещения о целях уголовного наказания, формах и методах его реализации. Детальному анализу в данный период подлежал

²⁰ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с.

юридический инструментарий, позволяющий достичь цель, связанную с предупреждением преступности, путем уменьшения роли карательной репрессии и расширения применения воспитательных механизмов.

В ходе развития советской уголовно-правовой доктрины и анализа правоприменительной деятельности в первые годы советского государственно-правового строительства были разработаны научные основы, способствующие введению института уголовной ответственности, соотносимого с уголовным наказанием как общее и частное. Данный подход ориентировал ученых и законодателя на разработку дефиниций понятий «уголовная ответственность» и «уголовное наказание» с указанием их отличительных признаков и свойств. Разграничение данных институтов как самостоятельных элементов в механизме уголовно-правового регулирования предопределило формирование двух самостоятельных институтов – «освобождение от уголовной ответственности» и «освобождение от уголовного наказания». Разработка в доктрине уголовного права понятия «основания привлечения к уголовной ответственности» повлекла необходимость аргументации целесообразности установления оснований освобождения от данной формы уголовно-правового воздействия. Вследствие этого одним из спорных вопросов в науке уголовного права с учетом законодательной формулы регламентации остается вопрос, касающийся «оснований» и «видов» освобождения от уголовной ответственности. Решение данного вопроса на доктринальном уровне позволит обосновать применяемый законодателем инструментарий в контексте принципов юридической ответственности, среди которых значимое место отводится неотвратимости, справедливости и соразмерности налагаемых лишений и ограничений в отношении лица, совершившего преступное деяние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова, И. А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательстве и судебной практике : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 226 с.
2. Кауфман, М. А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 143–156.
3. Матвеева, Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно правового конфликта : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. 222 с.
4. Пудовочкин, Ю. Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 12. Вып. 3. 2021. С. 584–603.
5. Силантьев, С. А. Освобождение от уголовной ответственности как средство ее дифференциации: общие и частные проблемы и пути их решения // Российско-Азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 84–89.
6. Principes généraux du droit pénal belge. Bookreader Item Preview by Haus, J. J. 1885. Paris, Thorin. 670 p.

7. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование П. И. Люблинского. СПб. : Сенатская типография, 1907. 363 с.
8. Dei delitti e delle pene di Cesare Beccaria. Prima edizione, 1764. 121 p.
9. О преступлениях и наказаниях. Перевел с французского А. Хрущов. В Санкт-Петербурге: В типографии И. Глазунова, 1806. 200 с.
10. Feuerbach, Paul Johann Anselm von: Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden Peinlichen Rechts. Giessen, 1801. 563 p.
11. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. 662 с.
12. Учебник уголовного права профессора П. Д. Калмыкова. Изданный А. Любавским. Часть Общая. СПб. : Типография Товарищества «Общественная Польза», 1866. 535 с.
13. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Ординарного профессора Университета св. Владимира Л. С. Белогриц-Котляревского. Киев : Типо-литография И. И. Чоколова, 1903. 618 с.
14. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. II. Тула : Автограф, 2001. 688 с.
15. Берман Я. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1 (11). С. 47-78.
16. Курский Д. Из практики народного суда // Пролетарская революция и право. 1919. № 1 (11). С. 29-35.
17. Тарновский, Е. Движение преступности в пределах РСФСР по сведениям местных судов за 1919-20 гг. // Пролетарская революция и право. 1921. № 15. С. 4-12.
18. Тарновский Е. Судебная репрессия в цифрах // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44-45. С. 43-44.
19. Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК за время с 1 января по 1 октября 1922 года: С приложением форм и образцов актов предварительного следствия / РСФСР. М. : Изд. Управления судебного надзора Верховного трибунала ВЦИК. 1922. 135 с.
20. Труды Центрального статистического управления. Т. XVIII. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923 / Ред. М. Красильников. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1924. 85 с.
21. Немировский, Э. Я. Советское уголовное право. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного Кодекса СССР. Ч. Общая и Особенная. Одесса, 1924. 292 с.
22. Пионтковский, А. А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. М. : Государственное издательство, 1924. 235 с.
23. Крыленко, Н. В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Часть третья. Основы уголовного материального права. М., Л. : Государственное издательство, 1930. 184 с.
24. Авдеев, В. А. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М. : Буки Веди, 2023. 472 с.

REFERENCES

1. Efremova, I. A. Institut osvobozhdeniya ot nakazaniya v teorii ugolovnogogo prava, zakonodatel'stve i sudebnoj praktike : dis. ... kand. jurid. nauk [The institute of exemption from punishment in the theory of criminal law, legislation, and judicial practice: dissertation ... for the degree of Candidate of Legal Sciences]. Saratov, 2018, 226 p. (In Russ.).
2. Kaufman, M. A. K voprosu ob osnovanii osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti [On the Issue of Grounds for Exemption from Criminal Liability]. ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2021, vol. 25, no. 1, pp. 143-156. (In Russ.).
3. Matveeva, Ya. M. Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti v rossijskom ugolovnom prave: modernizaciya i poisk al'ternativnyh sposobov uregulirovaniya ugolovno pravovogo konflikta : dis. ... kand. jurid. nauk [The institute of exemption from criminal liability in Russian criminal law: modernization and search for alternative ways to resolve criminal-law conflicts: dissertation ... for the degree of Candidate of Legal Sciences]. St. Petersburg, 2016, 222 p. (In Russ.).
4. Pudovochkin, Yu. E. Teoreticheskie voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti [Theoretical issues of improving legislation on exemption from criminal liability]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Vestnik of Saint Petersburg University. vol. 12, no. 3, 2021, pp. 584-603. (In Russ.).
5. Silantyev, S. A. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti kak sredstvo ee differenciacii: obshchie i chastnye problemy i puti ih resheniya [Release from criminal liability as a means of its differentiation: general and specific problems and ways to solve them]. Rossijsko-Aziatskij pravovoj zhurnal – Russian-Asian Law Journal. 2024, no. 4, pp. 84-89. (In Russ.).
6. Principes généraux du droit pénal belge. Bookreader Item Preview by Haus, J. J. 1885. Paris, Thorin. 670 p.
7. Pravo amnistii: istoriko-dogmaticheskoe i politicheskoe issledovanie P. I. Lyublinskogo [The Right of Amnesty: Historical-Dogmatic and Political Study by P. I. Lyublinsky]. St. Petersburg: Senate Printing House, 1907, 363 p. (In Russ.).
8. Dei delitti e delle pene di Cesare Beccaria. Prima edizione, 1764, 121 p.
9. O prestupleniyah i nakazaniyah. Perevel s francuzskogo A. Hrushchov. V Sankt-Peterburge: V tipografii I. Glazunova [On Crimes and Punishments. Translated from French by A. Khrushchev. In Saint Petersburg: At the printing house of I. Glazunov], 1806, 200 p. (In Russ.).
10. Feuerbach, Paul Johann Anselm von: Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltenden Peinlichen Rechts. Giessen, 1801. 563 p. (In Russ.).
11. Lokhvitsky, A. Kurs russkogo ugolovnogogo prava [Course of Russian Criminal Law]. St. Petersburg, 1867, 662 p. (In Russ.).
12. Uchebnik ugolovnogogo prava professora P. D. Kalmykova. Izdannyj A. Lyubavskim. CHast' Obshchaya [Textbook of Criminal Law by Professor P. D. Kalmykov. Published by A. Lyubavsky. General Part]. St. Petersburg: Printing House of the Partnership “Public Benefit”, 1866, 535 p. (In Russ.).
13. Uchebnik russkogo ugolovnogogo prava. Obshchaya i Osobennaya chasti. Ordinarnogo professora Universiteta sv. Vladimira L. S. Belogric-Kotlyarevskogo [Textbook

of Russian Criminal Law. General and Special Parts. By Ordinary Professor of St. Vladimir University L. S. Belogrity-Kotlyarevsky]. Kyiv : I. I. Chokolov Printing House, 1903, 618 p. (In Russ.).

14. Tagantsev, N. S. Russkoe ugovnoe pravo. CHast' Obshchaya. T. II. [Russian Criminal Law. General Part. Vol. II]. Tula: Autograph, 2001, 688 p. (In Russ.).

15. Berman, Ya. O revolyucionnyh tribunalah [On Revolutionary Tribunals]. Proletarskaya revolyuciya i pravo – Proletarian Revolution and Law. 1919, vol. 11, no. 1, pp. 47-78. (In Russ.).

16. Kursky, D. Iz praktiki narodnogo suda [From the practice of the people's court]. Proletarskaya revolyuciya i pravo – Proletarian Revolution and Law. 1919, vol. 11, no. 1, (11). pp. 29-35. (In Russ.).

17. Tarnovsky, E. Dvizhenie prestupnosti v predelakh RSFSR po svedeniyam mestnyh sudov za 1919-20 gg. [Crime trends within the RSFSR according to the data of local courts for 1919-20]. Proletarskaya revolyuciya i pravo – Proletarian Revolution and Law. 1921, no. 15, pp. 4-12. (In Russ.).

18. Tarnovsky, E. Sudebnaya repressiya v cifrah [Judicial repression in figures]. Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii – Weekly of Soviet Justice. 1922, no. 44-45, pp. 43-44. (In Russ.).

19. Sbornik cirkulyarov Verhovnogo tribunala VCIK za vremya s 1 yanvarya po 1 oktyabrya 1922 goda: S prilozheniem form i obrazcov aktov predvaritel'nogo sledstviya [Collection of circulars of the Supreme Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee for the period from January 1 to October 1, 1922: With the attachment of forms and samples of preliminary investigation acts]. Moscow : Publishing House of the Department of Judicial Supervision of the Supreme Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee, 1922, 135 p. (In Russ.).

20. Trudy Central'nogo statisticheskogo upravleniya. T. XVIII. Sbornik statisticheskikh svedenij po Soyuzu SSR. 1918-1923 / Red. M. Krasil'nikov [Works of the Central Statistical Administration. Vol. XVIII. Collection of statistical data on the USSR. 1918-1923 / Ed. M. Krasilnikov]. Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1924, 85 p. (In Russ.).

21. Nemirovsky, E. Ya. Sovetskoe ugovnoe pravo. Posobie k izucheniyu nauki ugovnogo prava i dejstvuyushchego Ugolvnogo Kodeksa SSSR. CH. Obshchaya i Osobennaya [Soviet Criminal Law. A manual for studying the science of criminal law and the current Criminal Code of the USSR. Part. General and Special]. Odessa, 1924, 292 p. (In Russ.).

22. Piontkovsky, A. A. Ugolovnoe pravo RSFSR. Obshchaya chast' [Criminal Law of the RSFSR. General Part]. Moscow : State Publishing House, 1924, 235 p. (In Russ.).

23. Krylenko, N. V. Sud i pravo v SSSR: teoreticheskij i prakticheskij kommentarij k osnovam sudoustrojstva, sudoproizvodstva i material'nogo ugovnogo prava SSSR. CHast' tret'ya. Osnovy ugovnogo material'nogo prava [Court and Law in the USSR: Theoretical and Practical Commentary on the Fundamentals of the Judiciary, Legal Proceedings, and Substantive Criminal Law of the USSR. Part Three. Fundamentals of Substantive Criminal Law]. Moscow, Leningrad : State Publishing House, 1930, 184 p. (In Russ.).

24. Avdeev, V. A. Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lekcij [Russian Criminal Law. General Part. Lecture Course. In 3 vols. Vol. 2. Part 2]. Moscow : Bukey Vedy, 2023, 472 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авдеев Вадим Авдеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы права. Югорский государственный университет. 828012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16. ORCID: 0000-0002-8614-6996

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Avdeev Vadim Avdeevich, Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of the Higher School of Law. Yugra State University. 16 Chekhov St, Khanty Mansiysk, 828012. ORCID: 0000-0002-8614-6996

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 30.01.2026. The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 153-167.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 153-167.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
 (юридические науки)**

**Научная статья
 УДК 343.1**

**ОСНОВАНИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ
 ИЗ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЙ:
 СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
 И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Вастьянова Олеся Дмитриевна

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация,
 vas11Le88@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются основания возвращения уголовных дел из апелляционной и кассационной инстанций в соответствии со ст. 237 УПК РФ с учетом различий процессуальных функций и задач, стоящих перед этими судебными инстанциями. Анализ судебной практики показывает, что суды апелляционной инстанции обладают более широкими полномочиями по возвращению дела прокурору, включая основания, связанные с устранением процессуальных нарушений и необходимостью изменения квалификации деяния, тогда как кассационные суды ограничены рассмотрением законности и обоснованности судебных решений, возвращая дела преимущественно при выявлении существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Материалы и методы. В основе исследования лежат уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в части регулирования возвращения уголовных дел прокурору (ст. 237 УПК РФ, гл. 34 УПК РФ), постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (в т. ч. от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору»), а также материалы судебной практики и научная литература по проблемам реализации судебно-контрольных полномочий за законностью предварительного расследования. Методология включает сравнительно-правовой метод для сопоставления полномочий апелляционной и кассационной инстанций по основаниям и процедуре возврата, системный подход к классификации оснований возврата как единого институционального комплекса, эмпирический анализ судебной практики по частоте и критериям возвратов, формально-юридический метод для толкования норм ст. 237 УПК РФ с учетом их места в структуре судопроизводства. Достоверность обеспечивается репрезентативностью материалов и преемственностью с доктринальными разработками по теме.

Результаты исследования. Анализ ст. 237 УПК РФ и судебной практики выявил существенные различия в основаниях и процедуре возвращения уголовного дела прокурору из апелляционной и кассационной инстанций, отражающих специфику их процессуальных функций. Апелляционная инстанция осуществляет комплексный контроль, включая фактические и квалификационные аспекты, с широким спектром оснований (ошибки в обвинительном акте, процессуальные нарушения), высокой частотой возврата и возможностью инициативы сторон или суда. Суды кассационной инстанции ограничены проверкой законности вступивших в силу решений, в связи с чем возвращение уголовных дел прокурору применяется ими сравнительно редко и только при грубых нарушениях УПК РФ, препятствующих осуществлению правосудия.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило подготовить конкретные предложения по совершенствованию процедуры возвращения уголовных дел прокурору. Различия в подходах апелляционной и кассационной инстанций отражают дифференцированный судебный контроль: апелляция обеспечивает всестороннюю проверку с учетом фактических аспектов, кассация – судебный контроль за законностью вступивших в силу решений.

Необходимы разработка механизмов оперативного устранения процессуальных нарушений непосредственно в судебном заседании (особенно в апелляции) для сокращения числа возвращенных уголовных дел, институциональное совершенствование досудебного производства и дополнительные разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Реализация этих мер повысит эффективность уголовного судопроизводства, обеспечит разумные сроки и усилит защиту прав всех участников процесса.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, апелляционная инстанция, кассационная инстанция, процессуальные нарушения, ст. 237 УПК РФ, судебная практика, квалификация деяния, уголовное судопроизводство

Для цитирования. Вастьянова, О. Д. Основания возвращения уголовного дела прокурору из апелляционной и кассационной инстанции: сравнительно-правовой анализ и практические аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 153-167.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

GROUNDS FOR REMANDING CRIMINAL CASES TO THE PROSECUTOR FROM APPELLATE AND CASSATION COURTS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS AND PRACTICAL ASPECTS

Olesya D. Vastyanova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation, vas11Le88@mail.ru

Introduction. The article examines the grounds for remanding criminal cases to the prosecutor from appellate and cassation courts in accordance with Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, considering the distinct procedural functions and

objectives of these judicial stages. Analysis of judicial practice reveals that appellate courts possess broader powers to remand cases, including grounds for rectifying procedural violations and the necessity of reclassifying the offense. In contrast, cassation courts are limited to reviewing the legality and merits of judicial decisions, remanding cases primarily upon the detection of material violations of criminal procedure law.

Materials and Methods. The normative basis of the study comprises Russian criminal procedure legislation governing the remand of criminal cases to the prosecutor (Article 237 and Chapter 34 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), as well as Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (including Resolution No. 39, dated December 17, 2024, "On the Judicial Practice of Applying Criminal Procedure Norms on Remanding Cases to the Prosecutor"). The study also incorporates summaries of judicial practice and scholarly literature on procedural violations and judicial oversight. The methodology employs: a comparative legal method to contrast the powers of appellate and cassation courts regarding the grounds and procedures for remand; a systematic approach to classify these grounds as a unified legal institution; an empirical analysis of judicial practice to evaluate the frequency and criteria for remands; and a formal-legal (doctrinal) method to interpret Article 237 within the broader structure of criminal proceedings. Reliability is ensured by the representativeness of the materials and their continuity with established doctrinal developments in the field.

The Results of the Study. Analysis of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and judicial practice reveals significant differences in the grounds and procedures for remanding criminal cases to the prosecutor from appellate and cassation courts, reflecting their distinct procedural functions. The appellate court performs comprehensive oversight, encompassing both factual and legal qualification aspects. It operates with a broad range of grounds (e.g., errors in the indictment, procedural violations), a high frequency of remands, and the possibility of the court or the parties initiating the process. In contrast, cassation courts are limited to reviewing the legality of final (enforceable) decisions; consequently, they remand cases to the prosecutor only in exceptional cases involving gross violations of criminal procedure law that impede the administration of justice.

Findings and Conclusions. The research has yielded specific proposals for improving the procedure for remanding criminal cases to the prosecutor. The differing approaches of appellate and cassation courts reflect a system of differentiated judicial review: the appellate stage provides a comprehensive assessment, including factual aspects, while the cassation stage focuses on oversight of the legality of final (enforceable) decisions.

To reduce the frequency of remands, it is essential to develop mechanisms for the prompt rectification of procedural violations directly during court hearings (particularly at the appellate level). Additionally, institutional improvements in pre-trial proceedings and further clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are required. The implementation of these measures will enhance the efficiency of criminal justice, ensure reasonable time limits (speedy trial), and strengthen the protection of the rights of all parties to the proceedings.

Keywords: return of criminal case, appellate instance, cassation instance, procedural violations, Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, judicial practice, qualification of offense, criminal proceedings

For citation: Vastyanova, O. D. *Osnovaniya vozvrashcheniya ugovnogo dela prokuroru iz apellyacionnoj i kassacionnoj instancij: sravnitel'no-pravovoj analiz i prakticheskie aspekty* [Grounds for remanding criminal cases to the prosecutor from appellate and cassation courts: a comparative legal analysis and practical aspects]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 153-167. (In Russ.).

Возвращение уголовного дела прокурору на различных этапах судебного разбирательства является важным процессуальным средством обеспечения законности и обоснованности судебных решений по уголовным делам [1, с. 57]. Несмотря на то, что законодателем предусмотрена возможность возвращения уголовных дел прокурору не только судом первой, но и апелляционной, кассационной инстанций, а также Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, рассматривающим уголовные дела в порядке надзора, основания и порядок их возвращения имеют принципиальные отличия, обусловленные специфическими процессуальными задачами и условиями, характерными для каждой из проверочных судебных инстанций. В представленной статье мы постараемся охарактеризовать особенности правового регулирования и процессуальной реализации акта возвращения дела прокурору на стадиях апелляционного и кассационного пересмотра судебных решений по уголовным делам, а также проанализировать их практическое значение для обеспечения справедливого и эффективного правосудия. Полученные результаты, по нашему мнению, должны способствовать более глубокому пониманию института возвращения уголовного дела прокурору и могут быть использованы при совершенствовании процессуального законодательства и судебной практики.

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 389.20 и п. 3 ч. 1 ст. 401.14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) суды апелляционной и кассационной инстанций по итогам рассмотрения жалобы или представления вправе вернуть уголовное дело прокурору. Процессуальная природа этого акта в целом схожа с актом возвращения уголовного дела прокурору судом первой инстанции по итогам предварительного слушания. Однако, если для данной формы судебной деятельности ст. 237 УПК РФ определяет основания возвращения уголовного дела, то для судов апелляционной и кассационной инстанции такого указания нет. В то же время, если исходить из единства процессуальной основы этого акта на разных судебных стадиях производства по уголовному делу, можно предположить, что в целом основания, предусмотренные ст. 237 УПК РФ, в равной степени распространяются на все судебные стадии, за редким исключением. В частности, суды вышестоящих инстанций не вправе возвращать дело по основаниям, связанным с рассмотрением дела в сокращенной форме, а также в связи с отменой судебных решений по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Таким образом, в отличие от суда первой инстанции, который может использовать девять предусмотренных законом оснований для

возвращения дела прокурору, вышестоящие судебные инстанции – апелляционная и кассационная – ограничены лишь семью из них.

Так, в качестве оснований для возвращения уголовного дела прокурору в апелляционном и кассационном судах могут выступать нарушения, допущенные при составлении обвинительного заключения, соединение нескольких уголовных дел при отсутствии законных оснований для этого, отсутствие необходимых процессуальных документов, а также иные нарушения, препятствующие рассмотрению уголовного дела по существу.

Важно также подчеркнуть процессуальную разницу в порядке возвращения дела. В суде первой инстанции возвращение дела прокурору происходит без отмены решения о назначении судебного разбирательства, принятого в предварительном слушании. На стадиях же апелляционного, кассационного производства возвращение дела прокурору всегда сопровождается отменой решения [2, с. 10], которым дело было назначено к судебному разбирательству, что свидетельствует о существенном характере выявленных нарушений и невозможности их устранения в рамках текущей судебной процедуры. Это подчеркивает особое значение стадии подготовки к судебному заседанию и необходимость тщательной проверки соответствия обвинительного заключения требованиям закона.

Возвращение дела из апелляционной и кассационной инстанций, как правило, связано с необходимостью устранения более грубых процессуальных нарушений, которые не были выявлены или устранены в суде первой инстанции. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г.¹ подчеркивается, что решение о возвращении дела должно быть мотивированным и обеспечивать устранение препятствий, которые исключают возможность вынесения законного и справедливого решения.

В апелляционной и кассационной инстанциях суды, в сравнении с судами первой инстанции, более строго оценивают наличие оснований для возвращения дела с учетом того, что повторное возвращение дела может затягивать процесс и нарушать требование разумности сроков уголовного судопроизводства. При этом суд обязан подробно указать в постановлении (определении) основания возвращения, мотивы и конкретные нарушения уголовно-процессуального законодательства, требующие устранения.

Кроме этого, в указанном выше постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации подчеркивается, что возвращение уголовного дела прокурору должно рассматриваться как исключительная мера, применяемая лишь при наличии препятствий для вынесения обоснованного судебного решения, которые не могут быть устранены в ходе судебного заседания. Такой подход способствует обеспечению законности и справедливости судебного разбирательства, снижая вероятность судебных ошибок и повышая качество рассмотрения уголовных дел [3, с. 54–57].

¹ О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. С. 2–25.

Таким образом, особенности и ограничения возвращения уголовного дела на апелляционной и кассационной стадиях отражают комплексный и сбалансированный подход к обеспечению эффективного правосудия и защите прав участников уголовного судопроизводства.

Исходя из положений ст. 237 УПК РФ, судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, можно выделить ключевые основания для возвращения уголовного дела прокурору из апелляционной инстанции.

1. Обвинительный документ (обвинительные заключение, постановление, акт) составлен с существенными нарушениями уголовно-процессуального законодательства, исключающими возможность рассмотрения дела по существу. К таким нарушениям относятся, в частности, отсутствие копии обвинительного заключения у обвиняемого, несоблюдение сроков предъявления обвинения, отсутствие необходимых подписей и реквизитов, а также ошибки в квалификации деяния.

2. На стадии апелляционного рассмотрения выявлено, что в отношении одного обвиняемого возбуждено несколько уголовных дел, что затрудняет их всестороннее и правильное рассмотрение. В таком случае дело подлежит возвращению прокурору с целью их соединения в одно производство или принятия иного процессуального решения.

3. Имеет место нарушение прав обвиняемого в досудебном производстве, включая нарушения права на защиту, непредставление переводчика, неуведомление потерпевшего, нарушение подследственности, проведение предварительного следствия вместо дознания и другие процессуальные нарушения, которые исключают возможность вынесения законного решения.

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отраженные в постановлении от 17 декабря 2024 г., существенно расширяют полномочия суда апелляционной инстанции, позволяя ему отменять приговор и возвращать дело прокурору для переквалификации деяния по статье Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей более тяжкое преступление, даже при отсутствии соответствующего представления со стороны прокурора. Это допустимо, если апелляционная инстанция обнаружила основания для более тяжкой квалификации, не замеченные нижестоящим судом и обвинением.

А. Н. Халиковым предложен порядок, предусматривающий инициацию ходатайства судом, прокурором или иными представителями стороны обвинения о предъявлении более тяжкого обвинения с последующей передачей дела прокурору для принятия решения о его предъявлении (или непредъявлении) и с последующей передачей дела в суд [4, с. 27–28], который представляется, на первый взгляд, разумным и направленным на соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон. По мнению автора, такой порядок безусловно, мог бы обеспечить более тщательное и всестороннее рассмотрение вопроса о возможной переквалификации действий (бездействия) подсудимого.

Однако, по нашему мнению, он обладает рядом существенных недостатков, которые делают его неприменимым на практике.

Во-первых, чрезмерно усложняет и затягивает процесс производства по уголовному делу. Необходимость переноса на более поздний срок судебного разбирательства для рассмотрения прокурором вопроса о предъявлении более тяжкого обвинения и последующее ознакомление с ним заинтересованных участников – это дополнительные этапы, которые неоправданно увеличивают сроки рассмотрения дела, что противоречит принципу разумности сроков уголовного судопроизводства.

Во-вторых, создает риск злоупотреблений со стороны суда. Инициирование судом ходатайства о предъявлении более тяжкого обвинения может быть воспринято как косвенное указание прокурору на необходимость изменения обвинения, что нарушает принцип независимости прокурора и его дискреционных полномочий в сфере уголовного преследования.

Таким образом, при всей привлекательности идеи обеспечения более тщательного рассмотрения вопроса о возможной переквалификации предложенный А. Н. Халиковым порядок представляется чрезмерно сложным. В этой связи существующая практика, основанная на разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, представляется более эффективной и целесообразной, поскольку демонстрирует возможность оперативно реагировать на выявленные в ходе рассмотрения уголовного дела апелляционной инстанцией ошибки и недостатки, способствуя тем самым достижению целей правосудия.

Подчеркнем также, что важным обстоятельством для принятия решения о возвращении дела прокурору является установление неустранимости выявленных нарушений именно в рамках судебного заседания. В силу своей природы судебное разбирательство предполагает процессуальную экономию и концентрацию усилий на исследовании представленных сторонами доказательств и проверке законности и обоснованности обвинения. Оно не является продолжением или заменой предварительного расследования и не может использоваться для восполнения его пробелов или исправления допущенных ошибок, требующих проведения дополнительных следственных действий.

В контексте определения «неустранимости» нарушений представляется обоснованной позиция Л. Р. Муллагалеевой, предлагающей понимать под существенными нарушениями такие нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, которые могут повлечь:

1. Лишение или ограничение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Нарушения прав обвиняемого (подсудимого), потерпевшего, защитника и иных участников процесса, допущенные на стадии предварительного расследования и имеющие существенное значение для установления истины по делу, не могут быть устранены путем простого заявления ходатайств или исследования имеющихся в деле доказательств. В подобных случаях требуется проведение дополнительных следственных действий, направленных на восстановление нарушенных прав, что выходит за рамки компетенции суда.

2. Признание доказательств недопустимыми. Недопустимость доказательств, обусловленная нарушениями законодательства при их получении, является серьезным препятствием для вынесения законного и обоснованного приговора. Если характер

нарушений (например, применение незаконных методов допроса) требует проведения дополнительных следственных действий для проверки добровольности и достоверности показаний, полученных с нарушением законодательства, устранение такого недостатка в судебном заседании невозможно.

3. Неправильную квалификацию преступного деяния [5, с. 10]. Несоответствие предъявленного обвинения фактическим обстоятельствам дела, требующее переквалификации действий обвиняемого на статью, предусматривающую более тяжкое или более мягкое наказание, может потребовать проведения дополнительных следственных действий, направленных на установление новых обстоятельств, влияющих на юридическую оценку содеянного. Изменяя квалификацию, суд выходит за рамки своих полномочий, фактически выполняя функции предварительного расследования, что противоречит принципу разделения властей².

Именно это обстоятельство стало одной из причин отказа от института дополнительного расследования при направлении уголовного дела в суд. А. В. Победкин в своей монографии подчеркнул принципиальность позиции Конституционного Суда Российской Федерации, вернувшего в уголовно-процессуальное право институт возвращения уголовного дела прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального закона, не позволяющих рассмотреть уголовное дело в судебном заседании [6, с. 23].

В то же время устранение любых нарушений закона, способных повлиять на интересы участников процесса и, как следствие, на выводы суда, является необходимым. Если исправить эти нарушения в ходе судебного разбирательства невозможно, требуется создание эффективных механизмов для их устранения на предшествующих стадиях.

А. А. Тришева обоснованно указывает на то, что несмотря на отказ от института дополнительного расследования в судебных стадиях, проблема устранения процессуальных нарушений, допущенных на этапе предварительного расследования, остается актуальной. Исследователь подчеркивает необходимость поиска эффективных механизмов для исправления этих ошибок, так как они могут влиять на ход судебного разбирательства и принятие итогового решения. В качестве возможного решения предлагается рассмотрение возможности введения института следственных судей, которые могли бы осуществлять проверку законности и обоснованности уголовного преследования [7, с. 55].

Таким образом, неустранимость нарушений обуславливает невозможность восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства,

² Нормы закона, наделявшие суд правом возвращать уголовное дело для дополнительного расследования, уже становились предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который в своем постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П признал их противоречащими статьям 10, 118 и 123 Конституции Российской Федерации. Эти статьи гарантируют разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, а значит, недопустимо возлагать на судебную власть функции, несовместимые с ее исключительной прерогативой – осуществлением правосудия.

восполнения пробелов предварительного расследования или исправления ошибок исключительно в рамках судебного заседания без проведения дополнительных следственных действий. Оценка возможности устранения нарушений должна осуществляться судом с учетом основополагающих принципов уголовного судопроизводства: законности, состязательности сторон, презумпции невиновности и обеспечения права на защиту [8, с. 234]. В случае, если устранение нарушений требует проведения следственных действий, выходящих за рамки полномочий суда, возвращение уголовного дела прокурору является единственно возможным способом обеспечения законности и справедливости судебного разбирательства.

Показательны примеры возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, когда апелляционный суд выявляет существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства, допущенные на стадии предварительного расследования, что соответствует требованиям ст. 389.17 и 389.22 УПК РФ. Ключевым основанием для отмены приговора в таких случаях становится признание обвинительного заключения составленным с нарушением требований ст. 220 УПК РФ, что, согласно п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, исключает возможность вынесения законного и обоснованного приговора. Так, описание преступного деяния и размер ущерба могут содержать противоречия: несоответствие между фактическими обстоятельствами, установленными судом первой инстанции, и предъявленным обвинением. Например, в описании преступного деяния и при определении размера ущерба содержались противоречия: из перечисленных в оплату договора 8 261 815,22 руб. работы не были выполнены на сумму 1 014 960,17 руб., что не соответствовало размеру ущерба, предъявленному в обвинении: «хищение путем присвоения 414 960,17 руб.». Такая неясность в определении размера ущерба указывает на неполноту и неточность обвинения³. Кроме того, суд апелляционной инстанции даже при отсутствии ходатайства со стороны прокурора может выявить возможные признаки совершения более тяжкого преступления. Совокупность этих факторов – несоответствие между фактическими обстоятельствами дела и предъявленным обвинением, неясность в определении размера ущерба и признаки более тяжкого преступления – препятствует всестороннему и объективному рассмотрению дела, нарушает право обвиняемого на защиту и не может быть устранена в судебном заседании. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ при наличии таких препятствий дело подлежит возвращению прокурору для устранения выявленных недостатков, что обеспечивает соблюдение принципов законности и справедливости уголовного судопроизводства и способствует своевременному отправлению правосудия.

Из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П следует, что по смыслу п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ во взаимосвязи с пп. 2–5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, а также со ст. 215, 220, 221, 225 и 226 УПК РФ возвращение дела прокурору в случае нарушений требований УПК РФ при составлении обвинительного заключения (обвинительного акта) может иметь место по ходатайству стороны или по инициативе самого суда в том числе, и в случае, если это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного

³ Архив Красноярского краевого суда, дело № 22-453/2025 от 23 января 2025 г.

судопроизводства, устранения допущенных на досудебных стадиях нарушений, которые невозможно устранить иным путем в ходе судебного разбирательства. Подобные нарушения в досудебном производстве требований УПК РФ всегда свидетельствуют о несоответствии обвинительного заключения (обвинительного акта) требованиям УПК РФ.

Таким образом, практика применения статьи 237 УПК РФ в апелляционной инстанции ориентирована на устранение существенных процессуальных нарушений, препятствующих законному рассмотрению дела, а также на обеспечение правильной квалификации преступления.

Как отметил Конституционный суд Российской Федерации в своем определении от 27 февраля 2024 г. № 267-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Б. на нарушение ее конституционных прав положениями ст. 159 УК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 73 и п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ», УПК РФ не содержит положений, допускающих постановление обвинительного приговора на основе предположений. Подлежат доказыванию наряду с событием преступления характер и размер вреда, причиненного преступлением. Тем самым уголовно-процессуальное законодательство предусматривает обязанность органов публичного уголовного преследования точно установить ущерб от преступления, а также обязанность суда принять законный, обоснованный и мотивированный приговор, обеспеченный гарантиями его признания и исполнения, отразив в нем установленные в ходе рассмотрения уголовного дела характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Суды апелляционной инстанции часто возвращают дела прокурору из-за нарушений, которые можно устранить на стадии дополнительного расследования, например, отсутствие копии обвинительного заключения у обвиняемого, ошибки в квалификации преступления, отсутствие необходимых подписей или приложений. Такие основания возврата уголовного дела широко применяются апелляционными судами, поскольку они рассматривают дело по существу и могут выявлять нарушения, препятствующие законному рассмотрению.

Обоснованным представляется мнение О. В. Качаловой, предлагающей альтернативный вариант действий в случае установления факта невручения обвиняемому копии обвинительного акта. Суть данного подхода заключается в следующем: установив факт невручения копии обвинительного акта, если место пребывания лица известно и обеспечение его явки не представляет сложности, суд одновременно с назначением предварительного слушания извещает об этом прокурора в порядке ч. 2 ст. 234 УПК РФ за трое суток до дня проведения предварительного слушания, в рамках которого в присутствии суда впоследствии и вручает обвинительный акт [9].

Вместе с тем проблема возвращения уголовных дел из апелляционной инстанции по формальным основаниям требует комплексного решения. Альтернативные подходы к устранению процессуальных нарушений, как, например, предложенные О. В. Качаловой, могут способствовать оптимизации уголовного процесса, соблюдению прав участников и сокращению сроков рассмотрения дел. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку и

внедрение эффективных механизмов, позволяющих устранять процессуальные нарушения непосредственно в судебном заседании, когда это не влечет за собой нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Суд апелляционной инстанции, в рамках пересмотра дела по существу, наделен правом возвращения дела прокурору не только по ходатайству стороны обвинения, но и по собственной инициативе, даже при отсутствии ходатайства об изменении квалификации деяния на более тяжкое. Данная практика, подкреплённая судебными прецедентами и разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации направлена на устранение существенных процессуальных и фактических нарушений, препятствующих вынесению законного и обоснованного судебного решения. Таким образом, апелляционная инстанция осуществляет более широкий контроль за качеством предварительного расследования и соблюдением процессуальных норм.

В отличие от апелляционной, кассационная инстанция, осуществляющая проверку вступивших в законную силу судебных решений, фокусируется преимущественно на законности и обоснованности применения норм права и наличии существенных процессуальных нарушений. Возвращение дела прокурору из кассационной инстанции рассматривается как *ultima ratio*⁴, применяемая лишь при выявлении грубых процессуальных дефектов, препятствующих объективному рассмотрению дела по существу и не устранённых на предыдущих стадиях судопроизводства. Кассационный суд, в силу специфики своей компетенции, не пересматривает фактические обстоятельства дела, ограничиваясь анализом правовых аспектов вынесенных судебных актов.

Практика кассационных судов свидетельствует о том, что возвращение дела прокурору обусловлено наличием законодательно предусмотренных оснований и необходимостью проведения дополнительных следственных действий или внесения изменений в обвинительное заключение для устранения выявленных нарушений. При этом кассационная инстанция ограничена в возможности возвращения дела для переквалификации, если данный вопрос был разрешен в апелляционном порядке.

Пример из практики возвращения уголовного дела из кассационной инстанции представлен в определениях Второго кассационного суда общей юрисдикции, где указано, что уголовное дело возвращается прокурору, если, например, обвинительное заключение составлено с нарушениями процессуальных сроков или не подписано следователем⁵. Так, кассационный суд возвращает дело прокурору при выявлении нарушений, препятствующих постановлению приговора, например при нарушении сроков предварительного следствия или формальных требований к обвинительному

⁴ *Ultima ratio*. В переводе с латинского означает «последнее средство» или «последний довод».

⁵ Возвращение уголовного дела прокурору. Практика кассационных судов общей юрисдикции (2021–2024 гг.) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : сайт. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/vozvrashchenie-ugolovnogo-dela-prokuroru-praktika-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-2021/> (дата обращения: 13.10.2025).

документу, что требует внесения изменений или производства дополнительных следственных действий для устранения таких нарушений.

Таким образом, основания для возвращения уголовного дела прокурору из апелляционной и кассационной инстанций существенно различаются, отражая специфику задач и полномочий каждой из инстанций. Апелляционная инстанция осуществляет более широкий контроль за соблюдением процессуальных и фактических аспектов дела, в то время как кассационная – сосредотачивается на проверке законности и обоснованности вступивших в законную силу судебных решений, прибегая к возвращению дела лишь в исключительных случаях, обусловленных грубыми процессуальными нарушениями, препятствующими законному рассмотрению дела. Данные различия являются отражением дифференцированного подхода к осуществлению судебного контроля в системе уголовного судопроизводства, направленного на обеспечение защиты прав и законных интересов всех участников процесса.

Наиболее существенные различия реализации процедуры возвращения уголовного дела прокурору из апелляционной и кассационной инстанций представлены в таблице.

Таблица

Ключевые различия реализации процедуры возврата уголовного дела прокурору из апелляционной и кассационной инстанций

Критерий	Апелляционная инстанция	Кассационная инстанция
Цель возвращения	Устранение нарушений, препятствующих рассмотрению дела по существу	Восстановление законности при существенных процессуальных нарушениях
Основания возвращения	Широкий спектр оснований, включая ошибки в обвинительном заключении и квалификации	Ограниченный перечень оснований, акцент на грубых процессуальных нарушениях
Возможность переквалификации	Возможна, в том числе по инициативе суда	Ограничена, кассация не пересматривает факты и квалификацию, если это уже сделано
Инициатива возвращения	По собственной инициативе суда или по ходатайству сторон	В основном по собственной инициативе суда, реже по ходатайству
Частота возвращения	Более частая практика	Исключительная, редкая практика

Апелляционная инстанция, наделенная правом проверки законности, обоснованности и справедливости судебного решения, обладает более широкими возможностями для возвращения дела, направленными на устранение как

процессуальных нарушений, так и неточностей в квалификации деяния, обеспечивая тем самым всестороннее и объективное рассмотрение. Кассационная инстанция, напротив, осуществляет проверку вступивших в законную силу судебных решений на предмет законности и обоснованности, сосредотачиваясь на грубых процессуальных нарушениях, которые не могли быть устранены на предыдущих стадиях судопроизводства и существенно влияют на законность судебного акта.

Следовательно, законодательное и правоприменительное разграничение оснований возвращения дела направлено на обеспечение эффективности правосудия при одновременном соблюдении прав участников процесса. В целях оптимизации уголовного судопроизводства и сокращения числа случаев возвращения уголовных дел представляется целесообразным разработка и внедрение эффективных механизмов оперативного устранения процессуальных нарушений непосредственно в ходе судебного заседания, особенно в апелляционной инстанции. Данный подход, наряду с совершенствованием институциональных аспектов досудебного производства, будет способствовать повышению эффективности и качества уголовного судопроизводства, а также обеспечению надлежащей защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов, Б. Я. Баженов, А. В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: новый этап в развитии института возвращения уголовного дела судом прокурору // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч., Москва, 25 апреля 2025 г. М. : Академия управления МВД России, 2025. С. 57–65.
2. Кальницкий, В. В. Возвращение уголовного дела прокурору. Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 132 с.
3. Волторнист, О. А. Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 54–57.
4. Халиков, А. Н. Возвращение уголовного дела прокурору как основание для дополнительного расследования: проблемы и возможности их решения // Российский следователь. 2025. № 5. С. 25–29. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-5-25-29. EDN: SWDNSS.
5. Муллагалеева, Л. Р. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 30 с.
6. Победкин, А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства / А. В. Победкин. — Москва : Издательский дом «Юрлитинформ», 2024. — 328 с.
7. Тришева, А. А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба // Законность. 2015. № 4 (966). С. 50–55.
8. Вастьянова, О. Д. Возвращение уголовного дела прокурору как процессуальная форма конкретизации обвинения // Криминалистика, уголовный

процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч., Москва, 25 апреля 2025 г. М. : Академия управления МВД России, 2025. С. 232–239. EDN: HSQCBG.

9. Качалова, О. В. Формирование института возвращения уголовного дела прокурору: конституционно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства : мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф., 22 марта 2013 г. СПб. : Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013.

REFERENCES

1. Gavrilov B. Ya., [Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Resolution: a new stage in the development of the institute of returning a criminal case by the court to the prosecutor]. *Kriminalistika, ugovolnyj process i sudebnaya ekspertologiya v XXI veke: vektory razvitiya (k 70-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestuplenij Akademii upravleniya MVD Rossii)* [Criminalistics, Criminal Procedure and Judicial Expertise in the 21st Century: Vectors of Development (to the 70th anniversary of the Department of Investigation Management of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia) Moscow, 25 April 2025]. Moscow, pp. 57-65. (In Russ.).

2. Kalnitsky V. V. *Vozvrashchenie ugovolnogo dela prokuroru* [Returning a criminal case to the prosecutor]. Omsk, 2021, 132 p. (In Russ.).

3. Voltornist O. A. *Transformaciya instituta vozvrashcheniya ugovolnogo dela prokuroru* [Transformation of the institute of returning a criminal case to the prosecutor]. *Vestnik Omskoj juridicheskoj akademii – Vestnik Omskoj juridicheskoj akademii*. 2014, vol. 25, no. 4, pp. 54-57. (In Russ.).

4. Khalikov, A. N. *Vozvrashchenie ugovolnogo dela prokuroru kak osnovanie dlya dopolnitelnogo rassledovaniya: problemy i vozmozhnosti ih resheniya* [Returning a criminal case to the prosecutor as a basis for additional investigation: problems and ways to solve them]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*. 2025, no. 5, pp. 25-29. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3783-2025-5-25-29. EDN: SWDNSS.

5. Mullagaleeva, L. R. *Institut vozvrashcheniya prokurorom ugovolnogo dela sledovatelyu : avtoref. dissertacii ... kandidata juridicheskikh nauk.* [The Institute of Return of a Criminal Case by the Prosecutor to the Investigator: Abstract of Cand. of Law]. Moscow, 2021, 30 p.

6. Pobedkin, A. V. *Osnovnye polozheniya UPK Rossii kak sistema garantij publichnosti ugovolnogo sudoproizvodstva* [Main provisions of the CPC of Russia as a system of guarantees of the publicity of criminal proceedings]. Moscow, 2024, 328 p.

7. Trisheva, A. A. *Vozvrashchenie ugovolnogo dela prokuroru: sud'ba instituta* [Returning a criminal case to the prosecutor: the fate of the institute]. *Zakonnost' – Legality*. 2015, vol. 966, no. 4, pp. 50-55. (In Russ.).

8. Vastyanova, O. D [Returning a criminal case to the prosecutor as a procedural form of specification of the accusation]. *Kriminalistika, ugovnyj process i sudebnaya ekspertologiya v HKHI veke: vektory razvitiya (k 70-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestuplenij Akademii upravleniya MVD Rossii)* : sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Criminalistics, Criminal Procedure and Judicial Expertise in the 21st Century: Vectors of Development (to the 70th anniversary of the Department of Investigation Management of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia): collection of scientific articles based on the materials of the international scientific-practical conference: in 3 parts, Moscow, April 25, 2025]. Moscow, 2025, pp. 232-239. EDN: HSQCBG. (In Russ.).

9. Kachalova, O. V. [Formation of the institute of returning a criminal case to the prosecutor: constitutional-legal and criminal-procedural aspects]. *Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Vzaimosvyaz' konstitucionnogo i ugovnogo sudoproizvodstv»* [Interconnection of constitutional and criminal proceedings :- Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference]. St. Petersburg, 2013. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олеся Дмитриевна Вастьянова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса. Сибирский юридический институт МВД России. 660131, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olesya Dmitrievna Vastyanova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure. Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 20 Rokossovsky St., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region, 660131.

Статья поступила в редакцию 24.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 168-178.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 116, no. 1, pp. 168-178.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.9.01

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛОГАРИФМИРОВАННЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРВАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Деменченок Олег Гениевич¹, Баранов Сергей Александрович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
asksystem@yandex.ru,

²Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Иркутск, Российская
Федерация, barss1962@mail.ru

Введение. В статье отмечается, что современная методика интервального прогнозирования ограничивается всего тремя моделями: линейной, квадратичной и кубической. Однако для некоторых исходных данных эти модели могут оказаться слишком строгими и неспособными гибко реагировать на изменения. В статье показана возможность применения в интервальном прогнозировании логарифмированных форм показательной модели и логарифмической параболы. Исследуется, как логарифмирование влияет на качество описания исходных данных и точность оценки ошибки прогноза. Кроме того, даются рекомендации по использованию логарифмированных моделей в криминологическом прогнозировании.

Материалы и методы. Исследование опирается на статистические данные о преступности в России и современные методы математической статистики.

Результаты исследования. Предложено дополнить набор инструментов для интервального криминологического прогнозирования двумя моделями: показательной и логарифмической параболой. Эти модели были апробированы на практике для краткосрочного прогнозирования количества зарегистрированных преступлений в Красноярском крае. Полученные в ходе решения задачи результаты свидетельствуют о существенном влиянии логарифмирования на качество описания данных и прогностические свойства моделей.

Выводы и заключения. Подтверждена целесообразность использования логарифмированных моделей для криминологического прогнозирования. При использовании логарифмированных моделей необходимо проводить проверку качества описания данных восстановленными моделями. При выборе модели для криминологического прогнозирования следует учитывать прогностические свойства не логарифмированных, а восстановленных моделей. Оценки ошибки прогноза для восстановленных моделей существенно возрастают при увеличении величины данных, что необходимо учитывать при прогнозировании процессов, имеющих тенденцию к росту.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование, интервальное прогнозирование, логарифмирование.

Для цитирования: Деменченко, О. Г., Баранов, С. А. Об использовании логарифмированных моделей для криминологического интервального прогнозирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 168-178.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

THE APPLICATION OF LOGARITHMIC MODELS TO CRIMINOLOGICAL INTERVAL FORECASTING

Oleg G. Demenchenok¹, Sergej A. Baranov²

¹East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, asksystem@yandex.ru,

²Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation, barss1962@mail.ru

Introduction. The article notes that current interval forecasting methodology is often limited to only three types of models: linear, quadratic, and cubic. However, for certain datasets, these models may prove too rigid and fail to respond flexibly to underlying fluctuations. This paper demonstrates the feasibility of applying logarithmic forms of the exponential model and the logarithmic parabola in interval forecasting. The study investigates how logarithmization affects the quality of data fitting and the accuracy of forecast error estimation. Furthermore, practical recommendations are provided for implementing logarithmic models in criminological forecasting.

Materials and Methods. The research draws upon Russian national crime statistics and utilizes advanced mathematical statistical methods.

The Results of the Study. The study proposes expanding the toolkit for interval criminological forecasting by incorporating two additional models: the exponential model and the logarithmic parabola. These models were empirically tested for short-term forecasting of registered crime rates in the Krasnoyarsk Territory of the Russian Federation. The findings indicate that logarithmization significantly enhances the quality of data fitting and improves the predictive performance of the models.

Findings and Conclusions: The study confirms the efficacy of using logarithmic models for criminological crime forecasting. When applying these models, it is essential to evaluate the goodness-of-fit of the back-transformed (original-scale) models. The selection of a model for criminological forecasting should be based on the predictive performance of the back-transformed models rather than the logarithmic ones. Forecast error estimates for these models increase significantly as the data values grow; this must be taken into account when forecasting processes with an upward trend.

Keywords: criminological forecasting, interval forecasting, logarithm analysis

For citation: Demenchenok, O. G., Baranov, S. A. Ob ispol'zovanii logarifmirovannyh modelej dlya kriminologicheskogo interval'nogo prognozirovaniya. [The application of logarithmic models to criminological interval forecasting]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 168-178. (In Russ.).

Успех в любой сфере общественной жизни во многом зависит от качества информационно-аналитического обеспечения управления, включая прогностическую составляющую. В современных условиях, когда возрастает неопределенность и существует множество вариантов развития всех сфер общественной жизни, значение прогностической функции социальных наук становится особенно важным. Совершенствование управления невозможно без развития его прогностической составляющей и укрепления связи между прогнозированием, перспективным и текущим планированием [1, с. 4]. Внедрение передовых методов прогнозирования способно не только оптимизировать распределение ресурсов, но и значительно повысить эффективность работы правоохранительных органов. Кроме того, это может способствовать снижению уровня преступности и улучшению качества жизни граждан.

Среди наиболее перспективных подходов к криминологическому прогнозированию стоит выделить методы экстраполяции, моделирования и экспертных оценок [2, с. 65]. Экстраполяция основана на создании трендовых моделей – статистических инструментов, которые применяются для анализа данных, собранных в разные периоды времени. Трендовые модели позволяют прогнозировать будущее на основании наиболее вероятного развития наблюдаемых тенденций изучаемого явления.

Как правило, экстраполяция приводит к получению точечной оценки прогнозируемого явления, известной как точечный прогноз. Например, в следующем году количество зарегистрированных преступлений в определенном районе может составить 20 225. Очевидно, что в точечной оценке всегда есть некоторая ошибка – расхождение между прогнозом и реальным количеством. На этапе прогнозирования невозможно точно определить эту ошибку, но можно оценить ее величину. Статистический анализ погрешности прогноза позволяет составить так называемый интервальный прогноз. Это означает, что с определенной вероятностью прогнозируемая величина будет находиться в пределах конкретного интервала значений: точечный прогноз \pm оценка ошибки.

Интервальное прогнозирование более информативно, чем точечное, так как учитывает возможные ошибки. Именно поэтому его считают более предпочтительным для решения управленческих задач.

Существующая методика интервального прогнозирования оперирует всего тремя моделями – линейной, квадратичной и кубической (полиномы первого, второго и третьего порядка). Методика расчета границ доверительного интервала прогноза для других видов моделей недостаточно разработана [3, с. 193].

Эти полиномы обычно хорошо подходят для описания исходных данных, которые отличаются малой изменчивостью и стабильной тенденцией. Однако для некоторых исходных данных такие модели могут оказаться слишком жесткими и неспособными адаптироваться к их изменениям [4, с. 35]. Если характер изменения данных существенно отличается от функциональной зависимости, которую предполагает трендовая модель, то не всегда удастся получить модель, пригодную для прогнозирования.

В исследованиях социально-экономических процессов часто используется показательная модель:

$$y = a \cdot b^t,$$

где a и b – постоянные коэффициенты; t – время.

Показательная функция с успехом применяется для описания процессов, которые либо ускоряются, либо замедляются, но при этом характеризуются стабильным темпом роста:

- рост населения в социологии;
- производство автомобилей в экономике;
- радиоактивный распад в физике;
- полимеразная цепная реакция в биохимии;
- концентрация лекарственного средства в кровотоке после его внутривенного введения в организм и так далее.

Благодаря своей способности точно отражать долгосрочные тенденции, показательные модели могут служить основой для математического прогнозирования.

Учитывая это, было бы разумно включить показательную модель в перечень инструментов для криминологического прогнозирования.

Более усложненным вариантом показательной модели является функция, получившая название логарифмической параболы [5, с. 47]:

$$y = a \cdot b^t \cdot c^{t^2},$$

где c – постоянный коэффициент.

Переход от мультипликативной формы модели к аддитивной осуществляется с помощью операции логарифмирования [6, с. 161]:

$$\ln(y) = \ln(a \cdot b^t) = \ln(a) + t \ln(b) = a_1 + b_1 t,$$

$$\ln(y) = \ln(a \cdot b^t \cdot c^{t^2}) = a_1 + b_1 t + c_1 t^2,$$

где a_1 , b_1 и c_1 – постоянные коэффициенты.

Логарифмирование преобразует исходные функции в уравнения линейной регрессии, но уже с другими коэффициентами [7, с. 30]. Уравнение показательной модели становится линейным, а логарифмической параболы – квадратичным. Это означает, что в логарифмированном виде показательная модель и логарифмическая парабола могут использоваться для интервального прогнозирования. Разница лишь в том, что для расчета средней ошибки прогноза используются не исходные данные, а их логарифмы [8, с. 114].

Важно учитывать, что нелинейность логарифмического преобразования может повлиять на свойства ошибок и распределение величин [9, с. 352]. В контексте криминологического прогнозирования наиболее важными показателями являются качество описания исходных данных и оценка ошибки прогноза. Очевидно, что существует некоторое различие между качеством описания логарифмированной моделью логарифмов исходных данных и качеством описания исходных данных восстановленной после логарифмирования моделью.

Кроме того, следует отметить различие в формировании доверительного интервала прогноза для полиномиальных и логарифмированных моделей:

для полиномов 1, 2 и 3 степени –

доверительный интервал = прогноз + ошибка ... прогноз – ошибка;

для логарифмированных моделей –

доверительный интервал = $\exp(\text{прогноз} + \text{ошибка}) \dots \exp(\text{прогноз} - \text{ошибка})$,

где \exp – экспонента.

В исследовании использовалась методика определения интервальных оценок в процессе прогнозирования, изложенная в работе В. В. Бучацкой [10, с. 137–138].

Цель этой работы – выяснить, насколько существенно влияет логарифмирование на качество описания исходных данных и точность оценки ошибки прогноза, а также выработать рекомендации по применению логарифмированных моделей в криминологическом прогнозировании.

Для исследования значимости влияния логарифмирования на качество описания данных и оценку ошибки прогноза рассмотрим задачу краткосрочного прогнозирования количества преступлений в Красноярском крае (далее – количество преступлений). Сведения о количестве зарегистрированных в Красноярском крае преступлений получены из отчетов «Состояние преступности в России», размещенных на официальном сайте МВД России¹.

Для исследования выбран интервал наблюдения с 2010 по 2024 год. Исходные данные приведены в табл. 1.

Таблица 1

Исходные данные

Год	Количество преступлений (тысяч)	Год	Количество преступлений (тысяч)	Год	Количество преступлений (тысяч)
2010	71,009	2015	62,282	2020	48,152
2011	63,087	2016	57,248	2021	47,027
2012	58,585	2017	51,085	2022	45,561
2013	58,832	2018	45,902	2023	50,069
2014	56,359	2019	46,530	2024	48,208

Наглядное представление исходных данных представлено на рис. 1. В целом наблюдается тенденция к снижению, однако динамика отличается нестабильностью с частыми изменениями направления. В 2012, 2013, 2014, 2015, 2018, 2020, 2022 и 2023 годах направление изменения данных неоднократно менялось: после периода снижения начинался рост, а после периода роста – снижение.

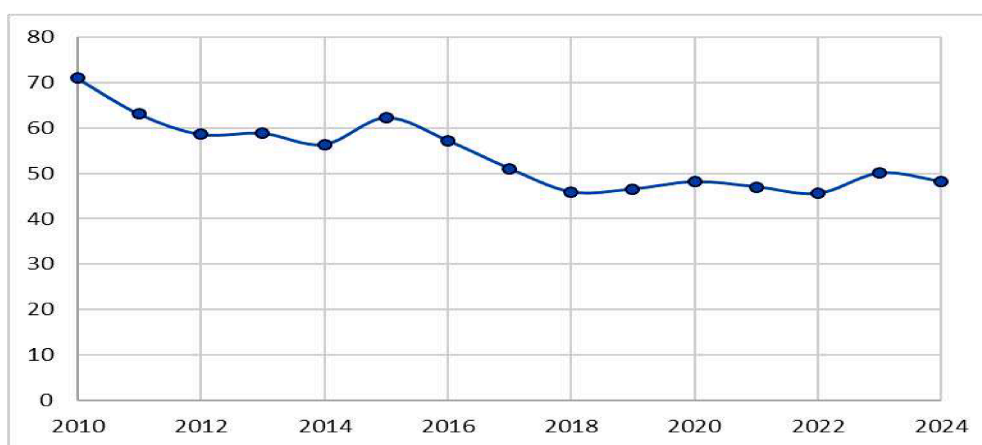

Рис. 1. Графическая интерпретация исходных данных

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 02.09.2025).

В рамках исследования использовались четыре модели: линейная, квадратичная, показательная и логарифмическая парабола.

Регрессионный анализ для определения коэффициентов моделей проводился в обычном порядке. Однако для логарифмированных моделей коэффициенты оценивались не по значениям исходных данных, а по значениям их логарифмов.

Регрессионный анализ проведен для каждой модели в диапазоне от 3 до 15 лет, в результате чего было получено 52 результата.

В исследовании были исключены регрессионные модели, которые не могли адекватно описать исходные данные (коэффициент детерминации R^2 менее 0,7), а также модели с низкой статистической значимостью уравнения (значимость критерия Фишера более 0,1) и коэффициентов уравнения (вероятность равенства коэффициента нулю более 0,1).

Для интервалов наблюдения от 3 до 8 лет и 13 лет статистически значимых регрессионных моделей получить не удалось. Статистически значимые модели анализа представлены в табл. 2, в которой также содержится оценка ошибки прогноза на один год при уровне значимости $\alpha = 0,1$.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Длина интервала наблюдения	Модель	R^2	Оценка ошибки прогноза при $\alpha=0,1$
9	$y = 0,4065 t^2 - 4,7218 t + 59,6$	0,723	6,956
	$\ln(y) = 0,00798 t^2 - 0,0923 t + 4,096$	0,714	0,138
10	$y = 0,4675 t^2 - 6,3515 t + 67,14$	0,881	6,263
	$\ln(y) = 0,00879 t^2 - 0,1193 t + 4,228$	0,872	0,122
11	$y = 0,2789 t^2 - 4,5341 t + 65,14$	0,732	8,782
	$\ln(y) = 0,00536 t^2 - 0,0867 t + 4,196$	0,737	0,164
12	$y = 0,1923 t^2 - 3,7233 t + 65,22$	0,727	8,739
	$\ln(y) = 0,00369 t^2 - 0,0711 t + 4,197$	0,729	0,164
14	$y = -1,274 t + 62,34$	0,705	7,338
	$\ln(y) = -0,0238 t + 4,138$	0,701	0,138
15	$y = -1,491 t + 65,93$	0,747	8,125
	$y = 0,1389 t^2 - 3,7129 t + 72,22$	0,842	7,908
	$\ln(y) = -0,0268 t + 4,195$	0,753	0,144
	$\ln(y) = 0,0023 t^2 - 0,0637 t + 4,299$	0,834	0,146

Авторы считают, что для корректного сравнения линейной, квадратичной и логарифмированных моделей недостаточно лишь результатов регрессионного анализа. Для логарифмированных моделей необходимо провести операцию потенцирования, обратную логарифмированию. После этого следует рассчитать коэффициент детерминации R^2 для исходных данных и сравнить его с результатами,

полученными по восстановленным моделям. Также необходимо определить оценку ошибки прогноза для восстановленных моделей, которая представляет собой половину ширины доверительного интервала прогноза. Полученные результаты для восстановленных моделей представлены в табл. 3.

Таблица 3

Сравнение результатов моделирования

Длина интервала наблюдения	Модель	R ²	Оценка ошибки прогноза при α=0,1
9	$y = 0,4065 t^2 - 4,7218 t + 59,6$	0,723	6,956
	$y = \exp(0,00798 t^2 - 0,0923 t + 4,096)$	0,739	7,361
10	$y = 0,4675 t^2 - 6,3515 t + 67,14$	0,881	6,263
	$y = \exp(0,00879 t^2 - 0,1193 t + 4,228)$	0,894	6,533
11	$y = 0,2789 t^2 - 4,5341 t + 65,14$	0,732	8,782
	$y = \exp(0,00536 t^2 - 0,0867 t + 4,196)$	0,717	8,386
12	$y = 0,1923 t^2 - 3,7233 t + 65,22$	0,727	8,739
	$y = \exp(0,00369 t^2 - 0,0711 t + 4,197)$	0,709	8,132
14	$y = -1,274 t + 62,34$	0,705	7,338
	$y = \exp(-0,0238 t + 4,138)$	0,722	6,079
15	$y = -1,491 t + 65,93$	0,747	8,125
	$y = 0,1389 t^2 - 3,7129 t + 72,22$	0,842	7,908
	$y = \exp(-0,0268 t + 4,195)$	0,772	6,242
	$y = \exp(0,0023 t^2 - 0,0637 t + 4,299)$	0,841	6,999

Сравнительный анализ подтверждает влияние логарифмирования на качество описания данных и прогностические свойства моделей:

1. Коэффициент детерминации R^2 между исходными данными и расчетом по восстановленным моделям отличается от коэффициента детерминации между расчетом по логарифмированным моделям и логарифмами данных. Качество описания данных может как улучшаться (например, на 3,6 % – для логарифмической параболы с интервалом наблюдения 9 лет), так и ухудшаться (например, на 2,7 % – для логарифмической параболы с интервалом наблюдения 11 лет).

Если качество описания данных снижается, коэффициент детерминации восстановленной модели может оказаться ниже минимально допустимого уровня. В таком случае модель следует исключить из рассмотрения, так как она не обеспечивает достаточного соответствия исходным данным. Поэтому при использовании логарифмированных моделей важно проверять качество описания данных восстановленными моделями.

2. Процесс восстановления логарифмированных моделей оказывает значительное влияние на их прогностические качества:

в логарифмированном виде лучшей по точности прогнозирования оказывается логарифмическая парабола для интервала наблюдения в 10 лет с оценкой ошибки

прогноза 0,122. Второе и третье место делят логарифмическая парабола – для интервала в 9 лет и показательная модель – для интервала в 14 лет (оценка ошибки прогноза – 0,138);

в восстановленном виде лучшей по точности прогнозирования становится показательная модель для интервала в 14 лет с оценкой ошибки прогноза 6,079. На втором месте – показательная модель для интервала в 15 лет (оценка ошибки прогноза – 6,242), а на третьем – логарифмическая парабола для интервала в 10 лет (оценка ошибки прогноза – 6,263).

Таким образом, при выборе модели для криминологического прогнозирования следует ориентироваться на прогностические качества восстановленных, а не логарифмированных моделей.

3. Ошибки прогноза для восстановленных моделей нелинейно зависят от ошибок логарифмированных моделей. Большое влияние на эту зависимость оказывает размер исходных данных.

Например, если ошибка прогноза логарифмированной модели составляет 0,1, то при восстановлении модели она будет следующей:

$$0,27 \text{ при } y = 1,$$

$$14,87 \text{ при } y = 5.$$

Таким образом, увеличение исходных данных в пять раз может привести к увеличению ошибки прогноза восстановленной модели в 55 раз. Эту особенность логарифмированных моделей необходимо учитывать при прогнозировании процессов, которые имеют тенденцию к росту.

В данной задаче из четырех математических моделей лучшей по критерию минимальной ошибки прогноза оказалась показательная модель при длине интервала наблюдения 14 лет. Это подтверждает целесообразность использования логарифмированных моделей для криминологического прогнозирования.

Чтобы получить точечный прогноз на один год по этой модели, в уравнение подставляем $t = 15$:

$$y = \exp(-0,0238 t + 4,138) = \exp(-0,0238 \cdot 15 + 4,138) = 43,877.$$

Рассчитаем доверительный интервал прогноза:

$$\exp(-0,0238 \cdot 15 + 4,138 + 0,138) \dots \exp(-0,0238 \cdot 15 + 4,138 - 0,138),$$

$$38,217 \dots 50,375.$$

Очевидно, что середина доверительного интервала прогноза не совпадает с его точечным значением:

$$(38,217 + 50,375) / 2 \neq 43,877,$$

$$44,296 \neq 43,877.$$

Этот результат соответствует выводам В. Н. Афанасьева о том, что для моделей, восстановленных методом потенцирования, характерна несимметричность доверительного интервала относительно точечного прогноза [3, с. 193].

Таким образом, можно предположить, что наиболее вероятное количество преступлений в Красноярском крае в 2025 году составит примерно 43,877 тысячи. С вероятностью 90 % реальное количество зарегистрированных преступлений будет находиться в диапазоне от 38,217 до 50,375 тысяч.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

подтверждена целесообразность использования логарифмированных моделей для криминологического прогнозирования;

при использовании логарифмированных моделей необходимо проводить проверку качества описания данных восстановленными моделями;

при выборе модели для криминологического прогнозирования следует учитывать прогностические свойства не логарифмированных, а восстановленных моделей;

оценки ошибки прогноза для восстановленных моделей существенно возрастают при увеличении данных, что необходимо учитывать при прогнозировании процессов, имеющих тенденцию к росту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агамиров, К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... докт. юрид. наук : Институт государства и права Российской академии наук. М., 2020. 593 с.

2. Готчина, Л. В. О принципах и методах криминологического прогнозирования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 65–72. EDN: VBYHUB.

3. Афанасьев, В. Н. Анализ временных рядов и прогнозирование : учебник. Саратов : Ай Пи Ар Медиа, 2020. 310 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : сайт. URL: <https://www.iprbookshop.ru/90196.html> (дата обращения: 02.09.2025). Режим доступа : для авторизир. пользователей.

4. Хасти, Т, Тибширани, Р., Фридман, Дж. Основы статистического обучения: интеллектуальный анализ данных, логический вывод и прогнозирование. 2-е изд. : Пер. с англ. СПб. : Диалектика, 2020. 768 с.

5. Четыркин, Е. М. Статистические методы прогнозирования. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статистика, 1977. 200 с.

6. Наумов, В. Н. Методы прогнозирования временных рядов : учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург : Лань, 2024. 196 с. ISBN 978-5-507-48837-7 // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/394571> (дата обращения: 02.09.2025). Режим доступа: для авториз. пользователей.

7. Воскобойников, Ю. Е. Эконометрика в Excel: парные и множественные регрессионные модели : учебное пособие. 2-е изд., стер. СПб. : Лань, 2022. ISBN 978-5-8114-2318-7. Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/213062> (дата обращения: 02.09.2025). Режим доступа: для авториз. пользователей.

8. Афанасьев, В. Н., Еремеева, Н. С., Лебедева, Т. В. Статистическая методология в научных исследованиях : учебное пособие. Оренбург : ОГУ, 2024. ISBN 978-5-7410-3232-9 // Лань : электронно-библиотечная система.

URL: <https://e.lanbook.com/book/437738> (дата обращения: 02.09.2025). Режим доступа: для авториз. пользователей.

9. Замков, О. О., Толстопятенко, А. В., Черемных, Ю. Н. Математические методы в экономике : учебник ; ред. А. В. Сидорович. 5-е изд., испр. М. : Дело и Сервис, 2009. 380 с.

10. Бучацкая, В. В. Методика определения интервальных оценок при прогнозировании методами экстраполяции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2012. № 3 (106). С. 136–140.

REFERENCES

1. Agamirov, K. V. Yuridicheskoe prognozirovaniye kak faktor sovershenstvovaniya rossijskoj pravovoj sistemy : special'nost' 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : dis. ... dokt. yurid. nauk : [Legal forecasting as a factor in improving the Russian legal system : specialty 12.00.01 "Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state" : dis. ... doct. jurid]. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2020, 593 p. (In Russ.).

2. Gotchina, L. V. O principah i metodah kriminologicheskogo prognozirovaniya / [On the Principles and Methods of Criminological Forecasting]. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii – Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015, no. 4, pp. 65-72. (In Russ.). EDN: VBYHUB.

3. Afanas'ev, V. N. Analiz vremennyh ryadov i prognozirovaniye [Time Series Analysis and Forecasting]. Cifrovoj obrazovatel'nyj resurs IPR SMART – Digital Educational Resource IPR SMART: sajt. URL: <https://www.iprbookshop.ru/90196.html> (date of request 02.09.2025). Access mode: for authorized users. (In Russ.).

4. Hasti, T. Osnovy statisticheskogo obucheniya: intellektual'nyj analiz dannyh, logicheskij vyvod i prognozirovaniye [Fundamentals of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction. 2nd ed.: Translated from English]. St. Petersburg: Dialectics, 2020, 768 p. (In Russ.).

5. Chetyrkin, E. M. Statisticheskie metody prognozirovaniya. 2-e izd., pererab. i dop. [Statistical Methods of Forecasting. 2nd edition, revised and expanded]. Moscow : Statistics, 1977, 200 p. (In Russ.).

6. Naumov, V. N. Metody prognozirovaniya vremennyh ryadov [Methods of Time Series Forecasting]. St. Petersburg, 2024, 196 p. ISBN 978-5-507-48837-7. The text is electronic // Lan' : elektronno-bibliotechnaya sistema. URL: <https://e.lanbook.com/book/394571> (date of request: 02.09.2025). Access mode: for authorized users. (In Russ.).

7. Voskoboynikov, Yu. E. Ekonometrika v Excel: parnye i mnozhestvennyye regressionnyye modeli [Econometrics in Excel: Pairwise and Multiple Regression Models: A Tutorial. 2nd ed., ster]. St. Petersburg: Lan,, 2022. ISBN 978-5-8114-2318-7. The text is electronic // Lan' : elektronno-bibliotechnaya sistema. URL: <https://e.lanbook.com/book/213062> (date of request 02.09.2025). Access mode: for authorized users. (In Russ.).

8. Afanas'ev, V. N. Statisticheskaya metodologiya v nauchnyh issledovaniyah [Statistical Methodology in Scientific Research: A Tutorial]. Orenburg OGU, 2024. ISBN 978-5-7410-3232-9. The text is electronic // Lan' : elektronno-bibliotechnaya sistema. URL: <https://e.lanbook.com/book/437738> (date of request 02.09.2025). Access mode: for authorized users. (In Russ.).

9. Zamkov, O. O. Matematicheskie metody v ekonomike [Mathematical Methods in Economics 5th edition, revised.]. Moscow : Delo i Servis, 2009, 380 p. (In Russ.).

10. Buchackaya, V. V. Metodika opredeleniya interval'nyh ocenok pri prognozirovanii metodami ekstrapolyacii [Methodology for Determining Interval Estimates in Forecasting Using Extrapolation Methods]. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki – Vestnik of Adygea State University. Series 4: Natural Sciences, Mathematics, and Technical Sciences. 2012, vol. 106, no. 3, pp. 136-140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Деменченко Олег Гениевич, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Баранов Сергей Александрович, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин. Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Demchenok Oleg Genievich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Technology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Baranov Sergey Alexandrovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Information Sciences. Irkutsk Institute (branch) VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 4. Nekrasova St., Irkutsk, 664011.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 179-187.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 179-187.

Научная статья
УДК 343.1.02(470)

5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ
ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИДЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Каримова Гульназ Юрисовна

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Российская Федерация,
 kg579@yandex.ru

Введение. В статье рассматриваются духовно-нравственные основы гарантий прав и законных интересов личности в качестве составляющей идеологии российского уголовного процесса, поскольку представляют собой закрепленные в Конституции Российской Федерации и действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации систему ценностей, идей, на которых основаны национальные интересы государства. Раскрыты разные подходы в общей теории права к понятию гарантий. Сущность уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов личности раскрыта с точки зрения духовно-нравственных основ.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи, монографии ученых, нормы законодательства Российской Федерации. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных и нормативно-правовых источников, использован сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования позволили проанализировать понятия «гарантии», «законный интерес», выделить основные структурные элементы духовно-нравственных основ гарантий прав и законных интересов личности: совесть, нравственность, традиции, менталитет, соборность и национальный дух российского народа.

Выводы и заключения. Проведенный анализ духовно-нравственных основ гарантий прав и законных интересов личности как составляющей идеологии российского уголовного процесса позволил установить, что реализация гарантий прав и законных интересов личности зависит от сочетания объективной и субъективной составляющих деятельности конкретных участников уголовно-процессуальных отношений, прежде всего должностных лиц, ведущих уголовный процесс.

Ключевые слова: гарантии, права, законный интерес, личность, духовно-нравственные основы, уголовный процесс, традиции, менталитет, совесть, национальный дух

Для цитирования: Каримова, Г. Ю. Духовно-нравственные основы гарантий прав и законных интересов личности как составляющая идеологии российского уголовного процесса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 179-187.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF GUARANTEES FOR THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE INDIVIDUAL AS A COMPONENT OF THE IDEOLOGY OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE IDEOLOGY

Gulnaz Yu. Karimova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
kg579@yandex.ru

Introduction. The article examines the spiritual and moral foundations of guarantees for the rights and legitimate interests of the individual as a constituent element of the Russian criminal procedure ideology. These foundations represent a system of values and ideas, enshrined in the Constitution of the Russian Federation and the current Code of Criminal Procedure, which underpin the national interests of the state. The study explores various approaches within the general theory of law toward the concept of guarantees. Furthermore, the essence of criminal procedural guarantees for the individual's rights and legitimate interests is elucidated through the prism of spiritual and moral values.

Materials and Methods. The research materials include scholarly articles, monographs, and legislative acts of the Russian Federation. The study employs the dialectical method, an analysis of academic and regulatory sources, and the comparative legal method.

The Results of the Study enabled an analysis of the concepts of "guarantees" and "legitimate interests," identifying the key structural elements of the spiritual and moral foundations of guarantees for individual rights and legitimate interests: conscience, morality, traditions, mentality, sobornost (conciliarity), and the national spirit of the Russian people.

Findings and Conclusions. The analysis of the spiritual and moral foundations of guarantees for the rights and legitimate interests of the individual as a component of Russian criminal procedure ideology demonstrates that the implementation of these guarantees depends on a combination of objective and subjective components in the conduct of specific participants in criminal proceedings, primarily the officials in charge of the case.

Keywords: guarantees, rights, legitimate interest, personality, spiritual and moral foundations, criminal procedure, traditions, mentality, conscience, national spirit

For citation: Karimova, G. Yu. Duhovno-nravstvennyye osnovy garantij prav i zakonnyh interesov lichnosti kak sostavlyayushchaya ideologii rossijskogo ugolovnoogo processa [Spiritual and moral foundations of guarantees for the rights and legitimate interests of the individual as a component of the ideology of the russian criminal procedure ideology]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo Institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 179-187. (In Russ.).

Гарантии прав и законных интересов личности следует рассматривать как один из компонентов идеологических основ современного уголовного судопроизводства, поскольку они закреплены в Конституции Российской Федерации и действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), представляют собой систему ценностей, идей, выражающих национальные интересы государства. Идеологию построения уголовного судопроизводства можно определить как систему идей и ценностей, выражающих национальные интересы государства, основанные на разумном балансе сочетания интересов личности и государства в уголовном процессе. Гарантии прав и законных интересов личности сформировались постепенно, одновременно с развитием права и других социальных норм. Идеология либерализма в 90-е годы повлияла на провозглашение и признание основных конституционных гарантий. Нельзя преуменьшать роль международных нормативных правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией и соответствующих положению ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Так, Всеобщая Декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 г., провозгласила основные гарантии прав человека: право на гласное и справедливое судебное разбирательство беспристрастным и независимым судом по факту предъявленного обвинения (ст. 10), презумпцию невиновности и право на защиту любым законным способом (ст. 11).

Гарантиям, их понятию и классификациям уделено достаточно внимания в науке и теории уголовного процесса. Существуют разные подходы в общей теории права к понятию гарантий. Так, по мнению Н. В. Витрука, гарантии – это условия и средства, обеспечивающие фактическую реализацию и полную охрану прав и свобод человека [1, с. 29]. С этим мнением следует согласиться, поскольку гарантии действительно подразумевают под собой обеспечение реализации прав и законных интересов личности с применением соответствующих законодательству средств. В теории уголовного процесса под процессуальными гарантиями понимают также процессуальные нормы, закрепляющие права обвиняемого, корреспондирующие им процессуальные права, обязанности должностных лиц, органов, ведущих уголовный процесс, их процессуальную деятельность и деятельность защитника [2, с. 12–13]. Другая точка зрения, представляющая научный интерес, высказана Л. В. Яковлевой, которая к числу конституционных гарантий судебной защиты относит право на обеспечение соответствующей подсудности, защиту, презумпцию невиновности [3, с. 12]. Существует мнение о том, что к процессуальным гарантиям следует относить не только права, обязанности субъектов, но и юридические санкции для должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу [4, с. 56]. С последним

мнением следует согласиться, поскольку наличие прав и обязанностей предполагает и возможность наступления неблагоприятных последствий в случае их несоблюдения или невыполнения. Наличие санкций за соответствующее неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей образует законченность механизма обеспечения прав участников. Так, несоблюдение или нарушение прав участников уголовного судопроизводства при собирании доказательств приводит к признанию их недопустимыми и отмене приговора суда [5, с. 14].

Что касается классификаций гарантий, то наиболее понятным и простым является деление гарантий прав человека и гражданина на общие и специальные (юридические).

С точки зрения уголовного процесса заслуживают внимания специальные (юридические) гарантии, то есть правовые средства, позволяющие человеку пресекать нарушения его прав и свобод, восстанавливать нарушенные права [5, с. 8]. Определение сущности уголовно-процессуальных гарантий представляет собой научный интерес. Среди ученых-процессуалистов сложились разные мнения. Так, одни авторы сущность усматривают в наличии специальных средств, реально обеспечивающих реализацию прав участников уголовно-процессуальных отношений, а не превращающих их в декларативные формулы [6, с. 92]. Другие авторы считают, что сущность процессуальных гарантий заключается в обязанностях лиц, ведущих уголовное судопроизводство, поскольку их обязанности соответствуют правам обвиняемого и иных участников процесса [7, с. 240]. Соглашаясь с мнениями авторов, считаем целесообразным рассмотреть сущность уголовно-процессуальных гарантий с точки зрения именно глубинных духовно-нравственных основ. Ведь понятие «сущность» означает внутреннюю основу, содержание, смысл какого-либо явления или процесса, то, что отличает его от других. И, конечно же, говоря о внутренней основе уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов человека, определяя их сквозь призму деятельности, обязанностей и ответственности должностных лиц и органов государственной власти, невозможно обойти стороной внутренние процессы в мыслительной деятельности конкретного должностного лица. Внутреннее убеждение должностного лица основывается не только на нормах права, но и на сложившихся в обществе нормах нравственности, традиций. Наша культура по своей сути основана на едином мировосприятии, вере в Бога, соблюдении традиций, стремлении не быть корыстными и властолюбивыми. У российского народа развито духовно-нравственное начало. Но произошедшие в истории нашего государства события показывают усиленную попытку внедрения тактики ориентации на западное мировоззрение [8, с. 306], которая направлена на разрушение духовной мощи и целостности народа. Так называемый либерализм привнес как положительные изменения в законодательстве и практике его применения, так и отрицательные. Негативно сказался он на духовно-нравственных основах российского общества. Современные угрозы и вызовы, с которыми столкнулась Россия, показали несостоятельность идей индивидуализма, эгоизма, расчетливости, приоритета собственных интересов над интересами и правами других лиц. Эти же идеи и ценности были присущи деятельности должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Отсюда

возник и формализм, и черствое отношение, безразличие к остальным участникам уголовного процесса, коррупционные проявления. Поэтому считаем крайне необходимым обращать внимание на осознание национальной идентичности России, укрепление духовно-нравственной основы существования и развития. У скептиков – сторонников идеологии либерализма – может возникнуть вопрос, каким образом духовно-нравственные ценности влияют на нормы права и их применение. Однако именно наличие у человека совести, определяемой как внутреннее чувство, понимание, знание, позволяет осознавать неправоту, испытывать чувство вины за правомерный проступок, недовольство своей деятельностью. Совесть выступает своего рода духовным законом, определяющим внутреннее устройство личности [8, с. 364]. Совесть определяется В. В. Сорокиным как чувственное начало в человеке, иррациональное. В совестном акте человек обретает душевно-духовную цельность, избавляется от иллюзий на свой счет, самообмана, двойных стандартов. Населению «цивилизованных» стран Запада не присуще такое понятие, как «угрызение совести». Человек на Западе стремится к достижению успеха в своей деятельности, полностью освободившись от внутренней нравственности. Приоритетом выступает свой интерес, права и свободы, корысть, властолюбие, стремление к наживе и другие атрибуты «рыночной» экономики. Закон соблюдается только исходя из рациональных начал в человеке. У российского народа исторически заложена вера в Бога, добровольное соблюдение нравственно-религиозных заповедей. Важной составляющей духовно-нравственных основ также являются традиции как форма сохранения сущности культуры. Традиции определены как духовно устойчивые, исторически воспроизводящиеся смыслообразующие принципы мировоззрения, нравственности, социальной и личной жизни, которые обеспечивают трансляцию и преемственность прежнего культурного опыта, а также ориентацию жизнедеятельности людей на укрепление и восполнение духовно-нравственного наследия творческими силами [8, с. 310]. При обращении к традициям следует упомянуть о таком понятии, как национальный дух, под которым понимается национальный характер, уклад. Национальное своеобразие русской культуры обусловлено тем, что Россия – многонациональное государство, характеризующееся множеством национальностей с разными вероисповеданием, языками и обычаями. Основная задача государства – это принять весь многонациональный народ, не подавить, а жить в мире и согласии. С традициями и национальным духом тесно связан менталитет российского народа как система преемственных устойчивых образов мышления, установок, шаблонов поведения, проявляющихся в особенностях мышления и поведения.

Все эти составляющие духовно-нравственных основ нашего общества оказывают влияние на сознание и формируют такие качества, как умение жить в мире и согласии, стремление оказать помощь и поддержку людям, понимание и принятие других, добродушие и т. д.

Гарантии прав означают незыблемость таких абсолютных прав, как право на жизнь, честь и достоинство, деловую репутацию и т. д. Когда речь идет о гарантиях прав, то в теории права не возникает каких-либо вопросов при определении их дефиниции и оснований классификаций. Однако понятие и сущность законного

интереса личности не нашли однозначного понимания в юридической науке. Многие считают правовую категорию «законный интерес» первичной по отношению к категории «субъективные права». Интересы личности, как и ее права, закреплены в Конституции Российской Федерации и представляют собой стремление быть свободным, иметь собственность, получать образование и т. д. Наличие соответствующего интересу субъективного права выступает основным и единственным средством обеспечения этого интереса [5, с. 22]. Интерес является еще и своего рода стимулом, потребностью для осуществления уголовно-процессуальной деятельности, направленной на достижение конкретной цели. Определение законных интересов при производстве по уголовному делу позволяет выявить совокупность необходимых процессуальных прав и обязанностей для заинтересованных лиц и их содержание. Важна нравственность как критерий при отборе стремлений, которые надлежит защищать правовыми, в частности уголовно-процессуальными средствами. С осознанием и закреплением ценности прав и свобод человека и гражданина, необходимости обеспечения правового способа разрешения социальных конфликтов государство постепенно расширяет число признаваемых законными стремлений и подкрепляет их правовыми средствами защиты. И здесь важно учитывать нравственный аспект при формировании совокупности законных интересов. Следует согласиться с мнением ученых, что нравственность должна входить в число требований, предъявляемых к содержанию законных интересов [9, с. 24]. По мнению Адаменко, нельзя игнорировать нравственную составляющую в уголовном процессе, иначе это приведет к разрыву безнравственных начал, включая и те из них, которые не имеют под собой культурно-исторических и духовных начал, свойственных российской общности. Категория «законный интерес» охватывается еще и дозволенными государством правилами поведения, то есть устремления личности не должны выходить за их рамки или границы.

Современный этап развития российского общества и государства характеризуется значительной ролью изучения богатого отечественного идейно-теоретического наследия и духовно-нравственного опыта народа. Еще в 2007 году Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации было отмечено, что правильные ориентиры развития страны можно определить, сочетая все современное и новое с базовыми морально-нравственными ценностями, выработанными народом России за более чем тысячелетнюю свою историю¹.

Прошлое неразрывно связано с настоящим и во многом определяет сущность процессов, происходящих в современном обществе. Российский народ отличался от других народов особенным одухотворенным смыслом и образом жизни. Духовно-нравственные мотивы поведения обладали приоритетом над материальными, экономическими и политическими. История России, в частности, события 90-х годов XX века, показывает, что ум в отрыве от совести, нравственных абсолютов оказывает

¹ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24203> (дата обращения: 12.05.2025)

на духовную культуру не созидательное, а разрушительное воздействие. Это касается и отдельно взятых людей, и всего общества в целом, поэтому рациональное мышление должно сочетаться с иррациональной составляющей конкретной личности. Иррациональное в человеке образует врожденные общинные качества: сострадательность, доброту, незлобливость, радушие, сердечность, взаимопомощь, чувство справедливости [8, с. 315]. Рыночные отношения в нашем государстве привели к пагубному влиянию на врожденные общинные качества, пропагандируя некую конкуренцию между собой, алчность, злобу, безучастие по отношению к другим.

Очень важной составляющей духовно-нравственных основ гарантий прав и законных интересов личности является идея соборности, которая возникла исторически на Руси и означала духовное единство народа в служении высшей Истине, Добру и Красоте [8, с. 315]. Соборность направлена на снижение эгоизма (приоритета личности над обществом) и социоцентризма (приоритета общества над личностью), то есть она в своем современном понимании способствует соблюдению баланса интересов личности, общества и государства. Соборность приводит к осмысленности жизни как служения и порой самопожертвования, целями которых является приближение к Богу и возвращение в человеке нравственного идеала.

Таким образом, реализация гарантий прав и законных интересов личности зависит от субъективной составляющей, от внутренней мыслительной и психической деятельности конкретных участников уголовно-процессуальных отношений, прежде всего должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Доброе, внимательное отношение, основанное не только на норме права, но и на совести и порядочности конкретного должностного лица, всегда будет способствовать восстановлению справедливости, реальному обеспечению гарантий прав и свобод человека. Закрепление гарантий прав и законных интересов личности на законодательном уровне, соответствующем международным правовым стандартам, является важным условием признания приоритета прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью Российской Федерации. Гарантии прав и законных интересов личности возможно соблюдать и реализовывать, основываясь на нормах нравственности, традициях, вере в Бога. Подтверждением вышесказанному является закрепленная в Конституции Российской Федерации ст. 67.1, в которой речь идет о тысячелетней истории и преемственности в развитии нашего государства, идеалах и вере в Бога, исторически сложившемся государственном единстве. На законодательном уровне в акте, обладающем высшей юридической силой, закреплены фундаментальные положения о значении идей духовности, преемственности и единстве российского народа. В этом контексте уместно сослаться на С. С. Алексеева, который отметил, что юриспруденцию можно вывести на новый уровень науки в XXI веке, учитывая и основываясь на философском постижении мира, духовной культуры, морали, высоких гуманитарных идей.

В современном глобализованном мире нравственность не прослеживается в качестве смыслообразующего элемента любой деятельности. Принцип беспристрастности, закрепленный в процессуальных кодексах, способствует не только

объективному рассмотрению дела, но и отсутствию каких-либо чувств порицания, антипатии или, наоборот, симпатии, жалости и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Витрук, Н. В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан // Правоведение. 1964. № 4. С. 29–32.
2. Стройкова, А. С. Гарантии прав обвиняемого на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 21 с.
3. Яковлева, Л. В. Источники уголовно-процессуального права : монография. Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 2002. 114 с.
4. Юрченко, В. Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. Томск, 1977. 142 с.
5. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства : проблемы и возможные пути их решения : монография / под общ. и науч. ред. проф. В.А. Семенцова. М. : Юрлитинформ, 2013. 192 с.
6. Мартынчик, Е. Г. Субъективные права обвиняемого и их процессуальные гарантии // Советское государство и право. 1976. № 7. С. 87–93.
7. Мордовец, А. С. Гарантии прав личности : понятие и классификация // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 240–241.
8. Сорокин, В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М. : Издательство: Проспект, 2007. 479 с.
9. Солярский, П. Записки по нравственному богословию. СПб., 1860. 100 с.

REFERENCES

1. Vitruk, N. V. O yuridicheskikh sredstvakh obespecheniya realizacii i ohrany prav sovetskih grazhdan [On the legal means of ensuring the realization and protection of the rights of Soviet citizens]. Pravovedenie – Jurisprudence. 1964, no. 4, pp. 29-32. (In Russ.).
2. Stroikova, A. S. Garantii prav obvinyaemogo na predvaritel'nom sledstvii : avtoreferat dis. ...kand. yurid. nauk. [Guarantees of the rights of the accused during the preliminary investigation : abstract of the dissertation. ...kand. jurid. sciences']. Krasnodar. 2005, 21 p. (In Russ.).
3. Yakovleva, L. V. Istochniki ugolovno-processual'nogo prava : monografiya [Sources of criminal procedure law : monograph. Krasnodar Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002, 114 p. (In Russ.).
4. Yurchenko, V. E. Garantii prav poterpevshego v sudebnom razbiratel'stve [Guarantees of the rights of the victim in court proceedings]. Tomsk, 1977, 142 p. (In Russ.).
5. Garantii prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva : problemy i vozmozhnye puti ih resheniya : monografiya [Guarantees of the rights of participants in criminal proceedings : problems and possible solutions : monograph]. Moscow : Yurлитinform, 2013, 192 p. (In Russ.).

6. Martynchik E.G. Sub"ektivnye prava obvinyaemogo i ih processual'nye garantii [Subjective rights of the accused and their procedural guarantees]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – The Soviet State and Law. 1976, no. 7, pp. 87-93. (In Russ.).

7. Mordovets, A. S. Sub"ektivnye prava obvinyaemogo i ih processual'nye garantii [Guarantees of individual rights : concept and classification]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Theory of the State and Law. Saratov, 1995, pp. 240-241. (In Russ.).

8. Sorokin, V. V. Ponyatie i sushchnost' prava v duhovnoj kul'ture Rossii [The concept and essence of law in the spiritual culture of Russia]. Moscow : Publishing House: Prospect, 2007, 479 p. (In Russ.).

9. Solyarsky, P. Zapiski po npravstvennomu Bogosloviyu [Notes on moral Theology]. St. Petersburg, 1860, 100 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каримова Гульназ Юрисовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин. Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 450103, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karimova Gulnaz Yuriso *vna*, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines. Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2 Muksinova St., Ufa, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, 450103.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 188-202.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 116, no. 1, pp. 188-202.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК: 343.97

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ЧАСТНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Комаров Антон Анатольевич

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск,
Российская Федерация, reise83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1330-4236>

Введение. Цифровизация всех сфер общественной жизни является очевидным фактом, однако ее влияние на различные виды преступности, в частности на преступность несовершеннолетних, остается недостаточно изученным. В статье исследуется взаимосвязь между процессами информатизации и трансформацией преступного поведения несовершеннолетних, а также анализируется, насколько эти изменения соответствуют или отличаются от общих тенденций компьютерной преступности.

Материалы и методы. Исследование основано на сравнительном анализе статистических данных МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период 2004–2024 гг. Используются методы: группировки данных по возрастным и криминологическим критериям, расчета относительных показателей преступности, сопоставления динамики подростковой и киберпреступности.

Результаты исследования. В ходе проделанной работы авторы пришли к убеждению о необходимости отрицания ключевой гипотезы, поскольку эмпирические данные опровергают распространенное предположение о высокой вовлеченности несовершеннолетних в киберпреступность. Удельный вес компьютерных преступлений среди подростков составляет лишь 10,4 % (34,7 % у взрослых). Был выявлен «догоняющий характер» трансформации преступности несовершеннолетних. Например, резкий рост ИКТ-мошенничеств (+44 % в 2022 году) среди несовершеннолетних произошел позже, чем у взрослых. Консервативность структуры: 99,9 % компьютерных преступлений несовершеннолетних имеют корыстную мотивацию, что соответствует традиционным моделям общеуголовной преступности.

Гипотезы об «игровых мотивах» (Лопатина, 2006) не подтвердились. Отмечены следующие криминогенные эффекты цифровизации: смещение предмета посягательств на виртуальные ценности, трансформация групповой преступности в обезличенные сетевые сообщества, рост информированности о способах совершения преступлений через соцсети. Выявлены независимые от информатизации негативные тенденции: увеличение доли тяжких преступлений (41,2 % среди несовершеннолетних, 24,4 % – у взрослых), рост рецидива (25 % в 2023 году, 15,5 % – в 2003 году), низкая эффективность условного осуждения (рецидив 50–59 %).

Выводы и заключения. Доказана разнородность компьютерной преступности и преступности несовершеннолетних как самостоятельных криминальных феноменов. Опровергнут тезис о «цифровом разрыве» в преступном поведении подрастающего поколения. Практическая значимость для предупреждения состоит в возможности дальнейшего совершенствования правоприменительной практики. В частности, рекомендуется пересмотреть критерии прекращения уголовных дел в отношении несовершеннолетних (в 2022 году прекращено 11,7 тыс. дел), дифференцировать наказание с учетом криминологических характеристик личности.

Ключевые слова: Интернет, компьютеры, преступность, несовершеннолетние, тенденции, компьютерная преступность

Для цитирования: Комаров, А. А. Влияние информатизации на преступность несовершеннолетних: частные статистические закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России 2026. № 1 (116). С. 188-202.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

INFORMATIZATION AND JUVENILE DELINQUENCY: SOME CRIMINOLOGICAL PATTERNS

Anton A. Komarov

Novosibirsk state university of economics and management, Novosibirsk, Russian Federation, reise83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1330-4236>

Introduction. While the digitalization of all spheres of social life is undeniable, its impact on various types of crime — juvenile delinquency in particular — remains insufficiently explored. This article examines the correlation between informatization processes and the transformation of criminal behavior among minors, analyzing whether these shifts align with or diverge from general cybercrime trends.

Materials and Methods. The study is based on a comparative analysis of statistical data from the Ministry of Internal Affairs (MVD) of the Russian Federation and the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for the period spanning 2004 to 2024. The methodological approach includes: data grouping by age and criminological

criteria, calculating relative crime indicators, and correlating the dynamics of juvenile delinquency and cybercrime.

The Results of the Study. Based on the empirical findings, the authors rejected the primary hypothesis, as the data refute the widespread assumption of high juvenile involvement in cybercrime. The share of IT-related offenses among minors is only 10.4%, compared to 34.7% among adults. The study identified a "catch-up" pattern in the transformation of juvenile delinquency. For instance, the surge in ICT-based fraud (+44% in 2022) occurred later among minors than in the adult population. The structure remains conservative: 99.9% of juvenile computer crimes are driven by acquisitive (for-profit) motivation, aligning with traditional models of common-law crime. Hypotheses regarding "gaming motives" (Lopatina, 2006) were not supported.

The observed criminogenic effects of digitalization include: a shift in targets toward virtual assets, the evolution of group crime into impersonal network communities, and increased access to criminal methods via social media. Simultaneously, negative trends independent of informatization were identified: a rise in serious offenses (41.2% among minors vs. 24.4% for adults), increased recidivism (25% in 2023 vs. 15.5% in 2003), and the low efficacy of suspended sentences (with recidivism rates reaching 50–59%).

Findings and Conclusions. The study substantiates the distinct nature of cybercrime and juvenile delinquency as separate criminological phenomena. The findings refute the existence of a "digital divide" in the criminal behavior of the younger generation. The practical significance for crime prevention lies in the potential for further refining law enforcement practices. Specifically, it is recommended to revise the criteria for the dismissal of criminal cases involving minors (which totaled 11,700 in 2022) and to individualize sentencing based on the criminological profiles of the offenders.

Keywords: Internet, computer, crime, juvenile delinquency, crime trends, cybercrime

For citation: Komarov, A. A. Vliyanie informatizatsii na prestupnost' nesovershennoletnikh: chastnye statisticheskie zakonomernosti [The Impact of Information Technology on Juvenile Delinquency: Particular Statistical Patterns]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 188-202. (In Russ.).

Проблемы, объединенные нами в заглавии статьи, составляют часть вопросов, исследуемых в рамках различных видов преступности. Первое, что приходит на ум при попытке осмыслить информатизацию, – феномен компьютерной преступности. Пожалуй, она представляет наиболее зримый пример исторической изменчивости. Но было бы неверно полагать, что информатизация не влияет на остальные виды преступности. Однако до сих пор остается не до конца проясненным вопрос: одинаков ли механизм этого действия или же различна только его сила (интенсивность)? Формулирование целостной гипотезы в попытке дать ответ на эти вопросы и составляет цель нашего исследования.

При этом в современных исследованиях преступности несовершеннолетних доминирует тематика, не связанная напрямую с компьютерной преступностью. Это может косвенно указывать на устойчивость традиционной структуры их преступного

поведения, однако в большей степени отражает определенный пробел в научном знании.

Информатизация по степени устойчивости представляет высокодинамичный процесс, способный к трансформации целых социальных институтов. Несмотря на отсутствие явных эмпирических свидетельств, можно выдвинуть гипотезу о том, что в перспективе данный процесс неизбежно приведет к изменениям в криминальном поведении подростков. Поэтому все большее количество диссертационных работ, связанных с анализом социальных изменений преступности несовершеннолетних, появляется в смежных областях. Среди научных трудов следует особо отметить докторскую диссертацию Е. В. Демидовой-Петровой, в которой развивается идея влияния «online-фактора» на состояние преступности несовершеннолетних. Описанная ею интерсекциональная теория влияния информационно-коммуникативной микросреды на поведение несовершеннолетнего скорее подчеркивает качественные закономерности дифференциальной ассоциации и не находит количественно-статистического выражения на страницах диссертации. Фундаментальных работ на стыке компьютерной преступности и преступности несовершеннолетних, использующих количественный анализ, явно недостаточно. Необходимо восполнить это упущение путем обработки статистической информации.

По этой причине мы (методологически) вынужденно стоим на позиции позитивизма, когда исходные теоретические послыжки обязаны быть согласованы с имеющимся эмпирическим (в нашем случае – статистическим) материалом. Среди частных методов можно выделить группировку статистических данных по заданным нами критериям, математические приемы расчета показателей динамики явления и относительных показателей распространенности преступности несовершеннолетних.

Работа имеет трехчленную структуру. Сначала раскрываются вопросы общего состояния преступности несовершеннолетних в сравнении с компьютерной. Затем последовательно и отдельно друг от друга анализируются тенденции, связанные и не связанные с информатизацией. В заключительной части сопоставляются результаты этого анализа.

I. Влияние информатизации на преступность несовершеннолетних и компьютерную преступность: сравнительный анализ. Изложение хотелось бы начать с утверждения о том, что преступность несовершеннолетних за последние 20 лет характеризуется вполне положительными тенденциями. С 2004 года состояние дел, по данным МВД России, существенным образом улучшилось: количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, уменьшилось. Исчисленные нами в 2024 году по отношению к базисному 2004 году показатели сведены для удобства восприятия в табл. 1. При этом стоит учесть, что расчеты не включают численность населения и статистику правонарушаемости в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях.

Таблица 1

Основные показатели преступности несовершеннолетних в 2004 и 2024 гг.

	2004 год	2024 год	Темп роста
Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и (или) при их участии	154 414	26 398	0,17
Число лиц, выявленных за совершение этих преступлений	151 890	21 069	0,14
Удельный вес несовершеннолетних среди лиц, выявленных за совершение преступлений	12,4 %	3,2 %	0,25
Коэффициент преступности несовершеннолетних в расчете на 100 тыс. всего населения Российской Федерации	107	18,1	0,17
Коэффициент преступности несовершеннолетних в расчете на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет	2 183	402	0,18
Коэффициент преступной активности несовершеннолетних в расчете на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет	2 147	321	0,15

Аналогичные тенденции прослеживаются и в относительных показателях, характеризующих ее распространенность. Для этого стоит лишь обратить внимание на коэффициент преступности и коэффициент преступной активности населения. В качестве объяснения подобной динамики ученые предлагают несколько версий.

Одни указывают на демографические процессы, связанные с уменьшением удельного веса несовершеннолетних в структуре населения [1, с. 41]. За последние двадцать лет число несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, существенно снизилось (в 2003 г. – 21,5 млн чел., в 2023 г. – 16,9 млн чел.).

Другие обращают внимание на несообразность регистрационной дисциплины существующим закономерностям преступности несовершеннолетних. Мнение здесь фокусируется исключительно на аспекте возрастающей латентности преступности несовершеннолетних. Однако отрицательные темпы роста характерны и для преступности в целом. Общий ее объем за двадцать лет уменьшился в 0,71 раза (-39 %), объем лиц, выявленных за совершение таких преступлений, – в 0,61 раза (-49 %), коэффициент преступности в отрицательном выражении изменился в 0,69 раза (-37 %). Более достоверным будет предположение о том, что преступность несовершеннолетних как относительно самостоятельное явление (вид преступности) повторяет тенденции родового.

В контексте затрагиваемой темы отметим, что не все частные криминальные явления следуют обозначенным закономерностям в своем развитии. Регистрация компьютерной преступности (с которой мы проводим параллели) в последнее время указывает на существенное возрастание ее объемов. В табл. 2 представлено состояние преступности с 2018 по 2024 год.

Таблица 2

Состояние преступности с 2018 по 2024 год

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий	174 674	294 409	510 396	517 772	522 065	676 951	765 365
Количество лиц, выявленных за совершение преступлений с использованием компьютерных технологий	24 002	44 158	65 665	86 696	96 665	105 014	98 888
Количество зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними (или при их соучастии)	43 553	41 548	39 421	31 865	30 469	27 325	26 398
Количество несовершеннолетних лиц, выявленных за совершение преступлений	40 860	37 953	33 575	29 126	26 305	22 340	21 069

Из табл. 2 видно, что тенденции компьютерной преступности не совпадают с общей тенденцией регистрируемого в России числа преступлений. Не совпадают они и с направлением динамики преступности несовершеннолетних. А соотношение числа зарегистрированных деяний к количеству лиц, их совершивших, указывает, что компьютерные преступления зачастую являются многоэпизодными актами преступной деятельности.

II. Качественные изменения преступности несовершеннолетних в условиях информатизации. Подробно изучая данный аспект, мы обратили внимание на то обстоятельство, что современные исследования генезиса преступности несовершеннолетних, по мнению А. В. Шеслера и Л. М. Прозументова, подразумевают обращение к их ведущей сфере деятельности – общению между собой [2, с. 71]. Но коммуникативная функция присуща в той или иной мере всем возрастным группам населения. Поэтому влияние современных способов общения людей сказывается на преступности в целом, а не только на преступности несовершеннолетних.

С точки зрения социологии стоит отметить тот факт, что в условиях цифровизации общение принципиально меняется. Другое дело, что старшее поколение, имея опыт иных коммуникативных практик, не сводит все свое общение к

символьному суррогату, который доминирует в виртуальном пространстве. Для нынешнего подрастающего поколения такой формат общения может считаться нормой, воспринимается зачастую как единственно возможный формат общения между людьми. Это обстоятельство стоит учитывать в определении дальнейших тенденций развития преступности несовершеннолетних.

Наши предыдущие наблюдения указывают на общеуголовный характер преступности несовершеннолетних, однако и здесь наблюдаются значимые аспекты криминогенной трансформации их противоправного поведения, связанные с информатизацией и цифровизацией формата общения данной категории граждан.

1. Меняется предметно-ориентированный характер преступных посягательств несовершеннолетних. Виртуальные ценности становятся предметом корыстных преступных посягательств, хотя их правовая природа еще не до конца прояснена в действующем гражданском законодательстве [3, с. 25; 4, с. 28 ; 5, с. 42 ; с. ; 6, с. 124].

Приведем несколько косвенных примеров для иллюстрации данной тенденции. По данным Следственного комитета Российской Федерации, все большее число несовершеннолетних участвовало в совершении преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий. По итогам 2022 года прирост таких преступлений в структуре преступности несовершеннолетних составил 44 % или 3 166 случаев)¹. Сравнение с показателями всей преступности за аналогичный период указывает на то, что объем компьютерной преступности увеличился не так значительно (лишь на +0,83 %).

Если рассмотреть динамику данных преступлений на более длинном промежутке, то окажется, что преступность несовершеннолетних носит «догоняющий характер», повторяя тенденции взрослой преступности. На это обстоятельство указывают качественные характеристики преступности. В общем объеме удельный вес компьютерной преступности на сегодняшний день составляет порядка 34,7 %, а у несовершеннолетних – всего лишь 10,4 %. Следовательно, данная тенденция не повлекла значимых трансформаций для преступности несовершеннолетних, в отличие от преступности взрослых. Практически не наблюдается преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за шесть месяцев 2023 года было осуждено по главе 28 УК РФ 0 несовершеннолетних, за 2022 год – 1 человек, 2021 год – 4 человека, в 2020 году – 0 человек, 2019 году – 2 человека, 2018 году – 3 человека. Удельный вес обозначенных здесь осужденных среди общего количества несовершеннолетних преступников настолько мал, что фактически равен статистической погрешности. Кроме того, все выявленные лица относятся к возрастной группе 16–17 лет. Ни одного человека в младшей возрастной группе 14–15 лет за весь отмеченный период не было.

Исходя из приведенных данных, мы не в полной мере разделяем позицию Н. М. Туруновой, указывающей на высокую степень вовлеченности

¹ Козлова, Н. Александр Бастрыкин обеспокоен ростом детской преступности // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2023/04/19/malenkij-i-ochen-opasnyj.html> (дата обращения: 28.11.2026).

несовершеннолетних в компьютерные преступления [7, с. 4]. Е. В. Демидова-Петрова, проанализировав в 2019 году структуру преступности несовершеннолетних, также отметила ее стабильность на протяжении последних 30 лет [3, с. 25]. Те немногочисленные компьютерные преступления, что сейчас присущи несовершеннолетним, в 99,9 % случаев носят корыстную мотивацию. В силу этого обстоятельства мы полагаем, что придание самодовлеющего смысла игровым мотивам в преступном поведении несовершеннолетних [8, с. 35] недостаточно обоснованно. Приходится признать, что в своем качественном выражении преступность несовершеннолетних носит более консервативный характер, чем мы могли бы предположить.

В итоге мы вынуждены констатировать, что ценностно-мотивационная сфера современных несовершеннолетних преступников устремлена в будущее. Из-за многочисленных правовых коллизий эти деяния не находят отражения как преступления в уголовной статистике. Будущие черты преступности несовершеннолетних могут определяться лишь с помощью деликтной сферы или статистики административных правонарушений. Эти отрасли законодательства более гибко реагируют на изменение общественных отношений. Такой нюанс криминологам стоит учитывать при исследовании тенденций преступности несовершеннолетних.

2. Говоря о преступности несовершеннолетних, мы практически всегда вспоминаем о ее групповом характере. Однако в силу цифровизации изменились и способы взаимодействия несовершеннолетних в группах. Групповой характер преступных посягательств подразумевает межличностное общение правонарушителей. Дистанционный формат значительно обедняет его, сводя к удобному способу передачи информации. Поэтому отдельные способы совершения правонарушений: оскорбления, угрозы, воспроизведенные в глобальной компьютерной сети, могут обретать излишнюю жестокость. Это делает обследуемую «цифровую» криминогенную ситуацию далекой от реальной жизни, когда, исходя из конкретной ситуации, обидчик мог бы просто остановиться.

В силу этих особенностей хорошо известное криминологии преступное объединение несовершеннолетних заменяется постепенно на обезличенное сообщество индивидов. При этом в отдельных случаях возникает опасность смешения понятий преступной группы и группы «сетевой», существующей исключительно в виртуальном пространстве. Способы коммуникации в виртуальных структурах отличаются от классических. В такое объединение могут свободно проникать под видом несовершеннолетних взрослые организаторы, идеологи. Поэтому в рамках профилактической работы их становится существенно труднее изобличить и привлечь к ответственности специальным подразделениям органов МВД России.

3. Современные средства коммуникации повышают уровень информированности несовершеннолетних о возможных способах совершения конкретных преступлений. Так, посредством глобальной компьютерной сети Интернет несовершеннолетние сталкиваются с информацией о способах совершения мошеннических действий, о том, каким образом наиболее эффективно стоит осуществлять распространение экстремистских материалов, получить доступ

к порнографии, как изготовить наркотические средства, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества.

Особым криминогенным потенциалом в этой сфере обладают социальные сети. Они выступают не только как платформа для вербовки новых сторонников, но и как ключевое звено в цепочке распространения через несовершеннолетних экстремистских материалов, запрещенных на территории Российской Федерации.

Социальные сети могут быть использованы в качестве распространения наркотических средств среди несовершеннолетних, так как предоставляют доступ к информации о запрещенных веществах, способах их употребления и влиянии на организм. В социальных сетях существуют группы и сообщества, пропагандирующие употребление наркотических средств, а также содержащие инструкции по выращиванию мака и продаже наркотических веществ.

III. Тенденции преступности несовершеннолетних, не связанные с информатизацией. Вместе с тем, как показывает наше исследование, преступность несовершеннолетних, являясь по большей части общеуголовной, имеет свои собственные негативные криминологические тенденции.

1. С позиции криминологического показателя характера преступности деяния несовершеннолетних отличаются от преступлений взрослых в худшую сторону. Обвиняемыми по уголовным делам в тяжких и особо тяжких преступлениях за 2022 год среди несовершеннолетних оказались 41,2 % от всего числа преступников, в то время как у взрослых аналогичный показатель равен 24,4 %. При этом значительное число правонарушителей (4,7 тыс. чел.) к моменту совершения тяжкого или особо тяжкого преступления не достигли возраста наступления уголовной ответственности².

2. Довольно тревожными выглядят и показатели рецидива преступлений несовершеннолетних, ведь каждое четвертое преступление в 2023 году совершалось ими повторно, в то время как 20 лет назад аналогичный показатель равнялся всего лишь 15,5 % [9, с. 16]. Важно обратить внимание на личностные характеристики несовершеннолетних рецидивистов, поскольку все они без исключения являются лицами мужского пола. Данную негативную тенденцию подтверждают наблюдения наших коллег по частоте совершения повторных преступлений: два преступления до достижения совершеннолетия успевают совершить 37,6 % осужденных, три – 37,5 %, четыре – 6,3 %, семь – 12,5 %, восемь – 6,3 % [10, с. 758]. Из числа последних сформировалась достаточно большая часть злостных преступников последовательно криминогенного типа. Этот же факт подтверждается исследованиями Ю. В. Сокол, относящей около половины преступлений несовершеннолетних к указанной категории рецидивистов – «интенсивных правонарушителей» [11, с. 22]. Данная группа лиц в последующем может занять руководящую роль при совершении новых преступлений

² Солопов, М., Сурина, Я. 16,5 % привлекавшихся к ответственности в 2022 году подростков – из неблагополучных семей // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/31/978031-statistika-ko-dnyu-zaschiti-detei> (дата обращения: 28.11.2025).

[12, с. 19]. По мере взросления эти несовершеннолетние становятся не только руководителями групп своих сверстников, но и смешанных групп.

Очевидно, что преступность несовершеннолетних повторяет тенденции рецидивной преступности взрослых. Возможной причиной подобного развития событий является недопонимание последствий, связанных с принятием решения о прекращении уголовного преследования конкретного лица из числа несовершеннолетних. В подтверждение можно привести следующую статистику, когда на досудебной стадии в 2022 году было прекращено уголовное преследование 3,7 тыс. обвиняемых. А если провести параллель с данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за аналогичный период было принято еще около восьми тысяч решений о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетних уже на стадии судебного разбирательства.

При этом из 14,3 тыс. несовершеннолетних к реальному лишению свободы были приговорены только 2,3 тыс. чел. Лицам, чья преступная деятельность влечет за собой тяжкие или особо тяжкие последствия, зачастую назначается слишком гуманное наказание без учета их личностных особенностей. Возможно, это является не самой правильной практикой предупреждения рецидивной преступности несовершеннолетних.

На фоне общего сокращения объема несовершеннолетних преступников сокращается и количество воспитательных колоний. На 1 января 2024 г. насчитывается только 13 таких учреждений, в то время как еще в 2012 году на территории Российской Федерации их было 62 единицы. Тогда и практика назначения наказания, по наблюдениям О. В. Полосухиной, складывалась совершенно иным образом.

Из 63,4 тыс. осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, приговорены 16,7 тыс. чел., с применением условного осуждения – 15,7 тыс. чел. [13, с. 3]. В соответствии с реализуемой федеральной целевой программой «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)» особое внимание уделяется местам лишения свободы. Однако центр воспитательной и исправительной работы с несовершеннолетними смещается на уголовно-исполнительные инспекции [14, с. 21], о развитии которых речи в документе не идет.

3. Не всегда эффективной является практика назначения наказания несовершеннолетним условно. Общий превентивный эффект условного наказания, отмеченный ранее В. А. Уткиным [15, с. 218], сегодня работает, как оказалось, не вполне эффективно.

В базисном для нас 2003 году, с которого мы начали проводить исследование, удельный вес рецидива среди осужденных условно несовершеннолетних достигал 56–59 % [16, с. 15]. В 2012 году Р. В. Новиков в своей монографии отметил, что удельный вес повторно осужденных несовершеннолетних после назначения им наказания условно в двух российских регионах (Белгородской области и Пермском крае) составил порядка 50 % [17, с. 75].

Оценивая превентивный потенциал условного осуждения, А. С. Скороходова указывает, что порядка 5,5 % рецидивных преступлений взрослых совершается именно в период испытательного срока. При этом удельный вес таковых

у несовершеннолетних составил 6–7 % [18, с. 32]. Анализируя дальнейшую практику отбывания назначенного несовершеннолетним условного наказания, она отмечает, что оно уступает всем иным его видам по воспитательному эффекту. Проблему, по нашему мнению, усугубляет и тот факт, что правосознание наших сограждан остается на довольно низком уровне в части понимания общепреventивного действия уголовного закона.

Проведенное Н. С. Малолеткиной обследование общественного мнения показало, что 62 % лиц не понимают смысла и задач, решаемых наказанием, назначаемым условно [19, с. 14]. К этому стоит прибавить 7,5 % лиц, затруднившихся сформулировать свое отношение к нему. И лишь оставшиеся 30 % понимают его «испытательный» характер.

Подытоживая приведенные факты, мы склонны солидаризоваться с мнением Л. М. Прокументова и Н. В. Ольховик [20, с. 123], утверждающих, что российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство плохо учитывает криминологическую характеристику и возрастные особенности несовершеннолетних преступников при назначении им наказания условно.

В итоге хотелось бы сформулировать ряд положений нашей гипотезы о влиянии информатизации на развитие преступности несовершеннолетних и выделить некоторые частные следствия из этого:

а) параллельный анализ происходящих качественно-количественных изменений двух видов преступности доказал свою эффективность. В случае с компьютерной преступностью эти изменения, как следствие информатизации, носят фундаментальный характер. В случае с преступностью несовершеннолетних коренных изменений информатизация за собой не повлекла;

б) не нашла эмпирического подтверждения широко распространенная в периодической научной литературе и отдельных диссертационных работах гипотеза о большей вовлеченности несовершеннолетних в совершение компьютерных преступлений. Способность быстрой адаптации к использованию информационно-коммуникативных технологий еще не означает повышенную склонность к совершению компьютерных преступлений;

в) сопоставление темпов прироста компьютерных преступлений в структуре преступности несовершеннолетних с аналогичными показателями преступности взрослых показало, что эффекты трансформации преступного поведения несовершеннолетних носят «догоняющий характер». С одной стороны, это свидетельствует, что специфических проявлений информатизации в преступности несовершеннолетних не имеется. С другой стороны, есть опасность недооценки смены предметно ориентированного характера преступных посягательств несовершеннолетних. Это качественным образом способно повлиять на состояние компьютерной преступности в будущем;

г) проведенный нами сопоставительный анализ структуры общей преступности несовершеннолетних и специфики компьютерной преступности (киберпреступности) доказывает, что они, несмотря на возможные частные пересечения, в целом обладают признаками разнородных криминальных феноменов. Существенные свойства

информатизации, которые могли бы повлиять на развитие обоих направлений, системно сопрягаются лишь в области корыстной преступности. Поскольку собственно информационные (компьютерные) преступления в своей массе не характерны для несовершеннолетних, придание самодовлеющего смысла игровым мотивам в их преступном поведении (в том числе при совершении отдельных компьютерных преступлений) представляется недостаточно обоснованным.

д) информатизация на текущем этапе не усложняет феномен преступности несовершеннолетних и не ухудшает его криминологические характеристики. Внутри этого феномена есть свои собственные движущие силы, которые придают ему свойства более тяжелой рецидивной преступности взрослых лиц.

В силу этих обстоятельств для разработки эффективных мер предупреждения целесообразно обратить пристальное внимание на практику отбытия наказания несовершеннолетними. Стоит сделать ставку на развитие уголовно-исполнительных инспекций внутри Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, усовершенствовать методику взаимодействия этих инспекций с подразделениями по делам несовершеннолетних системы МВД России по вопросам профилактических учетов и взаимодействию с лицами, на них состоящих.

При организации прокурорского надзора за обоснованностью прекращения уголовных дел стоит учесть вскрытые нами недостатки принятия решений об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности органами предварительного следствия. При обеспечении участия прокурора со стороны обвинения в судебном процессе необходимо внимательнее относиться к основаниям назначения наказания условно. Во многих случаях такие решения не основаны на объективной криминологической характеристике личности обвиняемого и подсудимого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осадчук, О. А. Преступность несовершеннолетних женского пола: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 239 с.
2. Прозументов, Л. М., Шеслер, А. В. Учет особенностей преступности несовершеннолетних в профилактической деятельности полиции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 68–81.
3. Демидова-Петрова, Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. 53 с.
4. Старостенко, О. А. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 232 с.
5. Камко, А. С. Предупреждение мошенничества с использованием телекоммуникационных и компьютерных сетей : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2020. 228 с.
6. Джафарли, В. Ф. Формирование и развитие системы криминологической безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 540 с.

7. Турунова, Н. М. Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 24 с.
8. Лопатина, Т. М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 62 с.
9. Лелеков, В. А. Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 15–23.
10. Кряжева, С. Г., Московитина, М. М., Новиков, А. В. Структурный анализ актуального состояния рецидива преступности среди несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии повторно // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 4А. С. 756–764.
11. Сокол, Ю. В. Предупреждение интенсивного преступного поведения несовершеннолетних: зарубежный опыт : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 280 с.
12. Аносов, А. В. Соучастие несовершеннолетних в преступлениях: особенности уголовной ответственности и предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 26 с.
13. Полосухина, А. В. Условное осуждение к лишению свободы в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 25 с.
14. Панфилов, Е. Е. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2020. 25 с.
15. Уткин, В. А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск : ТГУ, 2018. 240 с.
16. Тараленко, К. Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и её предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 24 с.
17. Новиков, Р. В. Назначение наказания несовершеннолетним в современных условиях. Пермь, 2012. 148 с.
18. Скороходова, А. С. Условное осуждение несовершеннолетних: вопросы правоприменения // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 28–34.
19. Малолеткина, Н. С. Условное осуждение – форма реализации уголовной ответственности: проблемы сущности и исполнения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 23 с.
20. Ольховик, Н. В., Прозументов, Л. М. Проблемы и перспективы применения альтернатив лишению свободы к несовершеннолетним // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 123–132.

REFERENCES

1. Osadchuk, O. A. Prestupnost' nesovershennoletnikh zhenskogo pola: kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty : Dissertaciya kandidata yuridicheskikh nauk [Female juvenile delinquency: criminological and criminal law aspects : Thesis for the degree of PhD in Law]. Krasnodar, 2023, 239 p. (In Russ.).
2. Prozumentov, L. M., Shesler, A. V. Uchyot osobennostey prestupnosti nesovershennoletnikh v profilakticheskoy deyatel'nosti politzii [Accounting for juvenile delinquency characteristics in police preventive activities]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo - Vestnik of Tomsk State University. Law. Tomsk, 2023, no. 47, pp. 68-81. (In Russ.).

3. Demidova-Petrova, E. V. Prestupnost' nesovershennoletnikh v sovremennoy Rossii: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye problemy eyo poznaniya i preduprezhdeniya : Avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [Juvenile delinquency in modern Russia: theoretical, methodological and applied problems of its study and prevention : Synopsis of a thesis for the degree of Doctor of Legal Sciences]. Kazan, 2019, 53 p. (In Russ.).
4. Starostenko, O. A. Viktimologicheskoe preduprezhdenie khishcheniy, sovershaemykh distantsionno : Dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Victimological prevention of remotely committed thefts : Thesis for the degree of PhD in Law]. Krasnodar, 2023, 232 p. (In Russ.).
5. Kamko, A. S. Preduprezhdenie moshennichestva s ispol'zovaniem telekommunikatsionnykh i komp'yuternykh setey : Dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Prevention of fraud using telecommunication and computer networks : Thesis for the degree of PhD in Law]. Vladivostok, 2020, 228 p. (In Russ.).
6. Dzhafarli, V. F. Formirovaniye i razvitiye sistemy kriminologicheskoy bezopasnosti v sfere informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy : Dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Formation and development of criminological security system in information and communication technologies : Thesis for the degree of Doctor of Legal Sciences]. Moscow, 2022, 540 p. (In Russ.).
7. Turunova, N. M. Protivodeystvie vliyaniyu seti "Internet" na prestupnoye povedeniye nesovershennoletnikh : Avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Counteracting the influence of the Internet on criminal behavior of minors : Synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law]. St. Petersburg, 2023, 24 p. (In Russ.).
8. Lopatina T. M. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovyye osnovy protivodeystviya komp'yuternoy prestupnosti : Avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [Criminological and criminal law foundations of combating computer crime : Synopsis of a thesis for the degree of Doctor of Legal Sciences]. Moscow, 2006, 62 p. (In Russ.).
9. Lelekov, V. A. Prestupnyy retsidiv nesovershennoletnikh i ego preduprezhdenie [Juvenile criminal recidivism and its prevention]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii - Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Voronezh, 2014, no. 4, pp. 15-23. (In Russ.).
10. Kryazheva, S. G., Moskovitina, M. M., Novikov, A. V. Strukturnyy analiz aktual'nogo sostoyaniya retsidiva prestupnosti sredi nesovershennoletnikh, otbyvayushchikh nakazaniye v vospitatel'noy kolonii povtorno [Structural analysis of the current state of recidivism among juveniles repeatedly serving sentences in educational colonies]. Pedagogicheskiy zhurnal - Pedagogical Journal. 2022, vol. 12, no. 4A, pp. 756-764. (In Russ.).
11. Sokol, Yu. V. Preduprezhdeniye intensivnogo prestupnogo povedeniya nesovershennoletnikh: zarubezhnyy opyt : Dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Prevention of intensive criminal behavior of juveniles: foreign experience : Thesis for the degree of PhD in Law]. Krasnodar, 2022, 280 p. (In Russ.).
12. Anosov, A. V. Souchastie nesovershennoletnikh v prestupleniyakh: osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti i preduprezhdeniya : Avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Juvenile complicity in crimes: features of criminal responsibility and prevention : Synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law]. Moscow, 2016, 26 p. (In Russ.).
13. Polosukhina, A. V. Uslovnoye osuzhdeniye k lisheniyu svobody v otnoshenii nesovershennoletnikh : Avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Suspended

sentence for juveniles : Synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law]. Ryazan, 2013, 25 p. (In Russ.).

14. Panfilov E. E. Preduprezhdenie delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnikh, osuzhdyonnykh bez izolyatsii ot obshchestva: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : Avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk [Prevention of delinquent behavior of juveniles sentenced without isolation from society: criminal law and criminological aspects : Synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law]. Kursk, 2020, 25 p. (In Russ.).

15. Utkin, V. A. Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy [Problems of the theory of criminal punishments]. Tomsk : TGU, 2018, 240 p. (In Russ.).

16. Taralenko, K. N. Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh, osuzhdyonnykh uslovno, i eyo preduprezhdenie : Avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk [Recidivism of conditionally sentenced juveniles and its prevention : Synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law]. Tomsk, 2004, 24 p. (In Russ.).

17. Novikov, R. V. Naznachenie nakazaniya nesovershennoletnim v sovremennykh usloviyakh [Sentencing juveniles in modern conditions]. Perm, 2012, 148 p. (In Russ.).

18. Skorokhodova, A. S. Uslovnoe osuzhdenie nesovershennoletnikh: voprosy pravoprimeneniya [Suspended sentence for juveniles: issues of law enforcement]. Ugolovnaya yustitsiya - Criminal Justice. 2023, no. 22, pp. 28-34. (In Russ.).

19. Maloletkina, N. S. Uslovnoe osuzhdenie - forma realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti: problemy sushchnosti i ispolneniya : Avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk [Suspended sentence as a form of criminal responsibility implementation: problems of essence and execution : Synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law]. Chelyabinsk, 2011, 23 p. (In Russ.).

20. Ol'khovik, N. V., Prozumentov, L. M. Problemy i perspektivy primeneniya alternativ lisheniya svobody k nesovershennoletnim [Problems and prospects of applying alternatives to imprisonment for juveniles]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo - Bulletin of Tomsk State University. Law. Tomsk, 2019, no. 31, pp. 123-132. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Антон Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности. Новосибирский государственный университет экономики и управления. 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komarov Anton Anatol'evich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law and National security. Novosibirsk state university of economics and management. 56 Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 203-213.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 116, no. 1, pp. 203-213.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.13

**О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕВОГО ПОДХОДА В
ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Лубягин Михаил Сергеевич

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация,
010453@bgu.ru

Введение. В статье рассматриваются актуальные аспекты о возможности использования нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам. Отмечается, что властно-распорядительные сферы деятельности государства, такие как уголовное судопроизводство, должны также активно подвергнуться имплементации положительного опыта в сфере применения цифровых технологий. Обращается внимание на то, что использование нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам как специального отраслевого субинститута должно основываться на соблюдении принципов уголовного судопроизводства. Одновременно с этим представлена авторская система принципов использования нейросетевого подхода в уголовном производстве.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образует уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. В ходе исследования изучались материалы статистических данных, отражающие тенденции увеличения интереса к сфере искусственного интеллекта, а также научные работы авторов, рассматривавших теоретические основы имплементации возможностей цифровизации в уголовное судопроизводство. Методологической основой исследования послужил комплекс общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, формально-догматический метод) и специальных методов познания.

Результаты исследования. Анализируя результаты исследования, автор определил следующие выводы: сокращение временного ресурса на выполнение различных процессуальных процедур. Это позволит следователю сосредоточить усилия на процессе раскрытия и расследования преступления на более качественном уровне. Вместе с тем возможность комбинирования различных форм применения нейросетевого подхода обеспечит совершенно новый уровень качества

предварительного расследования. Являясь своего рода новеллой для правоприменительной практики, использование нейросетевого подхода требует, во-первых, правовой базы регулирования на подзаконном уровне (в приказах следственных органов, инструкциях по делопроизводству, методических указаниях расследования), а в последующем и на процессуальном уровне при условии эффективной апробации результатов.

Выводы и заключения. По результатам исследования определены основные и оптимальные формы использования нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: нейросетевой подход, досудебное производство, уголовное судопроизводство, принципы нейросетевого подхода, ситуационное моделирование

Для цитирования: Лубягин, М. С. О перспективах использования нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 203-213.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

PROSPECTS OF IMPLEMENTING NEURAL NETWORK MODELS IN PRE-TRIAL CRIMINAL INVESTIGATIONS

Michael S. Lubyagin

Bakal State University, Irkutsk, Russian Federation, 010453@bgu.ru

Introduction. This article explores the current prospects and practicalities of integrating a neural network approach into pre-trial criminal proceedings. It argues that the exercise of sovereign state powers, particularly within criminal justice, should actively adopt best practices from the field of digital technology. The author emphasizes that applying neural networks as a specialized legal sub-institution must be strictly grounded in the fundamental principles of criminal procedure. Furthermore, the article proposes an original framework of principles governing the use of neural network approaches in criminal justice.

Materials and Methods. The legal framework of this study is based on the criminal procedure legislation of the Russian Federation. The research analyzes statistical data reflecting the growing interest in artificial intelligence, alongside scholarly works exploring the theoretical foundations for implementing digitalization within criminal proceedings. The methodological basis of the study comprises a comprehensive set of general scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, and the formal-legal method) as well as specialized research techniques.

The Results of the Study. Based on the study's findings, the author concludes that integrating neural networks significantly optimizes time resources for various procedural actions. This allows investigators to focus more effectively on the quality of crime detection

and investigation. Furthermore, combining different applications of the neural network approach will elevate the overall quality of preliminary investigations to a new level. As a legal innovation in law enforcement, the use of neural networks requires a robust regulatory framework—initially at the subordinate level (departmental orders, office management instructions, and investigative guidelines) and subsequently at the procedural level, following successful pilot testing and evaluation of results.

Findings and Conclusions. The investigation establishes key models and optimal protocols for integrating neural network solutions into pre-trial criminal investigations.

Keywords: neural network approach, pre-trial proceedings, criminal proceedings, principles of neural network approach, situational modeling

For citation: Lubyagin, M. S. O perspektivah ispol'zovaniya nejrosetevogo podhoda v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam [Prospects of Implementing Neural Network Models in Pre-Trial Criminal Investigations]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo Institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 203-213. (In Russ.).

В современных условиях развития государственно-информационных механизмов и соответствующих цифровых институтов особую актуальность приобретает вопрос о перспективах использования цифровых технологий, электронных ресурсов и их возможностей в национальном уголовном судопроизводстве. Действительно, опираясь на актуальные реалии функционирования большей части общественных и государственных институтов, нельзя не признать, что фактически во всех современных отраслях жизнедеятельности широко используются достижения цифровой эпохи. Представляется, что властно-распорядительные сферы деятельности государства, такие как уголовное судопроизводство, должны также активно подвергнуться имплементации положительного опыта в сфере применения цифровых технологий.

Конечно, в сфере уголовного судопроизводства на современном этапе уже активно используются возможности цифровых технологий: от уже традиционной процедуры составления процессуальных документов и их проектов с помощью персонального компьютера до производства высокотехнологичных судебных экспертиз и процессуальных действий [1, с. 84]. Одновременно с этим, думается, что сфера уголовного судопроизводства, в частности его досудебные стадии, могут более активно обуславливаться применением цифровых технологий с учетом их адаптации к актуальным реалиям и новым стандартам. Здесь речь идет о возможностях одной из наиболее современных цифровых технологий – нейросетевом подходе.

По своей сущности кульминационное значение нейросетевого подхода заключается в возможности оперативной обработки данных, причем данных большого объема. Кроме того, содержание данного подхода выражается в способности системного моделирования, то есть в создании определенных процессов о рассматриваемом объекте, его составных элементах и корреляции между ними [2, с. 179].

Моделирование определенных знаний об объекте и его элементах имеет особую актуальность в деятельности органов предварительного расследования. Алгоритм применения подобной технологии заключается в использовании цифрового лицензированного национального программного обеспечения, которое позволит осуществить функции по созданию и воспроизведению моделей, например, при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере нарушения правил дорожного движения.

Вместе с тем использование нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам как специального отраслевого субинститута должно основываться на соблюдении принципов уголовного судопроизводства – это одно из основополагающих критериев допустимости применения возможностей данной технологии при расследовании преступлений. Очевидно, что при использовании программного моделирования на основе нейросети высока вероятность возникновения различного рода рисков – прежде всего, рисков этических начал уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 17–19].

Для более детального исследования вопроса о принципах использования нейросетевого подхода в уголовном судопроизводстве представим соответствующую схему (рис. 1):

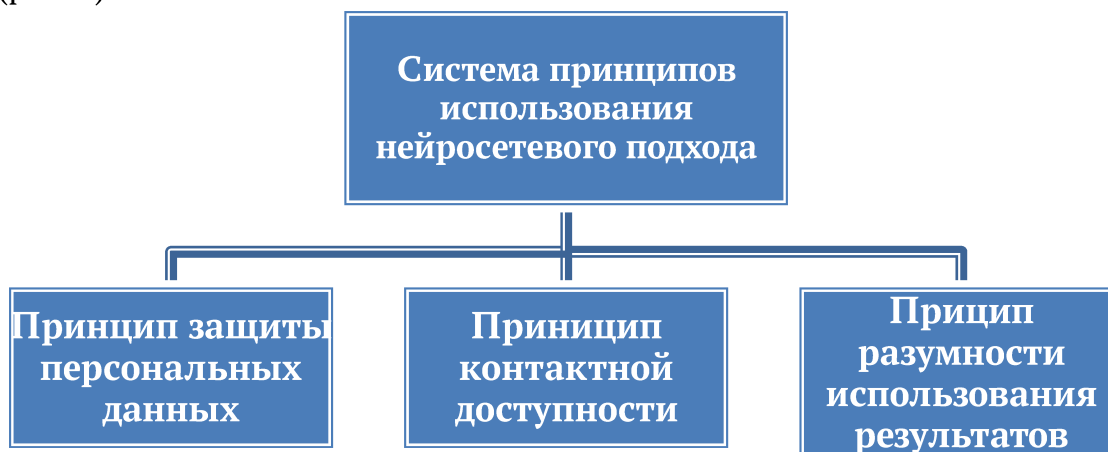

Рис. 1. Принципы использования нейросетевого подхода

Далее представляется возможным конкретизировать вышеуказанные принципы, раскрыв их содержание и значение для правоприменительной деятельности.

1. Принцип защиты персональных данных. Как отмечает профессор И. Г. Смирнова, с учетом динамики общественных отношений меняются и аксиологические доминанты в правовых институтах [4, с. 236]. С данной позицией нельзя не согласиться, поскольку приоритет защиты прав и свобод граждан на современном этапе все больше стремится в сферу цифрового пространства. Ввиду этого обращает на себя внимание немаловажный вопрос – защита прав и законных интересов личности, участвующей в уголовном процессе, в том числе с использованием цифровых технологий.

Вполне очевидно, что обязательным условием применения возможностей нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам является

добровольная позиция гражданина и его согласие об использовании подобных технологий (как пример, при формировании модели фоторобота лица, подозреваемого в совершении преступления, с помощью нейросети). Кроме того, здесь же важно отразить тесно связанное с первым условием: запрет распространения информации, полученной в результате программного моделирования и (или) программной генерации, выполненной с помощью нейросети.

С учетом особенностей практики уголовного судопроизводства необходимо во всех случаях, связанных с реализацией возможностей нейросетей, тщательно прогнозировать утечку потоков информации – ключевого фактора нарушения тайны в уголовном судопроизводстве [5, с. 89].

2. Принцип контактной доступности. Под данным принципом следует понимать такую форму использования нейросетевого подхода, которая позволит следователю использовать цифровые инструменты без потребности в специальных знаниях. Иными словами, контактная доступность нейросетевого подхода должна стать приемлемой для следователя и одновременно не требующей специальных знаний в области высоких технологий. Конечно, в отдельных случаях следователь сохраняет за собой право привлечь специалиста к процедуре применения нейросетевого подхода – в такой связке наиболее эффективно представится возможным достичь всех задач по использованию технологии моделирования с помощью нейросетей.

Кроме того, принцип контактной доступности должен распространяться не только на властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, но и в отношении иных субъектов: потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого и т. д. Это, в свою очередь, подразумевает, что каждый из вышеперечисленных участников вправе беспрепятственно знакомиться с результатами применения нейросетевого подхода. В таком формате достижение назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав и свобод граждан будет обладать высокой степенью эффективности и результативности с точки зрения вращения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве.

Одновременно с этим следует сделать важное уточнение: следователь – не специалист в области цифровых технологий, и результаты настоящей статьи не сводятся к тому, что следователь, будучи юристом и правоприменителем, обязан использовать подобные технологии без наличия технических знаний и соответствующего опыта; логика рассуждений здесь все же заключается, прежде всего, в возможности использования подобных технологий, причем в таком формате, в котором следователь может использовать технологии нейросетей. Именно в этом и выражается значение принципа контактной доступности использования нейросетевого подхода в уголовном судопроизводстве.

3. Принцип разумности использования результатов. Данный принцип тесно связан с предыдущими принципами в своей иерархии и подразумевает правило разумного использования результатов нейросетевого моделирования с точки зрения научных и правоприменительных моделей. Как известно, интерес общества и государства к нейросетям возрастает, о чем свидетельствуют статистические данные: по состоянию на январь 2024 года количество пользователей сервисов нейросетей

достигло значения более 15 млн чел.¹. Однако здесь важно уточнить факт того, что единой научной разработки о методическом использовании нейросетей не имеется, так как точно спрогнозировать результаты нейросетевого моделирования невозможно.

Следовательно, несмотря на значительное упрощение многих процедур, следователь должен скрупулезно подходить к анализу каждого проведенного моделирования с помощью нейросети. Очевидно, что не каждый результат нейросетевого моделирования следователь может использовать в своей деятельности по раскрытию и расследованию преступления, в особенности при использовании результатов нейросетевого подхода в качестве доказательств по уголовному делу – современное уголовно-процессуальное законодательство только движется в направлении проработки правовой регламентации придания процессуальной природы электронных доказательств, в том числе генерируемых с помощью нейросетей [6, с. 369].

Конкретизировав систему принципов использования нейросетевого подхода в уголовном судопроизводстве, следует определить основные формы его использования в досудебном производстве по уголовным делам (рис. 2):

Рис. 2. Формы использования нейросетевого подхода

Представленная авторская схема о формах применения нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам, как видно, состоит из трех элементов, которые необходимо раскрыть далее.

Так, интеграция технических устройств, используемых участниками уголовного судопроизводства, представляет собой совокупность технических, цифровых и

¹ Динамика интереса к нейросетям в России // ya.ru : сайт. URL: <https://ya.ru/ai/stat>. (дата обращения: 21.08.2025).

информационных ресурсов, их систем, применяемую в досудебном производстве по уголовным делам на основе сочетания (интеграции) данных ресурсов, их систем в едином цифровом пространстве. Иными словами, следователь может использовать различные цифровые технические устройства, принцип работы которых основан на функционировании всех устройств в одном источнике и под единой учетной записью.

Подобную технологию разработала и представила на коммерческий рынок южнокорейская компания Samsung Electronics в 2014 году – приложение SmartThings, объединяющее различные технические и цифровые устройства системы умного дома (телевизоры, планшеты смартфон, освещение, принтер, факс и пр.) под единой учетной записью Samsung account². Механизм интеграции заключается в сосредоточении управления всеми устройствами со смартфона, при этом физически пользователь не взаимодействует с другими устройствами, раскрывая их функционал удаленно. Проводя параллель со сферой уголовного судопроизводства, можно разработать подобную технологию для нужд органов предварительного расследования, обеспечить функционирование данной системы интеграции служебных вспомогательных устройств следователя: персонального компьютера, планшета, ноутбука или ультрабука, принтера, факса, телефона, служебного смартфона, графической доски (для проведения ВКС) и т. д.

Перечень устройств и цифровых ресурсов неисчерпывающий: в зависимости от потребностей расследования, развития технологий функционал используемых следователем устройств и ресурсов может дополняться, а вопрос финансирования и обеспечения данными ресурсами определяется следственным органом.

Одновременно с этим нельзя не отметить программное ядро функционирования подобной технологии интеграции – специальную учетную запись (аккаунт) следователя, которая представляет собой личный кабинет следователя, содержащий всю бланкетную информацию о должностном лице, его следственном органе (подразделении) и т. д. Естественно, что данная технология требует соответствующего уровня защиты, поэтому предлагается использовать национальные цифровые разработки в области цифровой безопасности, показавшие наиболее эффективные результаты, – платформу ГосТех либо программное обеспечение государственного сервиса Госуслуги. Кроме того, важно помнить о возможных рисках (например, об утере информации в сети, взломе и похищении данных), делая акцент на закрытых протоколах связи и функционировании системы в сети, что в максимальной степени позволит обеспечить безопасное применение технологии следователем на основе использования нейросетевого подхода.

Не менее важной формой использования нейросетевого подхода в уголовном судопроизводстве может являться процесс генерации и обработки текста проектов процессуальных документов. Так, при осуществлении ряда процедур следователь затрачивает достаточно объемный ресурс с точки зрения времени, например при формировании текста обвинительного заключения. В связи с этим предлагается

² Обзор сервисов SmartThings // [samsung.com/ru](https://www.samsung.com/ru/support/apps-services/features-of-the-smarthings-services/) : сайт. URL: <https://www.samsung.com/ru/support/apps-services/features-of-the-smarthings-services/> (дата обращения: 24.08.2025).

рассмотреть вопрос о разработке и внедрении технической текстовой программы, обрабатывающей тексты процессуальных документов.

К функциям такой программы представляется возможным отнести проверку орфографии напечатанных текстов, а также осуществление склонения действий лиц от первого лица в третье лицо при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Это позволит сократить временной ресурс следователя на составление текста обвинительного заключения, что в целом положительно отразится на качестве предварительного расследования.

При рассмотрении такого направления, как генерация текста, можно выделить способность нейросети составлять текст на основе заданных следователем критериев: стиля изложения, макета текста, его объема и содержания, а также включения в проект генерируемого текста сведений, вносимых следователем заранее (например, бланкетных данных из протоколов следственных действий). Важно уточнить, что генерация текстов требует тщательной проверки следователем, который по ее результатам редактирует представленный текст, а не использует шаблон, составленный с помощью нейросети, – это важное и общее условие допустимости использования подобной технологии в досудебном производстве, поскольку оно затрагивает вопрос соблюдения процессуальной формы и в целом этику нравственных начал на стадии предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве.

Еще одной формой применения нейросетевого подхода в уголовном судопроизводстве может выступать процесс ситуационного моделирования. В литературе отмечается, что с учетом совершенствования организованной и транснациональной преступности необходимым является разработка новой политики осуществления противодействия данной преступности со стороны компетентных органов государства [7, с. 227]. Вполне очевидно, что в этой связи нельзя не признать необходимость адаптивного совершенствования национальной правоохранительной системы по вопросу цифрового сопровождения расследования – фактически это условие уже становится общим, а не специальным в досудебном производстве.

Различные преступления в определенной части требуют не только всестороннего подхода в процессе их раскрытия, но и более глубокого анализа всех составляющих их элементов, а также их взаимосвязи. Последнее, как представляется, может быть реализовано на результативном уровне исключительно с использованием метода ситуационного моделирования.

Ситуационное моделирование представляет собой деятельность, связанную с прогнозированием, формированием и воспроизведением различных ситуаций с целью возможного последующего апробирования результатов анализа таких ситуаций [8, с. 170]. Как отмечалось ранее, в уголовном судопроизводстве сущность данного метода в сочетании с нейросетевым подходом может использоваться следователем при раскрытии и расследовании преступлений, требующих построения визуальных графических схем. Наличие последних позволит более скрупулезно исследовать все основные этапы совершения преступления, отразить типовые следственные версии, а также сгруппировать следственные ситуации.

К данным преступлениям необходимо относить прежде всего:

- преступления, совершенные в цифровой среде (к правилу «цифровые преступления необходимо расследовать цифровым способом»);
- преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (с помощью возможностей нейросетевого подхода следователь способен генерировать схему дорожно-транспортного происшествия и воспроизводить возможные ситуации);
- миграционные преступления (например, при прогнозировании ситуаций, связанных с генерацией возможных маршрутов передвижения мигрантов, определении в конечном итоге точного их местоположения и т. д.);
- преступления против государственной власти (следователем с использованием нейросети возможно создание ситуационного моделирования поведения подозреваемых, обвиняемых в целях установления контакта с последними, выявления средств или орудий совершения преступления, собирания новых доказательств).

Естественно, перечень указанных преступлений также не является исчерпывающим, в исследовании представлены только те категории преступлений, в процессе которых возможно применение ситуационного моделирования на основе нейросетевого подхода в целях более качественного расследования.

Таким образом, использование нейросетевого подхода в досудебном производстве по уголовным делам представляет собой новую перспективу и вектор совершенствования правоприменительной деятельности. Это обусловлено следующими выводами:

1. Сокращение временного ресурса на выполнение различных процессуальных процедур. Это позволит следователю сосредоточить усилия на процессе раскрытия и расследования преступления на более качественном уровне.
2. Возможность комбинирования различных форм применения нейросетевого подхода обеспечит совершенно новый уровень качества предварительного расследования.
3. Являясь своего рода новеллой для правоприменительной практики, использование нейросетевого подхода требует, во-первых, правовой базы регулирования, хотя бы на подзаконном уровне (в приказах следственных органов, инструкциях по делопроизводству, методических указаниях расследования), а в последующем и на процессуальном уровне при условии эффективной апробации результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибунов, О. П. Определение классификационного типа папиллярного узора на основе нейросетевого подхода // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19. № 1. С. 84–95.
2. Судакова, Т. М. Нейронаука и нейрокриминология: методологические принципы интеграции // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 2 (88). С. 179–186.
3. Миронова, Е. Ю. Нравственные начала уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2025. 270 с.

4. Смирнова, И. Г. Аксиологические риски цифровизации уголовного судопроизводства: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 3. С. 236–242.

5. Смолькова, И. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о гарантиях защиты адвокатской тайны // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 3 (41). С. 89–97.

6. Дунаева, М. С. Актуальные проблемы использования электронных носителей информации в доказывании по уголовным делам // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4-1. С. 369–373.

7. Шарифходжаев, Ш. И. Информационные модели криминальных ситуаций и их разрешения при расследовании транснациональных преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 2 (34). С. 227–241.

8. Муртазин, Т. М. Оценка качества регрессионных моделей на основе агрегированного критерия // Мехатроника, автоматика и робототехника. 2025. № 15. С. 170–174.

REFERENCES

1. Gribunov O. P. Opredelenie klassifikacionnogo tipa papilljarnogo uzora na osnove nejrosetevogo podhoda [Determination of the classification type of papillary pattern based on a neural network approach]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal - Russian Journal of Criminology. Irkutsk, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 84–95. (In Russ.).

2. Sudakova T. M. Nejronauka i nejrokriminologija: metodologicheskie principy integracii [Neuroscience and neurocriminology: methodological principles of integration]. Akademicheskij juridicheskij zhurnal - Academic Law Journal. Irkutsk, 2022, vol. 23, no. 2 (88), pp. 179–186. (In Russ.).

3. Mironova E. Ju. Nравstvennye nachala ugovornogo sudoproizvodstva v uslovijah cifrovizacii obshhestva diss. ... kand. jurid. nauk. [The moral principles of criminal justice in the context of the digitalization of society dissertation kand. jurid. sciences]. Irkutsk, 2025. 270 p. (In Russ.).

4. Smirnova, I. G. Aksiologicheskie riski cifrovizacii ugovornogo sudoproizvodstva: postanovka problemy [Axiological risks of digitalization of criminal proceedings: problem statement]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal - Russian Journal of Criminology. Irkutsk, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 236–242. (In Russ.).

5. Smolkova, I. V. Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii o garantijah zashhity advokatskoj tajny [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on guarantees of protection of attorney's secrets]. Sibirskie ugovorno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya - Siberian Criminal procedural and criminalistic readings]. Irkutsk, 2023, vol. 41, no. 3, pp. 89-97. (In Russ.).

6. Dunaeva, M. S. Aktual'nye problemy ispol'zovanija jelektronnyh nositelej informacii v dokazyvanii po ugovornym delam [Actual problems of using electronic media in proving criminal cases]. Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava – Issues of Russian and international law. Moscow, 2019, vol. 9, no. 4-1, pp. 369–373. (In Russ.).

7. Sharifhodzhaev, Sh. I. Informacionnye modeli kriminal'nyh situacij i ih razresheniya

pri rassledovanii transnacional'nyh prestuplenij [Information models of criminal situations and their resolution in the investigation of transnational crimes]. *Kriminalistika: vchera, segodnja, zavtra - Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. Irkutsk, 2025, vol. 34, no. 2, pp. 227-241. (In Russ.).

8. Murtazin T. M. Ocenka kachestva regressionnyh modelej na osnove agregirovannogo kriterija [Quality assessment of regression models based on an aggregated criterion]. *Mehatronika, avtomatika i robototehnika - Mechatronics, automation and robotics*. Moscow, 2025, no. 15, p. 170-174. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лубягин Михаил Сергеевич, кандидат юридических наук. старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции, Байкальский государственный университет. 664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Lubyagin Mikhail Sergeevich, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Institute of Justice, Baikal State University. 11 Lenin St., Irkutsk, 664003.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 214-227.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 214-227.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.985.7+343.1

**ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
 ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВ:
 КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Родивилина Виктория Александровна¹, Коломинов Вячеслав Валентинович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
 377b@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3231-1885>

²Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация,
 offroad88@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9797-0908>

Введение. Статья посвящена комплексному исследованию криминалистической природы и доказательственного значения электронно-цифровых следов в расследовании интернет-мошенничеств. В работе рассматривается необходимость различения пользовательских и автоматически формируемых следов, подробно раскрываются особенности их возникновения, классификации и процессуальной фиксации. Проведенный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства показал, что в нем отсутствуют четкие нормы, регулирующие порядок извлечения, фиксации и использования цифровых следов в качестве доказательств, что приводит к разнородной судебной практике и неоднозначной оценке их допустимости. Для сопоставления подходов к работе с цифровыми данными проведен сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта, включая законодательные инициативы США и Европейского союза, позволяющий выделить эффективные методы фиксации и оценки цифровой информации. На основании полученных данных обосновывается необходимость разработки национального регламента работы с электронно-цифровыми следами, который соответствовал бы современным международным стандартам цифровой криминалистики и обеспечивал бы единообразие процедур извлечения и проверки достоверности цифровых доказательств, а также внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство с целью повышения доказательственной ценности таких следов и снижения рисков их признания недопустимыми в суде.

Материалы и методы. В исследовании использованы методы сравнительно-правового анализа, изучение судебной практики, а также анализ международных стандартов цифровой криминалистики. Особое внимание уделено работам современных исследователей, рассматривающих вопросы обработки больших данных и использования алгоритмов искусственного интеллекта.

Результаты исследования. Выявлены ключевые проблемы процессуального характера: отсутствие в УПК РФ специальных норм для электронно-цифровых следов, неопределенность процедур извлечения автоматически генерируемых данных, разнородная судебная практика. Установлено, что существующие методы работы с цифровыми следами не учитывают их специфику, что снижает доказательственную ценность. Показана эффективность международных стандартов при обработке цифровой информации.

Выводы и заключения. Для решения выявленных проблем предлагаются: разработка федерального положения о цифровых следах, внедрение международных стандартов работы с ЭЦС, создание методических рекомендаций для следователей и экспертов. Подчеркивается необходимость модернизации уголовно-процессуального законодательства с учетом современных цифровых реалий.

Ключевые слова: криминалистика, цифровые доказательства, интернет-мошенничество, электронно-цифровые следы, допустимость доказательств, цифровая экспертиза, международные стандарты

Для цитирования: Родивилина, В. А., Коломинов, В. В. Электронно-цифровые следы как доказательства при расследовании интернет-мошенничеств: криминалистические и процессуальные аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (116). С. 214-227.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

DIGITAL TRACES AS EVIDENCE IN INTERNET FRAUD INVESTIGATIONS: FORENSIC AND PROCEDURAL ASPECTS

Viktoriia A. Rodivilina¹, Viacheslav V. Kolominov²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, 377b@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3231-1885>

²Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, offroad88@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9797-0908>

Introduction.

This article provides a comprehensive study of the forensic nature and evidentiary value of digital traces in internet fraud investigations, emphasizing the distinction between user-generated and automated traces [1]. The analysis reveals a lack of clear legal norms governing the extraction, preservation, and use of these traces, leading to inconsistent judicial

practice [1]. To improve upon this, a comparative legal analysis of international experiences—including initiatives in the US and the EU—highlights effective techniques for documenting and evaluating digital information [1]. For more details, read the full study.

The article is devoted to a comprehensive study of the forensic nature and evidentiary value of digital traces in the investigation of internet fraud. The work examines the necessity of distinguishing between user-generated and automatically generated traces, detailing the specifics of their origin, classification, and procedural documentation. The analysis of the current criminal procedure legislation has shown a lack of clear norms regulating the procedures for the extraction, documentation, and use of digital traces as evidence, which leads to inconsistent judicial practice and ambiguous assessment of their admissibility. A comparative legal analysis of foreign approaches, including legislative initiatives from the United States and the European Union, was conducted to contrast methods of handling digital data, highlighting effective techniques for documenting and evaluating digital information. Highlighting effective techniques for documenting and evaluating digital information, the authors substantiate the need to develop a national protocol for handling digital traces. This protocol should align with modern international standards of digital forensics and ensure uniformity in procedures for extracting and verifying the authenticity of digital evidence. Furthermore, the authors propose amendments to criminal procedure legislation to enhance the evidentiary value of such traces and reduce the risk of them being deemed inadmissible in court.

Materials and Methods. The research employed methods of comparative legal analysis, study of judicial practice, and analysis of international digital forensics standards. Particular attention was paid to the works of contemporary researchers examining big data processing and the use of artificial intelligence algorithms.

The Results of the Study. The study identifies several key procedural issues: the lack of specific provisions for digital traces in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF), procedural uncertainty regarding the extraction of automatically generated data, and inconsistent judicial practice. It was established that current methods of handling digital traces fail to account for their unique characteristics, thereby diminishing their evidentiary value. Furthermore, the utility of international standards in processing digital information was demonstrated.

Findings and Conclusions. To address the identified issues, the authors propose the development of a federal framework on digital traces, the implementation of international standards for handling digital evidence, and the creation of methodological guidelines for investigators and forensic experts. The study emphasizes the necessity of modernizing criminal procedure legislation to align it with contemporary digital realities.

Keywords: forensics, digital evidence, internet fraud, digital traces, admissibility of evidence, digital examination, international standards

For citation: Rodivilina, V. A., Kolominov, V. V. Elektronno-cifrovye sledy kak dokazatel'stva pri rassledovanii internet-moshennichestv: kriminalisticheskie i processual'nye aspekty [Digital Traces as Evidence in Internet Fraud Investigations: Forensic and Procedural Aspects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, vol. 116, no. 1, pp. 214-227. (In Russ.)

В условиях стремительного развития цифровых технологий наблюдается значительное увеличение количества преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде, а особенно интернет-мошенничества, отличающиеся разнообразием форм, анонимностью преступников и сложностью их пресечения. Однако криминалистические методики зачастую отстают от уровня технической сложности и не соответствуют уровню технологического развития таких преступлений. В связи с этим необходима разработка научно обоснованного подхода к классификации и оценке электронно-цифровых следов (далее – ЭЦС) с учетом специфики интернет-мошенничеств как высокоадаптивной и трансграничной формы преступности. В современных условиях ЭЦС приобретают ключевое значение как важнейший источник сведений о механизме, способе и участниках преступления. Их анализ требует применения специализированных знаний и криминалистических методов, адаптированных к условиям виртуальной среды. В настоящем исследовании акцент сделан на уточнении юридической и криминалистической природы автоматических ЭЦС, особенностях их фиксации, допустимости и использования в доказательственном процессе при расследовании интернет-мошенничеств.

Следует различать электронные следы, оставленные в результате действий пользователя (например, метаданные файлов, куки, сетевой трафик), и следы, порождаемые автоматически в результате функционирования технической инфраструктуры. Последние требуют особых условий извлечения и чаще всего вызывают дискуссии в правоприменительной и научной среде, особенно в части их процессуальной допустимости и достоверности как доказательств.

Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием цифровых технологий, связано с рядом затруднений: анонимностью злоумышленников, трансграничным характером преступлений, многообразием цифровых платформ и инструментов. При этом традиционные методики криминалистики не всегда позволяют эффективно работать с ЭЦС. Это обуславливает необходимость комплексного изучения природы, классификации и значимости ЭЦС при расследовании интернет-мошенничеств, а также совершенствования методического инструментария, применяемого к таким следам.

Современные исследования, посвященные ЭЦС, охватывают широкий спектр проблем – от их классификации до вопросов правового регулирования и судебной оценки. Так, М. М. Льянов рассматривает ЭЦС как разновидность вещественных доказательств, обладающих криминалистической значимостью при расследовании преступлений в сети Интернет [1, с. 21]. В свою очередь, С. В. Тимофеев и Р. Х. Кочесоков отмечают, что их фиксация и последующее использование в доказывании напрямую влияют на качество собранной информации, которая в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством может приобрести статус доказательств [2, с. 266]. Это актуализирует необходимость развития как новых, так и существующих инструментов противодействия цифровой преступности. Важность ЭЦС для раскрытия преступлений отмечает и ряд других ученых, указывая, что цифровой след состоит из двух элементов: материального носителя (электромагнитного поля) и информации – сведений об объективной реальности, сохраняющихся в компьютерных и иных цифровых устройствах [3, с. 39].

Зарубежная доктрина трактует цифровые доказательства преимущественно через призму их процессуальной целостности и аутентичности. Е. Н. Spafford подчеркивает их латентность и нестабильность, а также уязвимость к изменениям при некорректных действиях [4, р. 6]. В связи с этим международные стандарты, закрепленные, в частности, в ISO/IEC 27037:2012¹, устанавливают требования к идентификации, извлечению и сохранению цифровых доказательств, делая акцент на обязательном документировании всех операций (создание хеш-сумм, использование write-blockers, ведение цепочки хранения) для последующего обоснования их допустимости в суде. Е. Casey определяет цифровые доказательства как «любую информацию, пригодную для установления факта, которая либо создается, либо сохраняется в цифровой форме и извлекается с цифрового устройства» [5, р. 4]. При этом их уникальной особенностью он называет зависимость от контекста и обстоятельств дела, что предопределяет необходимость тщательного документирования процедур получения и хранения.

Таким образом, зарубежный опыт демонстрирует, что правовую значимость имеют не сами по себе извлеченные данные, а корректно задокументированный процесс их получения, гарантирующий достоверность и неизменность ЭЦС. В странах общего права (США, Великобритания) данные подходы закрепились в судебной практике, где критериями допустимости доказательств выступают корректность процедуры и возможность ее верификации.

Показательным примером применения данного подхода является знаковое дело «Lorraine v. Markel American Insurance Co.» (241 F.R.D. 534, D. Md. 2007)². Судья Пол Гримм в своем решении детально проанализировал вопросы допустимости электронных доказательств, сформулировав теперь уже классический пятиэтапный тест для их оценки. Суд постановил, что для признания электронных данных допустимыми необходимо последовательно доказать их:

- релевантность (отношение к делу);
- подлинность (аутентичность) – то, что данные являются тем, чем их заявляет сторона;
- ненарушение правил о hearsay (недопустимости слухов) – если данные содержат утверждения, offered for the truth of the matter;
- соответствие правилу best evidence (наилучшего доказательства) – использование оригиналов или обоснование их отсутствия;
- надежность (reliability) процесса их создания и хранения.

В контексте автоматических ЭЦС ключевыми стали критерии подлинности (authenticity) и надежности (reliability). Суд указал, что подлинность электронных данных, включая автоматические логи и метаданные, может быть установлена не только прямыми свидетельскими показаниями, но и косвенными доказательствами, описывающими процесс и систему их генерации. Достаточным для этого может быть,

¹ ISO/IEC 27037:2012. Information technology – Security techniques – Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence // iso.org : сайт. URL: <https://www.iso.org/standard/44381.html> (дата обращения: 21.07.2025).

² Lorraine v. Markel Am. Ins. Co., 241 F.R.D. 534 (D. Md. 2007) // Federal Rules Decisions. 2007, vol. 241, pp. 534-553.

например, показание системного администратора о стандартных настройках программного обеспечения, генерирующего такие логи, или эксперта, объясняющего механизм их формирования и отсутствие признаков подделки. Таким образом, данный прецедент сместил фокус с невозможности допросить «очевидца» создания каждой записи на проверку исправности и стандартности работы системы, что открыло дорогу для широкого использования автоматических ЭЦС в судах стран общего права.

В Европейском союзе идет активная работа по созданию единого правового пространства для электронных доказательств. Регламент (ЕС) 2023/1543 (e-Evidence)³, вступивший в силу в 2023 году, направлен на упрощение трансграничного доступа к электронным данным. Его ключевые принципы – взаимное признание электронных доказательств государствами-членами и соблюдение строгих стандартов их сбора провайдерами услуг связи. Это создает правовую основу для признания автоматически генерируемых ЭЦС, полученных из-за рубежа, при условии соблюдения унифицированных процедур.

Таким образом, международная тенденция заключается в смещении акцента с теоретических споров о природе цифровых следов на практическую стандартизацию процессов их обработки, что обеспечивает необходимый уровень доверия со стороны суда. Для российской системы заимствование подобных подходов имеет значение в контексте выработки единых стандартов обращения с ЭЦС, что позволит повысить их доказательственную ценность и снизить риск процессуальных ошибок.

Анализ показал, что ЭЦС представляют собой продукт взаимодействия пользователя с цифровой средой, фиксируемый в виде логов, метаданных, сетевой активности, копий сообщений, электронных следов оплаты и других форм.

ЭЦС можно классифицировать по нескольким ключевым критериям:

1. По месту фиксации:

- на устройствах пользователя (компьютерах, смартфонах);
- на удаленных серверах (облачных хранилищах, корпоративных системах).

2. По способу образования:

- намеренные (созданные сознательными действиями пользователя);
- непреднамеренные (сформированные автоматически в процессе работы систем).

3. По содержательной направленности:

- сведения о личности (учетные данные, биометрия);
- данные о действиях (история посещений, транзакции);
- временные и пространственные метки (геолокация, таймстемпы).

Для фиксации ЭЦС применяются специализированные методы: форензик-извлечение, анализ лог-файлов, парсинг сетевого трафика, зеркалирование серверов.

Особую категорию составляют автоматически генерируемые следы, которые формируются без прямого участия пользователя. Как отмечает А. В. Кутузов,

³ Regulation (EU) 2023/1543 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings and for the execution of custodial sentences following criminal proceedings // Official Journal of the European Union. 2023. L 191. pp. 118-180. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1543/oj/eng> (дата обращения: 21.07.2025).

современные транспортные средства представляют собой уникальный источник таких доказательств, генерируя: точные параметры движения (скорость, координаты через системы типа ЭРА-ГЛОНАСС), детальную телеметрию бортовых систем и даже биометрические показатели водителя, фиксируемые датчиками усталости и контроля состояния [6, с. 81–83].

По результатам проведенных исследований можно утверждать, что данные этой категории характеризуются высокой доказательственной ценностью, поскольку позволяют детально реконструировать события; в то же время они отличаются технической сложностью извлечения, требующей применения специализированного программного обеспечения, и подвержены проблеме верификации, заключающейся в необходимости подтверждения их неизменности [6, с. 79–87.]

К автоматическим ЭЦС относят системные журналы, временные метки, записи активности серверов, данные маршрутизации и иные аналогичные источники. При корректном изъятии они могут обладать высокой доказательственной ценностью, однако их произвольный характер вызывает сомнения у следственных органов и судов относительно подлинности и соответствия объективной действительности. В связи с этим, как подчеркивают С. Е. Квасница и С. Ю. Бирюков, «деятельность субъекта расследования по поиску и изучению электронных доказательств в ходе производства по уголовному делу должна быть надлежащим образом обоснована имеющимися фактическими данными и осуществлена в строгом соответствии с законом» [7, с. 17].

В рамках цифровой криминалистики наблюдается определенная дихотомия в оценке доказательственной значимости автоматических ЭЦС. С одной стороны, как справедливо указывает Е. Casey, машинные журналы, не подверженные субъективному влиянию человека, обладают потенциально большей объективностью [5, р. 152]. С другой стороны, их верификация представляет собой серьезную методологическую задачу, поскольку следователю и суду зачастую недоступна возможность проверить корректность работы алгоритмов, формирующих такие следы.

Разрешение этого противоречия не заключается в отказе от использования автоматических данных, а предполагает создание системы «технического доверия», базирующейся на следующих принципах:

- верификация алгоритмов: государственная аккредитация программных комплексов, применяемых для генерации и извлечения критически важных ЭЦС (например, логов банковских систем, интернет-провайдеров, государственных сервисов), с проведением экспертизы их кода на предмет корректности;

- сертификация источников данных: признание допустимыми автоматических ЭЦС, полученных из информационных систем, прошедших сертификацию ФСТЭК или ФСБ России, подтверждающую надежность и безопасность их функционирования;

- презумпция исправности технических средств: закрепление в законе презумпции корректной работы технического средства и достоверности сгенерированных им данных, если сторона защиты не докажет обратное через назначение соответствующей судебной экспертизы.

Применение такого подхода позволяет сместить акцент с теоретического обсуждения природы данных на практические механизмы их проверки и обеспечения достоверности.

В судебной практике встречаются случаи признания автоматических данных недопустимыми доказательствами в связи с отсутствием регламентированного протокола их извлечения. Например, в апелляционном определении Курганского областного суда от 24 августа 2021 г. по делу № 22-1169/2021 суд поддержал позицию защиты и признал распечатки электронной переписки недопустимым доказательством, указав, что «процесс изъятия... надлежащим образом не задокументирован, не указано, с помощью каких технических средств, какого программного обеспечения осуществлялось изъятие»⁴. Аналогичная проблема с фиксацией обстоятельств извлечения цифровых данных отмечена, в частности, постановлением Президиума Московского областного суда от 17 февраля 2021 г. № 44У-16/2021, который исключил скриншоты как доказательство, поскольку «не приведено данных о программном обеспечении, с помощью которого они были получены»⁵. Указанная проблема носит системный характер, что подтверждается аналогичными решениями других судов общей юрисдикции⁶.

Данные прецеденты демонстрируют, что допустимость автоматических данных определяется не их содержанием, а соблюдением формализованной процедуры извлечения, обеспечивающей аутентичность и целостность.

Проблема допустимости автоматически генерируемых ЭЦС в уголовном судопроизводстве по-прежнему остается предметом научной дискуссии. По наблюдению А. А. Бессонова, современные технологии искусственного интеллекта демонстрируют высокую точность анализа цифровых следов, достигающую 98 %, что находит применение, в частности, при географическом профилировании преступников [8, с. 97–98]. Однако отсутствие четко закрепленных законодательных и процессуальных стандартов извлечения и обработки таких данных значительно снижает их доказательственную ценность. Характерный пример, отраженный в практике Архангельского областного суда, подтверждает необходимость разработки унифицированных регламентов работы с автоматическими ЭЦС, которые обеспечили бы баланс между их объективностью и юридической надежностью.

При этом в научной литературе неоднократно подчеркиваются и объективные преимущества автоматических следов: они в меньшей степени подвержены фальсификации по сравнению с пользовательскими данными, исключают субъективное искажение информации и обеспечивают высокую детализацию временных меток [5, р. 201–207]. По мнению А. А. Бессонова, раскрытие этого потенциала возможно лишь при наличии комплексной нормативной базы, которая будет регламентировать методы извлечения автоматических ЭЦС, порядок их верификации и критерии достоверности [8, с. 98–99].

⁴ Апелляционное определение Курганского областного суда от 24 августа 2021 г. по делу № 22-1169/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4C3fPcFdP18W/> (дата обращения: 01.08.2025).

⁵ Постановление Президиума Московского областного суда от 17 февраля 2021 г. № 44У-16/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4C3fPcFdP18W/> (дата обращения: 01.08.2025).

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 января 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 4.

Даже при условии разработки таких регламентов необходима их гармонизация с международными и национальными стандартами. В частности, в ISO/IEC 27037:2012 определены ключевые процедуры идентификации, сбора и сохранения цифровых доказательств, гарантирующие надежность и неизменность полученной информации.

В российской же практике неопределенность усугубляется сложной природой ЭЦС, что требует как правового, так и методического упорядочения порядка обращения с ними. Как справедливо отмечается в научной литературе, они представляют собой сложную информационную структуру, в которой, наряду с уголовно-релевантной информацией, содержится значительный объем вспомогательных данных, отвечающих за ее целостность и возможность восприятия [9, с. 105–107; 10, с. 95; 11, с. 79–80]. Особую сложность представляет работа с автоматически формируемыми ЭЦС, которые являются следствием воздействия технологических процессов без участия человека и вне его желания [12, с. 108]. К ним, в частности, относятся и цифровые отпечатки компьютерных устройств (Device Fingerprint) – уникальные идентификаторы, формируемые в виде производного значения параметров конфигурации программного и аппаратного обеспечения устройства. Важность их фиксации трудно переоценить, так как подделать такой отпечаток практически невозможно, а его идентификационный потенциал крайне высок [13, с. 390, 392]. Однако отсутствие законодательно закрепленного порядка их извлечения и процессуального закрепления (например, в соответствии с регламентом, подобным Стандарту Банка России СТО БР БФБО-1.7-2023⁷) создает риски модификации или удаления данных и ставит под сомнение допустимость полученных с их помощью доказательств, несмотря на их объективную доказательственную ценность.

В целях обеспечения допустимости автоматических ЭЦС представляется целесообразным:

- разработать национальные методические рекомендации для экспертов и следователей;
- закрепить обязательность протоколирования программно-технических средств, используемых при извлечении следов;
- ввести экспертную оценку степени автоматичности и подверженности модификации каждого цифрового следа как отдельного элемента доказательственной базы.

Представляется, что для преодоления указанных трудностей необходима нормативная регламентация обращения с автоматическими ЭЦС, а также разработка специализированных методических рекомендаций, обеспечивающих их надлежащую процессуальную оценку. В частности, регламент должен включать:

- исчерпывающий перечень технических требований к средствам извлечения ЭЦС, включая обязательную верификацию результатов с помощью

⁷ Стандарт Банка России СТО БР БФБО-1.7-2023. Безопасность финансовых (банковских) операций. Обеспечение безопасности финансовых сервисов с использованием технологии цифровых отпечатков устройств : принят и введен в действие приказом Банка России от 1 марта 2023 г. № ОД-335 «О введении в действие стандарта Банка России СТО БР БФБО-1.7-2023 // cbr.ru : сайт. URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6177> (дата обращения: 05.08.2025).

криптографических хэш-функций (например, SHA-256) и ведение журнала аудита всех операций для обеспечения воспроизводимости процесса;

- четкий алгоритм действий следователя и специалиста при работе с автоматическими следами: от обеспечения целостности носителя на месте изъятия (с использованием аппаратных write-блокировщиков) до передачи материалов на экспертизу;

- процедуру сертификации программного обеспечения, используемого для извлечения и анализа ЭЦС, с созданием государственного реестра одобренных программных комплексов криминалистического извлечения данных, алгоритмы которых прошли верификацию;

- типовую форму протокола изъятия ЭЦС, обязывающую фиксировать не только обстоятельства обнаружения, но и метаданные процедуры извлечения: наименование и версию ПО, значение контрольных сумм (хешей), системное время и параметры настройки инструментов;

- критерии оценки допустимости автоматических ЭЦС судом, смещающие фокус с субъективного участия человека в их создании на проверку соблюдения регламента их извлечения и неизменности полученных данных.

Такой детализированный подход позволит устранить существующий правовой вакуум и создать унифицированную практику использования автоматических ЭЦС в уголовном судопроизводстве.

Актуальность проблем использования ЭЦС при расследовании интернет-мошенничеств определяется необходимостью комплексного подхода к их правовому и методическому обеспечению. С. А. Машков отмечает, что несмотря на возрастающую доказательственную ценность цифровых следов, сохраняется значительный правовой вакуум в части их процессуального закрепления и методического сопровождения [14, с. 84]. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит специальных норм, учитывающих специфику ЭЦС, вследствие чего они нередко квалифицируются как документы или вещественные доказательства (ст. 74 УПК РФ) без учета особенностей их нематериальной природы. Отсутствие регламентированных процедур извлечения и фиксации автоматически генерируемых данных приводит к неопределенности их оценки в судебной практике. Судебные решения по аналогичным делам демонстрируют неоднородность: ЭЦС то приравниваются к иным доказательствам, то отклоняются по формальным основаниям.

Методические аспекты также остаются недостаточно разработанными. Отсутствие унифицированных стандартов проверки и необходимость специальных технических знаний затрудняют корректное использование ЭЦС при расследовании. В то же время опыт анализа «больших данных», включая обработку информации из социальных сетей, открытых реестров, поисковых систем и иных источников, показывает возможности обеспечения неизменности цифровых доказательств и повышения их достоверности. В этой связи С. А. Машков обосновывает необходимость системного вовлечения ресурсов «больших данных» в криминалистическую практику, расширения судебно-экспертных исследований цифровой информации и привлечения специалистов в области информационно-аналитической деятельности [14, с. 84].

Таким образом, ЭЦС обладают высоким доказательственным потенциалом, однако их использование сопряжено с риском недооценки при отсутствии специализированных процессуальных и методических стандартов. Это обуславливает необходимость разработки нормативного регулирования и практических рекомендаций, адаптированных к особенностям автоматически формируемых цифровых данных.

Выделение ЭЦС в самостоятельный объект криминалистического исследования и их включение в систему доказывания отражают закономерный этап технологической эволюции криминалистики. Для реализации их потенциала требуется дальнейшее совершенствование методики извлечения, фиксации, интерпретации и оценки таких следов, а также закрепление их правового статуса в уголовно-процессуальном законодательстве.

Несмотря на объективные преимущества автоматических ЭЦС, их использование должно быть обусловлено разработкой законодательно закрепленных стандартов верификации, включая сертификацию программного обеспечения (далее – ПО) и презумпцию исправности технических средств при соблюдении установленных процедур извлечения. В связи с этим представляется необходимым разработать и закрепить на законодательном уровне Положение о порядке извлечения, фиксации и исследования электронно-цифровых следов. Его ключевыми разделами должны стать:

- Иерархия и классификация ЭЦС: закрепление предложенной в настоящей статье классификации (по способу образования, месту хранения и содержанию) для определения процессуального режима работы с каждым типом следов.

- Требования к программно-аппаратным комплексам: создание реестра аккредитованных Минюстом или Следственным комитетом Российской Федерации программных средств (например, на базе отечественного ПО) для криминалистического извлечения данных, чьи алгоритмы верифицированы и обеспечивают неизменность оригинального носителя.

- Унифицированный протокол извлечения: обязательная фиксация в протоколе следственного действия хэш-сумм извлеченных данных, точного наименования, версии и лицензии использованного ПО, параметров настройки оборудования, Ф. И. О. и квалификации специалиста, производившего извлечение.

- Статус специалиста: закрепление требований к образованию и компетенциям специалиста (криминалиста-программиста), привлекаемого для извлечения ЭЦС, с возможностью возложения на него функции понятого в случаях, требующих специальных знаний.

Эффективное использование ЭЦС требует не только нормативного упорядочения, но и методического сопровождения на всех этапах их получения, интерпретации и представления в суде. Это делает необходимым формирование единой научно-методической базы цифровой криминалистики и подготовку централизованных рекомендаций для следователей и экспертов. Особое значение приобретает интеграция национальных подходов с международными стандартами в условиях роста трансграничной цифровой преступности, а также участие России в глобальных инициативах по развитию цифровой криминалистики.

Проведенное исследование демонстрирует, что систематизация знаний о природе, классификации и механизмах формирования ЭЦС, а также устранение

методических и процессуальных противоречий способствуют повышению эффективности борьбы с киберпреступностью и укреплению доверия граждан к правоохранительным органам. Развитие данного направления криминалистической науки и практики является важным условием обеспечения правовой безопасности и надежности системы правосудия в условиях цифровой реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Льянов, М. М. Криминалистическое значение электронно-цифровых следов преступлений экстремистской и террористической направленности в сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 256 с.
2. Тимофеев, С. В., Кочесоков, Р. Х. Перспективы совершенствования российского законодательства в области использования цифровых следов преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 262–277.
3. Цифровая валюта и цифровые финансовые права как предмет и средство совершения преступлений : монография / О. П. Грибунов, П. В. Никонов, С. В. Пархоменко и др. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. 170 с.
4. Spafford, E. H. Some Musings on Digital Forensics // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2006, vol. 1, no. 1, pp. 3–9.
5. Casey, E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet. 3rd ed. Academic Press, 2011, 807 p.
6. Кутузов, А. В. Отдельные направления использования компьютерных систем автомобиля для решения криминалистических задач // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 1 (47). С. 79–87.
7. Квасница, С. Е., Бирюков, С. Ю. Электронные доказательства: проблемы допустимости в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 104–111.
8. Бессонов, А. А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 94–100.
9. Мещеряков, В. А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике : монография. М. : Проспект, 2022. 176 с.
10. Стельмах, В. Ю. Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 93–100.
11. Хомяков, Э. Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 71–82.
12. Бычков, В. В., Вехов, В. Б. Электронное следообразование преступной деятельности в сети Интернет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 106–111.
13. Вехов, В. Б., Смушкин, А. Б. Криминалистическое исследование цифровых отпечатков компьютерных устройств // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 4. С. 390–397.

14. Машков, С. А. «Большие данные» и криминалистика: возможности и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2 (44). С. 78–86.

REFERENCES

1. Lyanov, M. M. Kriminalisticheskoe znachenie elektronno-cifrovyyh sledov prestuplenij jekstremistskoj i terroristicheskoy napravlenosti v seti «Internet» [Forensic significance of electronic-digital traces of extremist and terrorist crimes on the Internet]. 2025, 256 p. (In Russ.).

2. Timofeev, S. V., Kochesokov R. H. Perspektivy sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva v oblasti ispol'zovaniya cifrovyyh sledov prestupleniya [Prospects for improving Russian legislation in the field of using digital traces of crime]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, vol. 111, no. 4, pp. 262-277. (In Russ.).

3. Gribunov, O. P., Nikonov, P. V., Parkhomenko, S. V. Cifrovaya valjuta i cifrovye finansovye prava kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij [Digital currency and digital financial rights as a subject and means of committing crimes]. Irkutsk, 2023, 170 p. (In Russ.).

4. Spafford, E. H. Some Musings on Digital Forensics. Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2006, vol. 1, no. 1, pp. 3-9.

5. Casey, E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet. 3rd ed. Academic Press, 2011, 807 p.

6. Kutuzov, A. V. Otdel'nye napravleniya ispol'zovaniya komp'yuternyyh sistem avtomobilja dlja resheniya kriminalisticheskikh zadach [Certain directions of using car computer systems for solving forensic problems]. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2025, vol. 47, no. 1, pp. 79-87. (In Russ.).

7. Kvasnica, S. E., Birjukov, S. Ju. Jelektronnye dokazatel'stva: problemy dopustimosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Electronic evidence: problems of admissibility in criminal proceedings]. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii – Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, vol. 69, no. 2, pp. 104-111. (In Russ.).

8. Bessonov, A. A. Sovremennyye informacionnyye tehnologii na sluzhbe sledstvija [Modern information technologies in the service of investigation]. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2022, vol. 35, no. 1, pp. 94-100. (In Russ.).

9. Meshherjakov, V. A. Teoreticheskie osnovy mehanizma sledobrazovaniya v cifrovoj kriminalistike [Theoretical foundations of the trace formation mechanism in digital forensics]. Moscow, Prospekt, 2022, 176 p. (In Russ.).

10. Stel'mah, V. Ju. Jelektronnaya informacija v dokazyvanii po ugolovnym delam: sposoby polucheniya i mesto v sisteme dokazatel'stv [Electronic information in criminal proceedings: methods of obtaining and place in the system of evidence]. Biblioteka kriminalista – The Forensic Scientist's Library. 2018, vol. 38, no. 3, pp. 93-100. (In Russ.).

11. Homjakov, Je. G. O sushhnosti cifrovyyh sledov v kriminalistike i ih fiksacii [On the essence of digital traces in forensics and their fixation]. Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva – Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective. 2025, vol. 21, no. 1, pp. 71-82. (In Russ.).

12. Bychkov, V. V., Vekhov, V. B. Jelektronnoe sledoobrazovanie prestupnoj dejatel'nosti v seti Internet [Electronic trace formation of criminal activity on the Internet]. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih reshenija – Crime Investigation: Problems and Solutions*. 2020, vol. 27, no. 1, pp. 106-111. (In Russ.).

13. Vekhov, V. B., Smushkin, A. B. Kriminalisticheskoe issledovanie cifrovyyh otpechatkov komp'yuternyyh ustrojstv [Forensic study of digital fingerprints of computer devices]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2024, vol. 18, no. 4, pp. 390-397. (In Russ.).

14. Mashkov, S. A. «Bol'shie dannye» i kriminalistika: vozmozhnosti i perspektivy ["Big Data" and forensics: opportunities and prospects]. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings*. 2024, vol. 44, no. 2, pp. 78-86. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Родивилина Виктория Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Коломинов Вячеслав Валентинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии. Байкальский государственный университет. 644025, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Rodivilina Victoria Aleksandrovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia., Lermontov St., 110, Irkutsk, 664074.

Kolominov Vyacheslav Valentinovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Expertise, and Legal Psychology. Baikal State University. Irkutsk, 11 Lenin St., 644025.

Статья поступила в редакцию 24.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 228-240.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
vol. 116, no. 1, pp. 228-240.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.988

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Фомина Инна Анатольевна¹, Ивушкина Ольга Викторовна²

^{1,2}Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация

¹iafomina@mail.ru

²Grigorievao86@mail.ru

Введение. Статья посвящена комплексному анализу современного состояния и перспектив развития системы уголовно-правовых мер противодействия преступности несовершеннолетних в Российской Федерации. На основе актуальных статистических данных выявлены тревожные тенденции в динамике подростковой преступности, в том числе рост числа тяжких и особо тяжких преступлений, что свидетельствует об усилении криминогенных факторов в подростковой среде и недостаточной эффективности существующих механизмов профилактики. Авторы рассматривают структуру действующей системы уголовно-правовых мер, подчеркивая ее специфику, основанную на принципах гуманизма, индивидуализации и минимальной репрессивности. В статье проанализированы ключевые теоретические и практические проблемы, особое внимание уделено противоречию между декларируемой гуманизацией уголовной политики и устоявшимися практиками, которые зачастую не обеспечивают эффективной ресоциализации несовершеннолетних.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили: Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Исследование проведено с использованием сравнительно-правового метода, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили обосновать необходимость модернизации системы с ориентацией на расширение применения воспитательных мер, внедрение восстановительных практик, развитие индивидуализированных программ сопровождения, цифровизацию процессов контроля и профилактики, а также укрепление межведомственного взаимодействия.

Выводы и заключения. Предлагается переход от фрагментарных реформ к формированию устойчивой модели ювенального реагирования, основанной на научно обоснованных подходах к работе с несовершеннолетними правонарушителями и интеграции уголовно-правовых средств в общую систему социальной поддержки. Сделан вывод о необходимости трансформации системы уголовно-правовых мер в направлении большей гибкости, комплексности и ориентации на личность подростка как ключевого условия повышения ее эффективности и снижения уровня подростковой преступности.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, наказание несовершеннолетних, уголовно-правовые меры, противодействие преступности несовершеннолетних, уголовная ответственность несовершеннолетних, несовершеннолетний преступник

Для цитирования: Фомина, И. А., Ивушкина, О. В. Состояние и перспективы развития системы уголовно-правовых мер противодействия преступности несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 228-240.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW MEASURES TO COMBAT JUVENILE DELINQUENCY

Inna A. Fomina¹, Olga V. Ivushkina²

^{1,2}East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

¹iafomina@mail.ru

²Grigorievao86@mail.ru

Introduction. The article provides a comprehensive analysis of the current state and development prospects of the criminal law measures designed to combat juvenile delinquency in the Russian Federation. Based on current statistical data, the study identifies alarming trends in juvenile crime dynamics, including a rise in serious and especially grave crimes. This shift indicates an escalation of criminogenic factors among adolescents and the insufficient effectiveness of existing prevention mechanisms. The authors examine the structure of the current system of criminal law measures, emphasizing its specific nature rooted in the principles of humanism, individualization, and minimal punitiveness. The article

analyzes key theoretical and practical issues, paying particular attention to the contradiction between the declared humanization of criminal policy and established practices that often fail to ensure the effective reintegration of minors.

Materials and Methods. The regulatory framework for the study comprises the Criminal Code of the Russian Federation, Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999, "On the Principles of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency," Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016, "On the Principles of the Crime Prevention System in the Russian Federation," and the National Security Strategy of the Russian Federation. The research was conducted using comparative-legal and generalization methods, as well as descriptive analysis.

The Results of the Study substantiate the need to modernize the system, focusing on expanding the use of educational measures, introducing restorative practices, developing individualized support programs, digitalizing control and prevention processes, and strengthening interdepartmental cooperation.

Findings and Conclusions. The proposal advocates for a transition from fragmented reforms to a sustainable juvenile justice model based on evidence-based approaches to working with young offenders and the integration of criminal law measures into the broader social support system. It is concluded that the criminal justice system must become more flexible, comprehensive, and child-centered to increase its effectiveness and reduce juvenile delinquency.

Keywords: juvenile delinquency, juvenile punishment, criminal-law measures, combating juvenile crime, juvenile criminal liability, juvenile offender

For citation: Fomina, I. A., Ivushkina, O. V. Sostoyanie i perspektivy razvitiya sistemy ugovovno-pravovyh mer protivodejstviya prestupnosti nesovershennoletnih [Current State and Development Prospects of the System of Criminal Law Measures to Combat Juvenile Delinquency]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo Institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 228-240. (In Russ.).

Преступность несовершеннолетних остается одним из наиболее чувствительных индикаторов благополучия общества, поскольку отражает социальные, экономические и правовые процессы, влияющие на развитие подрастающего поколения. Любые изменения в структуре, динамике и характере противоправного поведения молодых людей неизбежно требуют внимательного анализа и совершенствования государственной политики в сфере уголовно-правового регулирования.

Согласно статистическим данным, в 2024 году к уголовной ответственности были привлечены около 9,5 тыс. подростков в возрасте 14–17 лет¹. При этом преступления, совершенные несовершеннолетними, демонстрируют тревожную динамику: за первые восемь месяцев 2024 года число особо тяжких преступлений

¹ В СК РФ назвали причины подростковой преступности // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1865257/2025-04-04/v-sk-rf-nazvali-prichiny-podrostkovoi-prestupnosti> (дата обращения: 12.12.2025).

выросло на 22 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года². Данные показатели позволяют заключить, что подростковая преступность не только сохраняет высокие количественные показатели, но и обретает более опасный характер.

Так, численность подростков, оказавшихся в сфере уголовного преследования, остается устойчиво высокой. Это говорит о том, что криминальная активность несовершеннолетних продолжает представлять собой масштабную социально-правовую проблему, требующую системных межведомственных решений. Показатель криминальной активности подростков (почти в 10 000) указывает не на единичные отклонения, а на наличие устойчивых криминогенных условий в подростковой среде. Кроме того, рост именно тяжких и особо тяжких деяний говорит не просто об увеличении правонарушений, а об усилении жестокости, агрессивности или организованности преступного поведения несовершеннолетних. Это может свидетельствовать о наличии более глубоких негативных процессов: распространение криминальных субкультур, вовлечение подростков во взрослые криминальные структуры, влияние интернет-сообществ, рост эмоциональной дезадаптации и социальной фрустрации. Вместе с тем увеличение тяжких преступлений при общем относительно стабильном количестве привлеченных подростков может означать углубление криминогенности среди уже склонных к правонарушениям групп, а не расширение самой группы рискованных подростков. В связи с вышесказанным можно утверждать, что структура преступности меняется быстрее, чем ее массовость: преступления становятся опаснее, а мотивы – более деструктивными. Такой дисбаланс показывает, что профилактические меры плохо охватывают наиболее проблемные группы несовершеннолетних, и в конечном итоге рост тяжких преступлений свидетельствует о недостаточной эффективности существующей системы профилактики, в том числе работы социальных служб, школьных институтов, комиссий по делам несовершеннолетних и полиции. Наблюдаемая динамика ставит под сомнение способность действующих механизмов раннего выявления и коррекции девиантного поведения предотвращать эскалацию подростковой агрессии. Эта тенденция формирует запрос на модернизацию уголовно-правовых и профилактических механизмов, усиление социальных институтов и разработку комплексной стратегии, направленной на предупреждение глубокой криминализации несовершеннолетних.

Статистические показатели свидетельствуют о необходимости переоценки действующих уголовно-правовых мер. Меры наказания и воспитательного воздействия, ориентированные на традиционные подходы, вероятно, не соответствуют современным формам подростковой девиации и криминализации. Рост тяжких преступлений требует более адресных, научно обоснованных инструментов, включая восстановительные практики, индивидуализированные программы сопровождения и усиление межведомственного взаимодействия.

² На 22 % в 2024 году увеличилось число особо тяжких преступлений, совершенных подростками. // ТАСС : сайт URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22127791>. (дата обращения: 12.12.2025).

В этой связи, несмотря на то, что существующая система уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних хоть и демонстрирует определенные достижения, все же требует всесторонней оценки с точки зрения ее эффективности, гуманистической направленности и способности соответствовать современным реалиям. Вопросы применения наказаний, альтернативных мер, профилактики и ресоциализации приобретают особое значение, поскольку от их качества зависит не только судьба конкретного ребенка, но и состояние правопорядка в долгосрочной перспективе.

С учетом современных условий, которые характеризуются усложнением факторов, способствующих вовлечению несовершеннолетних в преступные практики (трансформация семейных ценностей, рост влияния цифровой среды, изменения в сфере образования и социальный контроль), создаются дополнительные вызовы для системы правосудия, призванной одновременно защищать общественные интересы и обеспечивать условия для исправления и дальнейшей социализации подростков. Следует помнить, что изучение состояния и перспектив развития уголовно-правовых механизмов противодействия преступности несовершеннолетних позволяет выявить проблемные зоны, определить направления модернизации законодательства и правоприменительной практики, а также сформировать научно обоснованные предложения, способствующие укреплению системы защиты прав детей и снижению уровня преступности в молодежной среде.

На сегодняшний момент система уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних представляет собой комплекс установленных уголовным законодательством средств воздействия, направленных на реагирование государства на совершение преступления лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста. Данная система является особым правовым образованием, которое отличается от общих мер уголовного воздействия, применяемых к взрослым правонарушителям как по своему содержанию, так и по целевому назначению. Ее специфика определяется особым правовым статусом несовершеннолетнего, его психофизиологическими особенностями, уровнем социального развития, повышенной восприимчивостью к педагогическому и психологическому воздействию, а также международно-правовыми стандартами, закрепляющими приоритет воспитательной функции реакции государства на правонарушения подростков.

В отечественной доктрине под системой уголовно-правовых мер обычно понимают структурно упорядоченную совокупность наказаний и иных мер, не обладающих карательным характером, но предусмотренных уголовным законом в отношении несовершеннолетних и направленных на предупреждение совершения новых преступлений, формирование у подростка социально одобряемых моделей поведения и обеспечение его успешной ресоциализации [1, с. 96; 2, с. 7–8; 3, с. 25].

В рамках данной системы наказания в рассматриваемом нами контексте лишение свободы несовершеннолетних занимает менее значительный по объему и роли сегмент, поскольку применение репрессивных средств носит субсидиарный характер и допускается лишь при невозможности достижения целей уголовного закона посредством альтернативных воспитательных мер. В связи с этим указанный вид

наказания законодатель определяет как исключительную меру, назначаемую в минимальных пределах и только при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, что подчеркивает гуманистическую направленность всей системы.

Наряду с наказаниями самостоятельное место занимают принудительные меры воспитательного воздействия, представляющие собой специфический, некарательный институт уголовного права. Эти меры ориентированы прежде всего на коррекцию поведения несовершеннолетнего и минимизацию негативных факторов его социального окружения. Их применение служит альтернативой уголовной ответственности либо наказанию и отражает признанный законом приоритет педагогических и восстановительных средств над репрессивными. Тем самым система уголовно-правовых мер получает комплексный характер, сочетая в себе собственно уголовно-правовые санкции и меры превентивно-воспитательной направленности, что позволяет реализовать индивидуальный подход к каждому подростку.

Системность указанных мер проявляется в их внутренней взаимосвязанности, обусловленной едиными принципами уголовной политики в сфере ювенальной юстиции. К таким принципам относятся гуманизм, индивидуализация ответственности, минимальная репрессивность, приоритет мер, не связанных с изоляцией от общества, учет возраста, уровня психического развития и социально-психологических характеристик личности несовершеннолетнего. Указанные принципы не только формируют нормативную основу системы, но и обеспечивают ее целостность, цель которой заключается не в возмездии, а в восстановлении социальной функции подростка и предупреждении правонарушений.

Между тем следует отметить, что современное состояние системы уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации характеризуется сочетанием декларируемой гуманизации уголовной политики и сохраняющихся противоречий как на нормативном, так и на правоприменительном уровнях. Несмотря на то, что в уголовном законодательстве прослеживается устойчивая тенденция к приоритету воспитательных и восстановительных средств воздействия, реальная эффективность системы остается неоднозначной, что обусловлено рядом теоретических и практических факторов.

С теоретической точки зрения ключевым вопросом является неопределенность концептуальных границ самой системы уголовно-правовых мер. В доктрине отсутствует единообразное понимание соотношения наказаний и иных мер воспитательного влияния, что затрудняет целостное восприятие системы как единого механизма. Некоторые исследователи трактуют систему уголовно-правовых мер исключительно в рамках наказаний, предусмотренных гл. 14 УК РФ, исключая из нее меры воспитательного воздействия [4, с. 20; 1, с. 97], другие, напротив, относят к ней практически любые формы государственного воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя, включая административные и социально-профилактические инструменты [5, с. 113–114; 6, с. 98.]. Это концептуальное расхождение приводит к фрагментарности научных представлений и отсутствию единых критериев оценки эффективности системы. В дополнение к этому в научной литературе [7, с. 111; 8, с. 35] неоднократно подчеркивается проблема дуализма целей: уголовное

законодательство формально декларирует воспитательный и превентивный характер мер, однако по своей структуре многие положения все еще опираются на традиционные принципы классической школы уголовного права, ориентированной на воздаяние.

С практической точки зрения наиболее значимой проблемой является ограниченная эффективность существующих видов наказаний, применяемых к несовершеннолетним. Так, штраф, формально являющийся одной из наиболее мягких санкций, на практике оказывается малоэффективным инструментом, поскольку подростки в подавляющем большинстве не обладают собственными источниками дохода, а возложение обязанности по уплате штрафа на родителей приводит к подмене субъектов ответственности и снижает воспитательный эффект от наказания. Обязательные и исправительные работы также сталкиваются с трудностями исполнения: во многих регионах отсутствуют подходящие объекты или службы, обеспечивающие организацию труда несовершеннолетних, а уровень взаимодействия между судами, органами исполнения наказаний и муниципальными структурами остается недостаточным.

Особое место занимает проблема применения принудительных мер воспитательного воздействия. Нормативно они рассматриваются как важнейший элемент системы, ориентированный на коррекцию поведения подростка, однако на практике их потенциал реализуется не в полной мере. Причиной этому является как ограниченный ресурс комиссий по делам несовершеннолетних, так и недостаточная подготовка специалистов, осуществляющих воспитательное воздействие. Часто меры назначаются формально, без тщательного анализа социальных условий, особенностей личности подростка, его семейного окружения и психологического состояния [9, с. 340–342]. В результате такие меры не достигают целей ресоциализации и превенции, а нередко приводят к вторичной виктимизации либо усилению деструктивных моделей поведения.

Отдельное внимание следует уделить проблеме применения лишения свободы. Несмотря на установленную законом исключительность этой меры, суды продолжают использовать ее в значительном числе случаев, особенно при совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Так, в своем исследовании Е. А. Писаревская отмечает, что «на фоне общей тенденции по либерализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних осужденных фактически их пятая часть продолжала осуждаться судами к реальному лишению свободы» [10, с. 103]. Однако практика показывает, что нахождение несовершеннолетних в воспитательных колониях часто усугубляет криминогенные установки и способствует формированию устойчивой девиантной идентичности. Отсутствие индивидуальных реабилитационных программ, нехватка психологов, ограниченные образовательные возможности и недостатки системы постпенитенциарного сопровождения делают лишение свободы мерой, более способствующей рецидиву, чем исправлению.

К значимым проблемам современной системы относится также недостаточная интеграция уголовно-правовых мер с механизмами социальной профилактики. Исследования показывают [11, с. 18–19], что большинство несовершеннолетних

правонарушителей имеют сходные социальные характеристики: неблагополучные семьи, низкий уровень школьной вовлеченности, психологические травмы, агрессивно-делинквентные группы сверстников. Однако действующая система уголовно-правовых мер практически не учитывает эти факторы при выборе и реализации санкций. В отсутствие комплексного межведомственного подхода, объединяющего школы, социальные службы, психологов, органы опеки и учреждения дополнительного образования, уголовно-правовые меры оказываются изолированными и снижают потенциал позитивного воздействия на личность подростка.

Перспективы развития системы уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних обусловлены необходимостью преодоления выявленных ранее теоретических и практических проблем, а также адаптацией уголовной политики к современным социальным, экономическим и криминологическим вызовам.

В условиях трансформации подростковой среды, формирования новых форм девиантного поведения, активного влияния цифровой культуры и возрастания числа латентных преступлений требуется модернизация действующей системы. В этом контексте дальнейшее совершенствование уголовно-правовых мер должно строиться как на нормативно-правовых изменениях, так и на развитии институциональной инфраструктуры, обеспечивающей практическую реализацию воспитательной и превентивной функции уголовного закона.

Одним из ключевых направлений развития является повышение эффективности принудительных мер воспитательного воздействия и расширение их применения как альтернативы уголовной ответственности. Перспективным представляется внедрение детализированных индивидуальных программ воспитательного и коррекционного характера, которые учитывали бы психологические особенности подростка, структуру его социальных связей, наличие факторов риска и поддерживающих ресурсов. А. К. Дубровин подчеркивает, что «индивидуальная профилактическая работа должна быть организована и осуществляться с учетом возраста, поведения, степени общественной опасности ранее совершенного деяния и других обстоятельств.» [12, с. 19]. Подобные программы, основанные на методиках социально-психологического консультирования, медиативных технологиях и поведенческих интервенциях, позволили бы повысить результативность воспитательных мер и сократить вероятность повторного совершения преступления. В связи с этим актуальным является законодательное закрепление расширенного перечня возможных обязанностей и мероприятий, включаемых в принудительные меры воспитательного воздействия, а также регулирование механизмов их контроля и межведомственного сопровождения.

Перспективным направлением является также развитие институтов восстановительного правосудия, которые пока не получили должного распространения на национальном уровне. Восстановительные практики, такие как примирительные процедуры, медиация, конференции с участием несовершеннолетнего, его семьи и потерпевшего, доказывают высокую эффективность в зарубежных правовых системах, поскольку формируют у правонарушителя понимание последствий содеянного,

способствуют добровольному возмещению вреда и укрепляют социальные связи. Применение данных механизмов также требует нормативного закрепления процессуальных процедур, подготовки специалистов и создания специализированных служб, что предполагает не только юридическую реформу, но и организационные изменения в системе ювенальной юстиции.

Значительным потенциалом обладает совершенствование системы наказаний, применяемых к несовершеннолетним. Речь идет не об ужесточении санкций, а о совершенствовании содержания тех наказаний, которые уже используются. Так, обязательные и исправительные работы могут быть дополнены образовательными и профессиональными модулями, направленными на формирование у подростка практических навыков и повышение его социальной включенности. Ограничение свободы может быть трансформировано в более гибкие модели, включающие электронный мониторинг, обязательное участие в реабилитационных и учебных программах, регулярные встречи с кураторами. Эти меры позволят усилить исправительный эффект наказаний без изоляции подростка от общества.

Особое внимание следует уделить модернизации воспитательных колоний. Несмотря на то, что лишение свободы должно оставаться исключительной мерой, условия его исполнения нельзя оставлять без изменений. Перспективным направлением представляется внедрение программ, основанных на принципах индивидуальной ресоциализации, включающих психологическую помощь, обучение социальным навыкам, профориентацию, участие в трудовой и творческой деятельности. Создание безопасной, некриминогенной среды в учреждениях пенитенциарного типа является решающим фактором для предотвращения негативных последствий тюремной субкультуры и формирования рецидивных установок.

Неотъемлемой частью перспектив развития системы должно стать усиление межведомственного взаимодействия. Уголовно-правовые меры сами по себе не способны обеспечить устойчивую ресоциализацию подростка, если не сопровождаются мерами социальной поддержки, образовательной коррекции и семейного консультирования. Поэтому необходима разработка единой национальной модели межведомственного сопровождения несовершеннолетних правонарушителей, включающей школы, психологические службы, органы опеки, молодежные центры, прокуратуру и суды. Такая модель должна обеспечивать непрерывность работы с несовершеннолетним – от момента выявления правонарушения до окончания всех мер воздействия, включая постпенитенциарный период.

Не менее значимым направлением является цифровизация системы профилактики и контроля. Внедрение современных технологий может повысить эффективность контроля за исполнением мер уголовно-правового характера, обеспечить мониторинг динамики поведения подростка, способствовать раннему выявлению рисков и оперативному реагированию на них. Использование цифровых платформ для взаимодействия между службами, ведения единых досье, обеспечения удаленных консультаций и психологической поддержки соответствует современным тенденциям развития государственного управления и правоприменения.

Подводя итогу, хотелось бы отметить, что в целом перспективы развития системы уголовно-правовых мер в отношении несовершеннолетних связаны с ее трансформацией в сторону большей гуманизации, индивидуализации и интеграции с социальными и психологическими механизмами воздействия. Речь идет не о расширении репрессивного инструментария, а о создании гибкой научно обоснованной и ориентированной на личность подростка системы, способной предотвращать преступность посредством формирования возможностей для позитивного развития, а не через усиление наказания. Реализация этих перспектив требует комплексных законодательных, организационных и кадровых изменений, а также устойчивой государственной политики в сфере защиты прав несовершеннолетних и профилактики их девиантного поведения.

Проведенный анализ состояния и перспектив развития системы уголовно-правовых мер противодействия преступности несовершеннолетних позволяет констатировать, что современная модель уголовно-правового реагирования на подростковую преступность в России находится в фазе сложной трансформации. С одной стороны, законодательная база формально ориентирована на гуманизацию, индивидуализацию и ограничение применения репрессивных санкций. С другой – серьезные теоретические разногласия относительно содержания и структуры самой системы, а также значительные практические дисфункции препятствуют достижению целей предупреждения преступности и эффективной ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей.

В результате анализа состояния и направлений модернизации системы уголовно-правовых мер противодействия преступности несовершеннолетних становится очевидным, что дальнейшее развитие данной сферы требует переосмысления роли уголовного права в структуре ювенальной политики. Современная практика подтверждает ограниченность изолированного применения правовых средств и подчеркивает необходимость их функционального включения в более широкий комплекс социальных, образовательных и профилактических механизмов.

Уголовно-правовые меры способны сыграть эффективную роль лишь тогда, когда они становятся частью непрерывной траектории сопровождения подростка, обеспечивающей поддержку, контроль и восстановление социальных компетенций.

Проведенный анализ также показывает, что одной из ключевых задач будущего является переход от стандартизированных моделей воздействия к гибким индивидуализированным формам работы с несовершеннолетними, учитывающим многообразие их жизненных ситуаций, уровней риска и ресурсов. Такая трансформация предполагает обновление подходов к содержанию наказаний и воспитательных мер, а также совершенствование процедур их назначения и исполнения. В этой связи особое значение приобретает качество профессионального участия специалистов (педагогов, психологов, социальных работников), которое напрямую влияет на эффективность применяемых мер.

Рассмотренные перспективы позволяют заключить, что дальнейшее совершенствование уголовно-правовых мер должно предполагать не точечные коррективы, а последовательное формирование устойчивой модели ювенального

реагирования, способной адаптироваться к изменениям подростковой среды и социальным условиям. Такая модель должна опираться на научно обоснованные подходы к оценке поведения несовершеннолетних, современные методы профилактики и комплексное взаимодействие государственных институтов. Только в этом случае возможно создание эффективной и внутренне согласованной системы, способной не только реагировать на совершенные преступления, но и играть превентивную и поддерживающую роль, а также формировать условия для позитивного развития подростков и снижения уровня девиантного поведения в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Звонов, А. В. Система мер уголовно-правового воздействия: сущность и содержание // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90). С. 95–99.
2. Бахрах, Д. Н. Вопросы системы административных наказаний // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 7. С. 7–13.
3. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. М., 2012. 288 с.
4. Звечаровский, И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.
5. Федотова, Е. Н., Юнусов, С. А. Реализация мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних: актуальные проблемы и перспективы совершенствования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 111–121.
6. Козлова, Т. С. Применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия // Научный портал МВД России. 2016. № 2 (34). С. 97–103.
7. Бытко, Ю. И. Цели уголовного наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 108–124.
8. Южанин, В. Е. Соотношение целей и задач уголовного закона, наказания и его исполнения // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 1 (61). С. 30–38.
9. Кольцов, М. И., Попова, Е. А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних путем применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 337–348.
10. Писаревская, Е. А. К вопросу о профилактике рецидива несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 102–107.
11. Фадеева, К. Ф., Кулакова, С. В. О проблемах психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными // Ведомости УИС. 2014. № 9 (148). С. 17–20.
12. Дубровин, А. К. Особенности организации деятельности Центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей по предупреждению повторных преступлений со стороны несовершеннолетних // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (5). С. 17–22.

REFERENCES

1. Zvonov, A. V. Sistema mer ugolovno-pravovogo vozdejstviya: sushchnost' i sodержanie [The system of criminal-legal measures: essence and content]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie - Man: crime and punishment*. 2015, vol. 90, no. 3, pp. 95-99. (In Russ.).
2. Bakhrakh, D. N. Voprosy sistemy administrativnyh nakazaniy [Issues of the system of administrative penalties]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava - Vestnik of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2009, no. 7, pp. 7-13. (In Russ.).
3. Esakov G. A. [et al.] *Ugolovno-pravovoe vozdejstvie [Criminal-legal impact]*. Moscow, 2012, 288 p. (In Russ.).
4. Zvecharovsky, I. Ponyatie mer ugolovno-pravovogo haraktera [The concept of criminal-legal measures]. *Zakonnost' - Legality*. 2007, no. 1, pp. 19-21. (In Russ.).
5. Fedotova, E. N., Yunusov, S. A. Realizaciya mer ugolovno-pravovogo haraktera v otnoshenii nesovershennoletnih: aktual'nye problemy i perspektivy sovershenstvovaniya [Implementation of criminal-law measures in relation to minors: current problems and prospects for improvement]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024, vol. 104, no. 2, pp. 111-121. (In Russ.).
6. Kozlova, T. S. Primenenie k nesovershennoletnim prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdejstviya [Application of compulsory educational measures to minors]. *Nauchnyj portal MVD Rossii - Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016, vol. 34, no. 2, pp. 97-103. (In Russ.).
7. Bytko, Yu. I. Celi ugolovnogo nakazaniya [The Objectives of Criminal Punishment]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii - Vestnik of the Saratov State Law Academy*. 2018, vol. 123, no. 4, pp. 108-124. (In Russ.).
8. Yuzhanin, V. E. Sootnoshenie celej i zadach ugolovnogo zakona, nakazaniya i ego ispolneniya [The Correlation of the Objectives and Tasks of Criminal Law, Punishment and Its Execution]. *Penitenciarnaya nauka - Penitentiary Science*. 2023, vol. 17, no. 1 (61). pp. 30-38. (In Russ.).
9. Koltsov, M. I., Popova, E. A. Problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih putem primeneniya k nim prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdejstviya [Problems of release from criminal liability of minors by applying compulsory educational measures to them]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava - Actual problems of state and law*. 2022, vol. 6, no. 3, pp. 337-348. (In Russ.).
10. Pisarevskaya, E. A. K voprosu o profilaktike recidiva nesovershennoletnih, otbyvayushchih nakazanie v vospitatel'nyh koloniyah [On the issue of preventing recidivism of minors serving sentences in correctional colonies]. *Ugolovnaya yusticiya - Criminal Justice*. 2018, no. 12, pp. 102-107. (In Russ.).
11. Fadeeva, K. F., Kulakova, S. V. O problemah psihokorrekcionnoj raboty s nesovershennoletnimi osuzhdennymi [On the problems of psychocorrectional work with juvenile convicts]. *Vedomosti UIS - Vedomosti UISN*. 2014, vol. 148, no. 9, pp. 17-20. (In Russ.).

12. Dubrovin, A. K. Osobennosti organizacii deyatel'nosti Centrov vremennogo sodержaniya nesovershennoletnih pravonarushitelej po preduprezhdeniyu povtornyh prestuplenij so storony nesovershennoletnih [Features of the organization of activities of temporary detention centers for juvenile offenders to prevent repeat crimes by minors]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra - Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2018, vol. 5, no. 1, pp. 17-22. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фомина Инна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Ивушкина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fomina Inna Anatolyevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Legal and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Ivushkina Olga Viktorovna, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 04.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 22.01.2025.

The article was submitted 04.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 22.01.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 241-257.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 241-257.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья

УДК 316.774:340.131.4:343.102

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ КОНТРОЛЯ
 ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Шашин Даниил Георгиевич

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация, shashin06@mail.ru

Введение. Правоохранительная деятельность государства, в том числе оперативно-розыскная, нуждается в контроле законности ее осуществления и соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в оперативно-розыскные правоотношения. Контроль может проводиться как государственными органами, так и негосударственными.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили законодательные и подзаконные нормативные правовые акты. В качестве методологической основы исследования были использованы: материалистическая диалектика, анализ законодательства и специальных литературных источников, обобщение, систематизация, описание.

Результаты исследования позволили прийти к умозаключению, что законодательство предусматривает систему мер по участию средств массовой информации в контроле законности оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов. Несмотря на то что прямых предписаний осуществления средствами массовой информации контроля законности оперативно-розыскной деятельности в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» или Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» не закреплено, однако это не означает, что такого контроля не существует. В законодательстве при регулировании деятельности государственных органов как на законодательном, так и подзаконном уровне, созданы правовые основания для учета публикаций в средствах массовой информации в рамках контроля законности их деятельности.

Выводы и заключения. В соответствии с основными направлениями функционирования МВД России контроль законности деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел средствами массовой информации проводится

в правотворческом и правоприменительном направлениях. Основным способом контроля средствами массовой информации правотворческой деятельности в сфере оперативно-розыскной деятельности является постоянное наблюдение (мониторинг) состояния гласного нормативного правового регулирования и, как следствие, – их реакция на проекты либо принятые ведомственные нормативные правовые акты субъектов оперативно-розыскной деятельности. Правоприменительная деятельность в сфере оперативно-розыскной деятельности также подвержена независимому контролю со стороны средств массовой информации, однако имеются ограничения, связанные с реализацией принципов оперативно-розыскной деятельности – конспирации и сочетания гласных и негласных методов и средств.

Ключевые слова: законность, оперативно-розыскная деятельность, контроль, средства массовой информации, правотворчество, правоприменение

Для цитирования: Шашин, Д. Г. Средства массовой информации как субъекты контроля законности оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 241-257.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

MASS MEDIA AS ENTITIES MONITORING THE LEGALITY OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Daniil G. Shashin

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
shashin06@mail.ru

Introduction. Law enforcement activities, including operational-investigative actions, require oversight to ensure the legality of their implementation and the protection of the rights and legitimate interests of persons involved in such legal relations. This oversight can be exercised by both state authorities and non-governmental entities.

Materials and Methods. The regulatory framework of the study comprises legislative and subordinate acts. The methodological basis of the research is grounded in materialist dialectics, as well as the analysis of legislation and specialized academic literature, generalization, systematization, and description.

The Results of the Study. The study concludes that the legislation provides a framework for media participation in monitoring the legality of law enforcement agencies' operational-investigative activities. Although Federal Law No. 144-FZ "On Operational Investigative Activities" (August 12, 1995) and Federal Law No. 3-FZ "On the Police" (February 7, 2011) do not explicitly mandate such oversight, this does not imply its absence. Both legislative and regulatory acts governing state bodies establish legal grounds for incorporating media reports into the mechanisms for monitoring the legality of their operations.

Findings and Conclusions. In accordance with the operational framework of the Russian Ministry of Internal Affairs, media oversight of the legality of operational units is conducted through both lawmaking and law enforcement channels. The primary method for

monitoring lawmaking in the field of operational-investigative activities is the continuous observation of public (non-classified) regulatory frameworks. This results in media responses to both draft and adopted departmental acts issued by the relevant agencies. While law enforcement activities are also subject to independent media oversight, such monitoring is limited by the core principles of operational-investigative work: confidentiality and the balance of overt and covert methods.

Keywords: legality, operational and investigative activities, control, mass media, lawmaking, and law enforcement

For citation: Shashin, D. G. Sredstva massovoj informacii, kak sub"ekty kontrolya zakonnosti operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Mass media as entities monitoring the legality of operational-investigative activities]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 241-257. (In Russ.)

Средства массовой информации (далее – СМИ) нередко называют четвертой властью¹, что связано с их большим влиянием на формирование общественного мнения. Выражение «владеешь информацией – владеешь миром» распространено в обществе, оно очень содержательное и имеет несколько граней в толковании. Такой подход вполне встраивается в методы работы правоохранительных органов, в частности оперативных подразделений, в силу того, что одним из способов влияния на преступность является контроль, а без него нельзя противостоять криминальным процессам, происходящим в обществе. Более того, в период современного становления информационного общества СМИ способствуют формированию и развитию гражданского общества [1, с. 19], являющегося основой демократии в стране, в частности служат одним из средств контроля в государстве.

В связи с тем, что СМИ оказывают огромное влияние на общество, социум, закономерно, что они стали объектом исследований науки социологии в вопросах этого влияния. Так, Т. В. Науменко отмечала, что «воздействуя посредством массовой информации на общественное мнение как состояние массового сознания, массовые коммуникации способствуют тем самым наилучшей реализации целей субъектов социальных интересов. Этот факт послужил основанием возникновения термина «четвертая власть», наделяющего массовые коммуникации некими особыми властными полномочиями» [2]. У СМИ формально закрепленных властных полномочий нет, они не облечены полномочиями по принуждению, какими обладают, например, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), или иные подразделения органа внутренних дел (далее – ОВД).

Правовых оснований осуществления СМИ контроля законности ОРД в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД) или Федеральном законе от 7 февраля 2011 г.

¹ Четвертая власть – неофициальное наименование прессы и журналистики, дано по аналогии с тремя ветвями власти: законодательной, исполнительной и судебной. Выражение возникло в Великобритании в конце XVIII в. (приписывается Э. Бёрку) в форме Fourth Estate (буквально – четвертое сословие, подобно трем сословиям, существовавшим во многих странах Европы. В XIX в. вошло в большинство европейских языков (французский, немецкий, испанский, русский) в форме «четвертая власть» // Большая российская энциклопедия : сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/chetviortaia-vlast-5b441d> (дата обращения: 08.10.2024).

№ 3-ФЗ «О полиции» (далее – закон о полиции) не закреплено, однако это не означает, что такого контроля не существует. Мы рассматриваем СМИ как одну из форм общественного контроля, который предусмотрен ст. 50 Закона о полиции, и в этой связи поясним, что отдельное рассмотрение указанной формы контроля потребовалось в силу ее специфики. Во-первых, эта форма контроля представляет собой деятельность, как правило, профессиональных субъектов негосударственного контроля. Во-вторых, такой контроль осуществляется специальными средствами (фото-, видео-, аудиоаппаратурой) и посредством специальных ресурсов (статьи в газетах, журналах, теле-, радиoproграммы, ток-шоу, аналитические программы и др.) путем использования ресурсов телевидения, радио, средств информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В-третьих, СМИ освещаются не только события в жизни общества, имеющие отношение к ОРД, но и деятельность правоохранительных органов (в том числе оперативных подразделений, насколько это возможно), а также процесс и результаты иных форм общественного контроля в данной сфере общественных отношений.

Правовую основу взаимоотношений ОВД и СМИ составляет ряд законодательных актов, в число которых входят законы: о СМИ², об информации³, об освещении деятельности государственных органов⁴, об обеспечении доступа к информации⁵, о полиции⁶ и др.

Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» в ст. 1 закрепляет, что в нашей стране поиск, получение, производство и распространение массовой информации, учреждение СМИ, владение, пользование и распоряжение ими, изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов,

² О средствах массовой информации : Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 08.10.2025).

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон № 149-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 08.10.2025).

⁴ О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации : Федер. закон № 7-ФЗ : принят Гос. Думой 15 декабря 1994 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5410/ (дата обращения: 08.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁵ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федер. закон № 8-ФЗ : принят Гос. Думой 21 января 2009 г. : одобрен Советом Федерации 28 января 2009 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 08.10.2025).

⁶ О полиции : Федер. закон № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 января 2011 г. : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 08.10.2025).

предназначенных для производства и распространения продукции СМИ, не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством о СМИ.

В п. 5 ст. 8 Федерального закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определено, что государственные органы обязаны обеспечивать доступ с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, к информации о своей деятельности. При этом лицо, желающее получить доступ к такой информации, не обязано обосновывать необходимость ее получения.

Как отмечается в литературе, среди СМИ все большую популярность набирают электронные СМИ, в частности периодические издания, в которых информация представляется в виде цифровых данных [3, с. 49].

Регулирование деятельности всех СМИ осуществляется на законодательном уровне, и в соответствии с этим они имеют право производить поиск, получение, производство и распространение массовой информации [4, с. 215].

Законодательство предусматривает систему мер по участию СМИ в контроле законности деятельности правоохранительных органов.

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁷ в ст. 7 закрепляет основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции, среди которых в п. 8 прописана одна из мер – обеспечение независимости СМИ. Последние способны освещать ставшие им известными факты о коррупции, соответственно, они должны обладать правовой защищенностью от давления со стороны заинтересованных лиц.

2. Ведомственный нормативный акт генеральной прокуратуры Российской Федерации в целях улучшения состояния законности при осуществлении уголовного преследования и обеспечения неукоснительного соблюдения конституционных прав граждан предписывает прокурорам анализировать состояние прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве, сопоставляя для этого данные органов прокуратуры и публикации в средствах массовой информации⁸.

3. Межведомственный нормативный акт обязывает прокуроров всех уровней «осуществлять постоянный мониторинг средств массовой информации и сети

⁷ О противодействии коррупции : Федер. закон № 273-ФЗ : принят Гос. Думой 19 декабря 2008 г. : одобрен Советом Федерации 19 декабря 2008 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 08.10.2025).

⁸ Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве : приказ Генпрокуратуры России от 27 ноября 2007 г. № 189 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74128/ (дата обращения: 08.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Интернет на предмет выявления сведений о нарушениях прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности», в том числе в сфере ОРД⁹;

Таким образом, в законодательстве при регулировании деятельности государственных органов как на законодательном, так и подзаконном уровне созданы правовые основания для учета сведений (публикаций) СМИ в целях контроля законности их деятельности. Приведенные подходы федерального законодателя и ведомственных нормодателей разных ведомств говорят о том, что СМИ самостоятельно получают информацию о событиях, происходящих в обществе, в том числе противоправного характера, включая негативные проявления нарушений законодательства со стороны правоохранительных и контролирующих органов, и делают эту информацию достоянием общественности.

Научные публикации относительно ресурса СМИ о контроле законности и координации деятельности следственных и правоохранительных органов также присутствуют. Так, К. А. Костенко отмечает, что установление представителями СМИ нарушений в сфере уголовного процесса позволяет не только достаточно быстро организовывать проверочные мероприятия, но и оперативно подключаться к проверке законности и обоснованности принятых процессуальных решений либо контролировать ход и результаты расследования наиболее резонансных дел, если в адрес следственных органов звучит критика [5, с. 56–58].

В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан¹⁰ задекларировано расширение взаимодействия правоохранительных органов с общественностью, средствами массовой информации, организациями эфирного и кабельного вещания, представителями творческих профессий в целях демонстрации позитивных примеров правоохранительной деятельности и депопуляризации криминальной культуры и противозаконных форм социального поведения. В этом нормативно закрепляется одно из отличительных свойств контроля, которое проявляется в том, что при контроле выявляются и положительные стороны контролируемого объекта, тогда как надзор такой направленности не имеет.

Несмотря на ориентацию названной меры на демонстрацию положительных примеров работы правоохранительных органов, полагаем, что в рамках указанного

⁹ Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности : указание Генпрокуратуры России № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23 июля 2020 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362618/ (дата обращения: 20.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁰ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113761/ (дата обращения: 20.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

взаимодействия от «острого взгляда» общественности, а тем более СМИ, не скроются негативные проявления и в работе оперативных служб, которые по тем или иным причинам стали достоянием общественности. Это означает, что при взаимодействии СМИ и оперативных служб в составе ОВД последние невольно оказываются под профессиональным общественным контролем со стороны первых.

Что касается последствий контрольных мероприятий, проведенных СМИ, некоторые авторы предлагают рассматривать контроль как в широком, так и в узком смысле, поясняя, что в узком смысле такой контроль осуществляется специализированными органами и органами, наделенными отдельными полномочиями по контролю: законодательными, исполнительными и др. В широком смысле указанный контроль выполняется не только органами государственной власти, но также общественными организациями, политическими партиями, а также непосредственно гражданами и СМИ, с чем трудно не согласиться. Далее авторы справедливо подчеркивают, что результаты такого контроля могут служить основанием для проведения контрольных мероприятий уже государственными органами контроля, осуществляющими эту деятельность на профессиональной основе [6, с. 236–237].

В соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699¹¹ (далее – Положение о МВД России), деятельность ОВД осуществляется в двух направлениях: нормативное правовое регулирование в сфере внутренних дел и правоприменительная деятельность в указанной сфере. МВД России осуществляет свою деятельность непосредственно и / или через ОВД. Это в полной мере относится к ОРД ОВД.

Рассмотрим проблемы контроля законности деятельности оперативных подразделений ОВД со стороны СМИ в указанных направлениях.

I. Правотворчество. В силу того что нормативное правовое регулирование в сфере внутренних дел имеет отношение ко всему населению страны, СМИ невольно ведут мониторинг¹² (контроль) общественных отношений, в частности нормативного правового регулирования в области внутренних дел, и доводят до населения нормативные нововведения посредством своих информационных ресурсов.

¹¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=515378#Jo mPN9Vi4UMuxFh61> (дата обращения: 20.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹² Мониторинг (англ. monitoring – слежение, контроль), специальная форма наблюдения (слежения) за текущим изменением тех или иных процессов или объектов в пространстве и во времени, осуществляемая на постоянной основе // Большая российская энциклопедия : сайт. URL : <https://old.bigenc.ru/economics/text/2227291?ysclid=m21r02iw7557019250> (дата обращения: 20.10.2025).

В п. 7 Положения о МВД России установлено, что деятельность МВД России является открытой для общества и публичной в той мере, в какой это не противоречит требованиям российского законодательства. Применительно к сфере ОРД некоторые нормативные правовые акты Министерства внутренних дел Российской Федерации имеют закрытый для общественности характер, и ознакомление с ними невозможно. Вместе с тем открытые правовые акты в сфере ОРД, имеющие огромное значение во взаимоотношениях ОВД и граждан, в свое время стали объектом внимания и наблюдения со стороны СМИ, доводились до населения посредством официальных источников («Российская газета»), а также посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Яркими примерами ведомственных нормативных актов, подвергнутых контролю со стороны СМИ, стали приказы МВД России: от 1 апреля 2014 г. № 199¹³; от 6 июня 2018 г. № 356¹⁴; от 31 марта 2023 г. № 199¹⁵.

Так, в СМИ появились следующие публикации о приказе от 6 июня 2018 г. № 356:

а) «МВД будет платить доносчикам за любую информацию. Это правда?». Информация размещена в сети Интернет 22 августа 2018 г., т. е. через семь дней после его регистрации в Минюсте России, и была просмотрена 77 тыс. раз (77К)¹⁶ и прокомментирована читателями 45 раз;

¹³ Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163848/ (дата обращения: 20.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁴ Об утверждении Положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших : приказ МВД России от 6 июня 2018 г. № 356 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304893/ (дата обращения: 20.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁵ Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность : приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455075/ (дата обращения: 20.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁶ МВД будет платить доносчикам за любую информацию. Это правда? // journal.tinkoff.ru : сайт. URL: <https://journal.tinkoff.ru/fake-news/zaplatite-zadonos/?ysclid=m21skejdg8757960336> (дата обращения: 20.10.2025)

б) «Полиция будет платить деньги информаторам, которые помогут раскрывать преступления». Информация размещена в сети Интернет 18 августа 2018 г., т. е. через три дня после регистрации приказа в Минюсте России и была просмотрена 1 952 раза¹⁷;

в) статья А. Гришина в интернет-версии «Комсомольской правды» от 21 августа 2018 г. на тему «Полиция получила законную возможность платить деньги информаторам» вызвала тематическую дискуссию среди читателей¹⁸;

г) в интернет-версии справочной правовой системы «КонсультантПлюс» от 24 августа 2012 г. информация подана более сдержанно с заголовком «За предоставление гражданами информации, способствовавшей раскрытию тяжкого (особо тяжкого) преступления или преступления, вызвавшего большой общественный резонанс, предлагается выплачивать вознаграждение». К статье приложен проект (на тот момент. – Д. Ш.) приказа МВД России «Об утверждении Правил объявления о назначении и выплаты вознаграждения гражданам за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших» для ознакомления широких масс читателей¹⁹.

Для сравнения, нормативное правовое регулирование иных субъектов ОРД также подвергается контролю со стороны СМИ. Так, в сети Интернет имеются материалы под заголовком «ФСБ разработала инструкцию об обследовании жилья и машин граждан»²⁰, где дается анализ проекта инструкции ФСБ России, размещенного на официальном сайте Федерального портала проектов нормативных правовых актов²¹.

Анализ публикаций в СМИ приводит к следующим выводам.

Во-первых, «открытые» нормативные акты органов, осуществляющих ОРД, тем более затрагивающие права и интересы граждан, отслеживаются СМИ и предаются гласности для ознакомления и выражения читателями своей позиции в комментариях. В этом проявляется контроль СМИ в форме наблюдения (мониторинга). Далее контроль выражается в форме проверки текста нормативного правового акта на

¹⁷ Полиция будет платить деньги информаторам, которые помогут раскрывать преступления // Daily Карелия : сайт. URL: <https://gubdaily.ru/news/policiya-budet-platit-dengi-informatoram-kotorye-pomogut-raskryvat-prestupleniya/> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁸ А. Гришин. Полиция получила законную возможность платить деньги информаторам // Комсомольская правда : сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/26871/3913946/?ysclid=m22pjsu9w211592374> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁹ За предоставление гражданами информации, способствовавшей раскрытию тяжкого (особо тяжкого) преступления или преступления, вызвавшего большой общественный резонанс, предлагается выплачивать вознаграждение : проект приказа МВД России «Об утверждении Правил объявления о назначении и выплаты вознаграждения гражданам за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших» // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/20467.html?ysclid=m21sicdmip610567696> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁰ ФСБ разработала инструкцию об обследовании жилья и машин граждан // Legal.Report : сайт. URL: <https://legal.report/fsb-razrabotala-instrukciju-ob-obsledovanii-zhilya-i-mashin-grazhdan/> (дата обращения: 20.10.2024).

²¹ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : офиц. сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

предмет соответствия законам (соблюдение основных прав и т. д.) и выражения мнения представителями СМИ на страницах печатных и электронных (аудио, видео и т. д.) изданий о законности изученных ведомственных нормативных правовых актов.

Во-вторых, публикации СМИ нередко содержат «кричащие» заголовки для привлечения внимания общественности к публикуемому материалу и каналу авторов или правообладателей издания, в том числе и для целей извлечения прибыли от количества просмотров.

В-третьих, официальные издания («Комсомольская правда», «КонсультантПлюс») более сдержанно подают информацию, хотя и не лишённую «кричащих» элементов в названии, что также преследует цель привлечения внимания большего количества читателей (потребителей информации).

В-четвертых, анализу и комментариям подвергаются также и проекты приказов МВД России еще до их официального принятия. Обоснованная критика может повлечь корректировку некоторых положений проектов ведомственных нормативных актов Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В-пятых, следует признать положительной практикой размещения проектов открытых ведомственных нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан, как эффективный способ контроля нормативного правового направления деятельности органов, осуществляющих ОРД, в целях оценки их на предмет законности со стороны общественности и СМИ в частности.

Исследование контроля СМИ нормативного правового регулирования общественных отношений в сфере внутренних дел и ОРД в частности дает основание заключить, что основным способом данного контроля является постоянное наблюдение (мониторинг) состояния нормативного правового регулирования в области ОРД и, как следствие, реакция СМИ на проекты либо принятые ведомственные нормативные правовые акты субъектов ОРД. Привлечение профессиональными субъектами общественного контроля (СМИ) внимания общества к изучению, анализу и оценке проектов правовых актов активизирует общественный контроль, осуществляемый непрофессиональными субъектами – гражданами, общественными объединениями и т. д. Описанное выше демонстрирует механизм обеспечения законности ОРД в действии.

Правоприменительная деятельность в сфере ОРД также подвержена независимому контролю со стороны СМИ, при этом более пристальному, так как правоприменение демонстрирует действие правовых норм в жизни общества, а реакция на применение права, тем более в силу принудительного характера некоторых полномочий оперативных подразделений, как правило, вызывает негативную реакцию тех, в отношении кого оно применяется или может быть применено, а также лиц, каким-либо образом сопричастных этому.

В законодательстве декларируется, что деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства в сфере ОРД, административной деятельности, уголовного процесса, защиты государственной или иной охраняемой законом тайны, что отражено в ч. 1 ст. 8 Закона о полиции. Вместе с тем законодатель в ч. 3 ст. 8 этого закона налагает

обязанность на полицию регулярно информировать государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через СМИ, информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными органами субъектов Федерации, представительными органами муниципальных образований и гражданами. Периодичность, порядок отчетности, а также категории должностных лиц, уполномоченных отчитываться перед указанными органами и гражданами, определяются Министром внутренних дел Российской Федерации²².

Обязанность в предоставлении сведений полиции о своей деятельности коррелируется с правом граждан, общественных объединений и организаций в порядке, установленном законодательством, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от нее информацию, непосредственно затрагивающую их права, за исключением информации, доступ к которой ограничен федеральным законом²³.

Приказ МВД России от 26 декабря 2023 г. № 1011 «Об утверждении Инструкции по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России» (далее – приказ МВД России о проведении отчетов) определяет категории должностных лиц ОВД, имеющих отношение к ОРД ОВД и обязанных отчитываться перед указанными выше органами и гражданами.

1. Руководители территориального органа МВД России на региональном уровне²⁴ – перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Федерации.

2. Начальники управлений, отделов, отделений МВД России по федеральным территориям – перед представительными органами федеральных территорий.

3. Руководители территориального органа МВД России на районном уровне²⁵ – перед представительными органами муниципальных образований.

²² Об утверждении Инструкции по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 26 декабря 2023 г. № 1011 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_473578/ (дата обращения: 20.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

²³ Отметим юридическую неточность в законодательной формулировке в части ограничения доступа к информации *федеральным законом* (ч. 2 ст. 8 Закона о полиции). Доступ к государственной тайне, ограничен не федеральным законом, но и Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне».

²⁴ Министры внутренних дел по республикам, начальники главных управлений, управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации.

²⁵ Начальники управлений, отделов, отделений МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, управлениям, отделам, отделениям МВД России на части территорий административных центров субъектов Федерации.

Отметим, что в соответствии с приказом МВД России от 31 марта 2023 г. № 199²⁶ приведенные выше категории должностных лиц ОВД имеют полномочия по организации работы оперативных подразделений, что дает им право в допустимых законодательством пределах освещать деятельность указанных подразделений.

При этом п. 3.2 Инструкции по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России, объявленной приказом МВД России о проведении отчетов, определяет, что задачей таких отчетов является реализация *общественного контроля за деятельностью полиции*, одной из форм которого является контроль СМИ.

По мнению некоторых ученых, в современном российском обществе существует достаточно сложное, противоречивое отношение к полиции, которое характеризуется, с одной стороны, осознанием социальной значимости деятельности по охране правопорядка, а с другой – негативизмом и недоверием [7, с. 555; 8, с. 185]. Как показывают исследования, информацию о деятельности полиции (правоприменении) примерно в одной трети случаев общество получает именно из СМИ. Какова будет указанная информация зависит, безусловно, от профессионализма, законности деятельности, соблюдения этических норм сотрудниками ОВД. Так, по результатам проведенного общественниками анонимного анкетирования граждан в Нижегородской области выяснилось, что представление о деятельности полиции у большинства опрошенных сложилось: на основе сведений, полученных из публикаций в СМИ и сети Интернет (30 %), из бесед с друзьями и знакомыми (21 %), из личного опыта (26 %), из просмотра фильмов и сериалов (23 %)²⁷. В связи с этим можно утверждать, что СМИ внимательно отслеживают все происходящие процессы в системе ОВД, связанные с применением права.

Изучив основные каналы, на уровне которых реализуется трансляция негативных форм отношения к сотрудникам правоохранительных органов, С. В. Копцов небезосновательно отмечает, что деятельность СМИ заслуживает отдельного внимания, так как в объектив рассмотрения информационных служб, газет и других СМИ попадает преимущественно информация, отражающая неординарные события – в череде социальных явлений, связанных с деятельностью правоохранительных органов, приоритет приобретают либо громкие успехи работников полиции, либо наиболее существенные их промахи [9]. С целью привлечения внимания населения к своим изданиям редакции СМИ более охотно освещают деятельность ОВД, связанную с недостатками в их работе, нежели с успехами. Такая тенденция с помощью анализа публикаций СМИ о деятельности правоохранительных органов [4, с. 213–217]. Другие авторы подчеркивают, что

²⁶ Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность : приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455075/ (дата обращения: 20.10.2025).

²⁷ В районах Нижегородской области общественники изучили мнение населения о деятельности полиции // Главное управление МВД России по Нижегородской области : офиц. сайт. URL: <https://52.мвд.пф/news/item/56187379> (дата обращения: 20.10.2024).

современный уровень развития информационных коммуникаций определяет чрезвычайную тиражируемость информации: один случай серьезного злоупотребления служебными полномочиями может за короткое время стать достоянием широких слоев интернет-аудитории [10].

Сложно не согласиться с утверждением о том, что сила информационного воздействия СМИ кроется в возможности формирования определенного общественного мнения [11]. Глобальная информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» уже давно «не только информационное пространство, а площадка для эволюции СМИ, становления и развития их новых видов» [12]. Нельзя не отметить и негативные аспекты, присущие самим СМИ, когда распространяется недостоверная, а порой и порочащая информация о деятельности ОВД²⁸. В печатных изданиях обращается внимание на то, что в отношении полиции имеет место некая кампания: «Реформа привела к резкому ухудшению отношения к полиции – этому способствовали не только объективные причины, но и кампания в СМИ против МВД» и при этом при проведении опроса авторами публикации установлено, что негативный опыт обращения в полицию есть только у 1 % опрошенных»²⁹.

В целях противодействия этому в МВД России налажена система отслеживания публикаций в СМИ о деятельности полиции, других служб и подразделений для своевременного опровержения порочащей ОВД информации в случае ее недостоверности, вплоть до обращения в компетентные органы (суды, Роскомнадзор) для привлечения к юридической ответственности недобросовестных СМИ (пп. 11.13, 11.14 приказа МВД России от 16 июня 2011 г. № 683 «Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации»).

Публикации СМИ, отражающие нарушения законодательства сотрудниками оперативных подразделений, безусловно, должны способствовать реагированию руководителей всех уровней на решение задачи приведения системы в надлежащее состояние, т. е. активизацию ведомственного контроля. Кроме того, подобные публикации могут стать поводом для прокурорской проверки законности как формы прокурорского надзора за деятельностью органов, осуществляющих ОРД. Отметим, что здесь мы говорим только о действительно достоверной информации СМИ о деятельности оперативных служб в составе ОВД и влиянии СМИ на соблюдение законности сотрудниками оперативных подразделений.

Наиболее известными фактами взаимодействия представителей СМИ и ОВД в контексте нашего исследования являются дела И. Черновой и И. Голунова. Вместе с тем нас в большей части интересует деятельность СМИ по освещению резонансных дел граждан, в отношении которых необоснованно и/или незаконно (И. Чернова, И. Голунов) проводились оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ).

²⁸ В МВД призвали не доверять вбросам и фейковым новостям, порочащим сотрудников полиции // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7181401?ysclid=m2fy8km7zv329171823> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁹ Пальчик, С. Социологи: Только 1 % граждан напрямую сталкивались с негативом в полиции. Не повторяем ли мы чужие установки? // Московский комсомолец : сайт. URL: <https://rostov.mk.ru/articles/2016/05/30/sociologi-tolko-1-grazhdan-napryamuyu-stalkivalis-s-negativom-v-policii.html?ysclid=m2fyv1w1xy821151902> (дата обращения: 20.10.2024).

Указанные граждане, вовлеченные в сферу оперативно-розыскных правоотношений, являлись представителями СМИ. Напомним, что ОРД в отношении И. Черновой осуществлялась в 1995 г., т. е. в период действия первого закона об ОРД 1992 г. (5 мая 1995 г. в отношении заявительницы проведен комплекс ОРМ, в том числе ограничивающих конституционные права личности). В свою очередь, ОРМ в отношении И. Голунова проводились ОВД в июне 2019 г., т. е. с разницей в 24 года.

По данным СМИ, И. Чернова опубликовала статью «Как один хулиган разоружил всю волгоградскую милицию». Через два месяца журналистка была задержана на один час «без всяких объяснений причин» сотрудниками Управления по борьбе с организованной преступностью³⁰.

6 июня 2019 г. сотрудники оперативного подразделения в г. Москве задержали И. Голунова. В полиции заявили, что у него при себе были наркотики. Журналист указал, что их подбросили. В акциях с требованием разобраться в деле Голунова принимали участие журналисты различных СМИ. Газеты «Коммерсантъ» и «Ведомости» выпустили первые полосы в его поддержку. 8 июня 2019 г. И. Голунову было предъявлено обвинение в покушении на сбыт или пересылку наркотических средств в крупном размере, и ему избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Руководство МВД России 11 июня 2019 г. сообщило, что с журналиста сняли обвинения, его освободят, а действия полицейских проверят. Позднее руководители и сотрудники подразделения наркоконтроля получили от 5 до 12 лет лишения свободы³¹.

В обоих случаях СМИ активно освещали деятельность милиции и полиции, чем всколыхнули большие пласты общества и привлекли тем самым внимание общественности, т. е. цель деятельности СМИ была достигнута. В последующем привлечение внимания СМИ к данным ситуациям стало толчком для проведения контрольных мероприятий со стороны контролирующих и надзорных субъектов, т. е. послужило поводом для ведомственного контроля и прокурорского надзора деятельности оперативных служб.

Кроме того, последующее обращение И. Черновой в суды общей юрисдикции и Конституционный суд Российской Федерации способствовало корректировке правоприменительной практики³². Как видим, общественный резонанс по делу И. Голунова привел к активизации ведомственного контроля ОРД ОВД и прокурорского надзора, что привело к его оправданию и привлечению сотрудников

³⁰ Журналистка объявила войну милиции // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/200228?ysclid=m2g0d9c0i64922637> (дата обращения: 20.10.2024).

³¹ Ламова, Е. Как суды рассматривают наркопреступления после дела Голунова. Инфографика // rbc.ru : сайт. URL : <https://www.rbc.ru/society/30/11/2023/656655999a79471ec1e8aad8?ysclid=m2fzw0vzrz487244788> (дата обращения: 20.10.2024).

³² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // КонсультантПлюс : сайт. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19780/ (дата обращения: 20.10.2024).

оперативного подразделения к уголовной ответственности. В этом проявился механизм обеспечения законности ОРД.

Резюмируя сказанное выше, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, осуществляя свою деятельность и выявляя нарушения законности, прав и свобод человека и гражданина, СМИ оповещают об этом широкие массы людей, что неизбежно влечет реакцию общества на происходящее событие, вызывает негативную реакцию.

Во-вторых, СМИ, выступая способом общественного контроля деятельности органов, осуществляющих ОРД, обретают профессиональную форму контроля указанного вида.

В-третьих, контроль СМИ, проявляемый в публикациях о нарушениях законности оперативно-розыскными органами, дают толчок субъектам ведомственного контроля и прокурорского надзора для осуществления контрольных мероприятий в целях приведения системы в должное состояние, привлечения виновных должностных лиц к предусмотренной законом ответственности и восстановления законности, т. е. указанный контроль приводит в действие механизм обеспечения законности ОРД в случае, когда иные гарантии законности (например, ведомственный контроль или прокурорский надзор как элементы механизма законности) своевременно не сработали по различным причинам.

В-четвертых, контроль СМИ законности деятельности в целом ОВД неизбежно приводит к контролю законности деятельности органов, осуществляющих ОРД.

В-пятых, контроль со стороны СМИ законности в сфере ОРД является одним из важных элементов механизма обеспечения законности этой деятельности – средством (гарантией) обеспечения законности в указанном механизме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демидов, Н. Н. Общественный контроль за деятельностью полиции глазами населения и средств массовой информации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 14–19.

2. Науменко, Т. В. «Четвертая власть» как социологическая категория // Журнальный клуб Интелрос. 2007. № 2. URL: http://www.intelros.ru/2007/07/06/print:page,1,tv_naumenko_chetvertaja_vlast_kak_sociologicheskaja_kategorija.html (дата обращения: 08.10.2025).

3. Ольшевская, А. В., Курбатова, О. В. Рассмотрение органами внутренних дел обращений граждан и сообщений в СМИ (вторая часть) // Административное право и процесс. 2013. № 12. С. 52–54.

4. Янбухтин, Р. М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2 (57). С. 213–217.

5. Костенко, К. А. Основные задачи мониторинга СМИ и информационно-телекоммуникационной сети Интернет в Следственном комитете РФ // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 56–58.

6. Казна и бюджет / Р. Е. Артюхин, А. В. Богданова, Ю. В. Гинзбург и др. ; отв. ред. Д. Л. Комягин. М. : Наука, 2014. 501 с.

7. Ильянова, О. И. Проблемные вопросы распространения негативной информации о деятельности сотрудников органов внутренних дел в сети Интернет // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 4. С. 554–560.
8. Каданцева, Н. П. Имидж сотрудников органов внутренних дел России: история и направления развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3. С. 183–186.
9. Копцов, С. В. Негативное отношение к сотрудникам полиции в общественном мнении: сущность, причины, направления противодействия проблеме // Человек. Общество. Инклюзия. 2015. № 4 (24). С. 33–38.
10. Кубякин, Е. О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-seti-internet-kak-sotsialnaya-problema/viewer> (дата обращения: 18.10.2025).
11. Смаилов, О. Х. Взаимодействие правоохранительных органов и средств массовой информации // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2019. № 3. С. 60–67.
12. Тишутина, И. В. Организационные и тактические аспекты взаимодействия правоохранительных органов со средствами массовой информации в условиях цифровизации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 3. С. 27–34.

REFERENCES

1. Demidov, N. N. Obshchestvennyj kontrol' za deyatel'nost'yu policii glazami naseleniya i sredstv massovoj informacii. [Public Control over Police Activities through the Eyes of the Public and the Media]. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii – Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, vol. 47, no. 4, pp. 14-19. (In Russ.).
2. Naumenko, T. V. „Chetvertaya vlast'“ kak sociologicheskaya kategoriya [“The Fourth power” as a sociological category]. Zhurnal'nyj klub Intelros.Magazine – Club Intelros. 2007, no. 2. URL: http://www.intelros.ru/2007/07/06/print:page,1,tv_naumenko_chetvertaja_vlast_kak_sociologicheskaja_kategorija.html [Accessed 8 October 2025]. (In Russ.).
3. Olshevskaya, A. V., Kurbatova, O. V. Rassmotrenie organami vnutrennih del obrashchenij grazhdan i soobshchenij v SMI [Consideration by internal affairs bodies of citizens' appeals and media reports]. Administrativnoe pravo i process – Administrative law and process. 2013, no. 12, pp. 52-54. (In Russ.).
4. Yanbukhtin, R. M. Pravoohranitel'nye organy i SMI: problemy i principy vzaimodejstviya [Law enforcement agencies and the media: problems and principles of interaction]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of Theory and Practice. 2015, vol. 57, no. 7-2, pp. 213-217. (In Russ.).
5. Kostenko, K. A. Osnovnye zadachi monitoringa SMI i informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet v Sledstvennom komitete of the Russian Federation [The Main Tasks of Monitoring the Media and the Information and Telecommunication Network Internet in the Investigative Committee of the Russian Federation]. Rossijskaya yusticiya – Russian Justice. 2020, no. 5. pp. 56-58. (In Russ.).
6. Artyukhin R. E., Bogdanova A. V., Ginzburg Yu. V. (et al.) Komyagin D. L. (by ed.).

[Kazna i byudzhnet] Treasury and Budget. Moscow, 2014. 501 p. (In Russ.).

7. Ilyanova, O. I. Problemnnye voprosy rasprostraneniya negativnoj informacii o deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennih del v seti Internet [Problematic Issues of the Spread of Negative Information about the Activities of Internal Affairs Officers on the Internet]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment. 2019, vol. 27, no. 4, pp. 554-560. (In Russ.).

8. Kadantseva, N. P. Imidzh sotrudnikov organov vnutrennih del Rossii: istoriya i napravleniya razvitiya [Image of Employees of Internal Affairs Bodies of Russia: History and Directions of Development]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012, no. 3, pp. 183-186. (In Russ.).

9. Koptsov, S. V. Negativnoe otnoshenie k sotrudnikam policii v obshchestvennom mnenii: sushchnost', prichiny, napravleniya protivodejstviya problem [Negative Attitude Towards Police Officers in Public Opinion: Essence, Causes, and Ways to Counter the Problem]. Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Man. Society. Inclusion. 2015, vol. 24, no. 4, pp. 33-38. (In Russ.).

10. Kubyakin, E. O. Molodezhnyj ekstremizm v seti Internet kak social'naya problema [Youth Extremism on the Internet as a Social Problem]. Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Thought. 2011, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-seti-internet-kak-otsialnaya-problema/viewer> [Accessed 18 October 2025]. (In Russ.).

11. Smailov, O. Kh. Vzaimodejstvie pravoohranitel'nyh organov i sredstv massovoj informacii [Interaction of Law Enforcement Agencies and Mass Media]. Vestnik Akademii pravoohranitel'nyh organov pri General'noj prokurature Respubliki Kazahstan – Vestnik of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. 2019, no. 3, pp. 60-67. (In Russ.).

12. Tishutina, I. V. Organizacionnye i takticheskie aspekty vzaimodejstviya pravoohranitel'nyh organov so sredstvami massovoj informacii v usloviyah cifrovizacii [Organizational and tactical aspects of interaction of law enforcement agencies with mass media in the conditions of digitalization]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya of Tula State University. Economic and legal sciences. 2021, no. 3, pp. 27-34. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шашин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, докторант. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, проспект Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT OF THE AUTHOR

Shashin Daniil Georgievich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, postdoctoral student. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 7 Komarova Avenue, Omsk, 644092.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 22.01.2026.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 258-267.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 258-267.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.54

**ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ
 И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
 (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**Шумский Виктор Васильевич¹, Ткаченко Владимир Васильевич², Колениченко
 Василий Васильевич³**

¹⁻³Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород,
 Российская Федерация

¹shumskvic121968@yandex.ru

²tkachenkovlad@yandex.ru

³koleni4enko77@mail.ru

Введение. В статье представлена характеристика профилактики преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних (на примере Белгородской области).

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, эмпирическую основу исследования – статистические и аналитические материалы по Белгородской области, осуществление практической деятельности полиции.

Результаты исследования. В результате исследования установлено, что совершение противоправных деяний такого рода не является новой проблемой, а по-прежнему остается порочным социальным явлением как в России, так и в остальном мире. Проведенный анализ на примере Белгородской области позволил выявить тенденции и определенные показатели социально-демографических характеристик как потерпевших несовершеннолетних, так и преступников.

Выявлены факторы, которые препятствуют несовершеннолетним информировать о произошедшем законных представителей и порождают латентность такого рода преступлений, выработаны рекомендации действий для родителей и несовершеннолетних, переживших насилие.

Выводы и заключения. Исследованы отдельные проблемы правового характера, не позволяющие в полной мере контролировать лиц, склонных к совершению обозначенных преступлений.

Обращено внимание на изменение механизма контроля за социально опасной категорией лиц, осуществление профилактики преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних посредством мер, принимаемых как со стороны субъектов государственной системы профилактики, так и родителей (законных представителей). Акцент сделан на использовании информационных технологий.

Ключевые слова: половая свобода и неприкосновенность несовершеннолетних, несовершеннолетние потерпевшие, органы внутренних дел, профилактика, жертвы насилия в семье

Для цитирования: Шумский, В. В., Ткаченко, В. В., Колениченко В. В. Профилактика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних (на примере Белгородской области) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России 2026. № 1 (116). С. 258-267.

5.1.4 Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

PREVENTION OF CRIMES AGAINST SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INTEGRITY OF MINORS (USING THE EXAMPLE BELGOROD REGION)

Viktor V. Shumskiy¹, Vladimir V. Tkachenko², Vasily V. Kolenichenko³

¹⁻³Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation

¹shumskvic121968@yandex.ru

²tkachenkovlad@yandex.ru

³koleni4enko77@mail.ru

Introduction. The article examines the preventive measures against crimes targeting the sexual freedom and sexual integrity of minors, drawing on data from the Belgorod region.

Materials and Methods. The methodological framework of the study relies on general and specialized scientific methods. The empirical basis includes statistical and analytical data from the Belgorod region, as well as records of law enforcement operations.

The Results of the Study. The study established that such offenses are not a new phenomenon but remain a pervasive social issue both in Russia and globally. The analysis, focused on the Belgorod region, identified specific trends and socio-demographic profiles of both juvenile victims and offenders. The research highlighted factors that deter minors from reporting incidents to their legal representatives, thereby contributing to the latent nature of

these crimes. Finally, the authors developed actionable recommendations for parents and minors who have experienced violence.

Findings and Conclusions. The study examines specific legal challenges that hinder the effective monitoring of individuals predisposed to committing such offenses. The authors emphasize the need to transform control mechanisms for socially dangerous individuals and to implement preventive measures involving both state authorities and parents (legal representatives). Special focus is placed on the integration of information technology into the prevention system.

Keywords: sexual freedom and inviolability of minors, minor victims, law enforcement agencies, prevention, victims of domestic violence

For citation: Shumskij, V. V., Tkachenko, V. V., Kolenichenko V. V. Profilaktika prestuplenij protiv polovoj svobody i polovoj neprikosновенности несовершеннолетних (na primere Belgorodskoj oblasti) [Prevention of crimes against sexual freedom and sexual integrity of minors (using the Belgorod region as an example)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 258-267. (In Russ.).

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних сегодня являются острой проблемой как в России, так и в других странах мира. С каждым годом происходит рост количества таких преступлений.

В нашей стране признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, при этом осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц. Защита прав и интересов несовершеннолетних возлагается на их родителей.

Проведенный УМВД России по Белгородской области анализ преступлений с 2019 по 2025 год показал, что возросло количество преступных посягательств в отношении несовершеннолетних.

Самой актуальной, социально резонансной и психологически опасной является проблема увеличения фактов сексуального насилия в отношении несовершеннолетних. За последние пять лет данный показатель вырос в пять раз (таблица).

Таблица

Динамика количества преступных посягательств в отношении несовершеннолетних

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего преступлений в отношении несовершеннолетних	515	462	682	766	805	780	827
Против половой свободы и неприкосновенности	52	54	133	170	352	252	273

Процесс вовлечения несовершеннолетнего в сексуальные действия происходит постепенно и может длиться достаточно продолжительный период времени.

Так, по итогам анализа установлено, что из 252 преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, выявленных на территории Белгородской

области, в 2024 году зафиксировано 60 или 23 % от общего количества, а остальные 192 – ранее, в период с 2014 по 2023 год¹.

Дети, которые явились свидетелями насилия либо подверглись ему, могут иметь серьезные проблемы со здоровьем, высокий риск приобретения таких эмоциональных поведенческих проблем, как тревожность, депрессия, сложность во взаимоотношениях с другими людьми на протяжении дальнейшей жизни, склонность к проституции, употреблению спиртных напитков или наркотиков.

Сексуальное насилие – это любой нежелательный или незаконный сексуальный контакт или поведение. Сексуальное насилие многогранно. Демонстрация порнографии или половых органов ребенку, нежелательные прикосновения (шлепки и щипки), понуждение к раздеванию, а также вовлечение ребенка с его согласия и без него в сексуальные действия взрослыми – все это формы сексуального насилия в отношении детей.

Общая профилактика данной категории преступлений начинается с выявления криминогенных факторов, на основании чего строится планирование мероприятий, направленных на предупреждение этих общественно опасных деяний [1, с. 294].

Согласие ребенка на сексуальный контакт не дает основания считать его ненасильственным, поскольку несовершеннолетний не обладает свободой воли и не может предвидеть все негативные последствия для себя.

В научных исследованиях установлено, что большинство насильственных преступлений данной категории совершено в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [2, с. 122].

Преступления данной категории носят латентный характер и могут не выявляться в течение длительного времени [3, с. 446].

При выявлении одного факта сотрудники полиции и следственного комитета прикладывают максимум усилий к установлению всех фактов противоправных деяний, в том числе и в прошлые годы.

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности закреплены в главе 18 Уголовного кодекса Российской Федерации: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиями сексуального характера, половое сношение и иные действия с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, развратные действия.

Практика показывает, что среди лиц, совершивших изнасилование или иное преступление сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, высок процент ранее судимых за аналогичные преступления [4, с. 50].

Особое место занимают преступления в семьях, совершенные отцами, отчимами, сожителями матерей. Девочки не желают рушить личную жизнь своих матерей, боятся обвинений, что сами спровоцировали внимание сожителей, отчимов.

Если обратиться к истории этого вопроса, то Церковный Устав князя Ярослава, датирующийся XII веком, содержал нормы, согласно которым запрещалось

¹ Методические рекомендации УМВД России по Белгородской области от 31 марта 2025 № 95/384 по теме «Профилактика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних». Режим доступа: ограниченный.

сожителство приемного родителя с падчерицей, усыновленного – с мачехой, отца – с дочерью. В данных положениях нет указаний на возраст объектов инцеста, однако есть основания полагать, что половая неприкосновенность несовершеннолетних все же находилась под защитой [5, с. 266].

В Средние века на Руси девочек отдавали замуж с 12 и до 18–19 лет. Уложение 1845 года было первым законодательным актом, в котором имелось указание на «добровольность» вступления в интимные отношения. Между тем вовлечение в сексуальные отношения малолетних в возрасте 13–14 лет не допускалось. Такие действия считались насильственными, даже если они совершались по взаимному согласию [6, с. 34].

Сексуальное насилие в семье – это посягательство какого-то члена семьи на половую неприкосновенность ребенка. Все они возникают из-за недопонимания простой истины – все это удовлетворение собственных прихотей и нужд за счет ущемления интересов другого человека, что недопустимо и преследуется по закону.

Пострадавшие не обращаются в полицию по многим причинам: боязнь психологической травмы, связанной с расследованием, страх распространения информации в школе, среди родственников и знакомых, а также страх за свою жизнь и т. д. Безнаказанность толкает преступников на совершение новых преступлений.

Ю. М. Антонян отмечает, что сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних чаще всего совершают лица, имеющие семью или постоянного сексуального партнера, но эти половые отношения по разным причинам не приносят им удовлетворения [7, с. 247].

В 94 % случаев сексуальное насилие совершает не постороннее лицо, а человек, которого жертва хорошо знает и доверяет ему. В 2024 году на территории Белгородской области более половины, то есть 130 преступлений, совершены в семьях, 19 – знакомыми родственниками несовершеннолетних, 51 – лицами, с которыми потерпевшие состояли в отношениях (встречались), 13 – лицами, проживающими с несовершеннолетними по соседству.

Например, в одном из районов области в 2024 году выявлено шесть эпизодов преступных посягательств дяди в отношении племянницы, которые длились с 2014 по 2019 год (на момент совершения первого преступления несовершеннолетней было 8 лет).

В другом случае в полицию обратилась мать о защите прав несовершеннолетней дочери. Было установлено 39 преступлений рассматриваемой категории, совершенных отчимом в отношении падчерицы за период с июля 2023 по февраль 2024 года.

Позиция правоохранительных органов, иных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних однозначно сводится к тому, что о любом случае сексуальных домогательств или насилия ребенок должен всегда рассказывать родителям, близким людям. Даже если насильником оказался родственник или лицо, проживающее на правах родственника, то сообщать об их преступлениях следует незамедлительно в органы охраны правопорядка.

Ежегодно в Белгородской области выявляются преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых лицами старше 60 лет.

В частности, друг семьи 1959 года рождения на протяжении пяти лет периодически совершил более 50 насильственных действий сексуального характера в отношении девочки 2011 года рождения.

Статистика показывает, что чаще всего насилию подвергаются девочки, нежели мальчики: в 2024 году 93 % (85 человек женского и 6 – мужского пола). Возраст, в котором ребенок подвергся насилию в 2024 году: 64 % в возрасте от 12 до 16 лет, 36 % – от 6 до 11,2 % – от 3 до 6 лет. Сексуальное насилие в 2024 году над детьми в 99 % случаев совершают мужчины следующих возрастных категорий: 70 % – от 18 до 40 лет (52 человека), 12 % – от 41 до 50 лет (девять человек), 16 % – от 51 года и выше (12 человек)².

Одним из показателей социально-демографических характеристик потерпевшего является его возраст. Это период развития человека с определенными изменениями в физических и психических процессах, зависящих от особых законов в их протекании [8, с. 23].

У несовершеннолетнего могут быть самые разные причины молчать о совершенном в отношении него противоправном деянии сексуального характера. Взрослый, выстраивая доверительные отношения с ним, под видом заботы может нарушить личные границы ребенка, который в силу возрастных особенностей в целом не может распознать подобные действия как противоправные, так как по этому поводу в его сознании не сформированы определенные нормы и отсутствует словарный запас для описания происходящего.

Жертве внушают, что это общий «секрет», о котором не следует никому рассказывать, убеждают хранить секрет. Ребенок порой на уровне интуиции осознает, что совершаемые в отношении него действия недопустимы, но не всегда решается рассказать кому-то.

Довольно часто взрослый внушает ребенку чувство вины, что это расстроит маму. В случаях, когда ребенок пытается уйти от насилия, взрослый меняет стратегию и начинает угрожать ребенку, шантажирует распространить личные сведения среди друзей ребенка, в социальной сети, рассказать родителям.

Есть дополнительные факторы, которые мешают детям рассказать о произошедшем близким:

- ребенку может быть стыдно обратиться за помощью;
- отсутствие доверительных отношений в семье, ребенок не привык делиться с родителями своими трудностями и переживаниями;
- родителям неинтересны сложности ребенка, они слишком заняты на работе.

Существует распространенная схема посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних в социальных сетях. Преступник, создавая иллюзию «лучшего друга», убеждает ребенка в необходимости «быть взрослым», в том числе скрывать какую-либо информацию от родителей, после чего происходит виртуальное общение на сексуальную тему. В итоге добивается того,

² Методические рекомендации УМВД России по Белгородской области от 31 марта 2025 г № 95/384 по теме «Профилактика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних». Режим доступа: ограниченный.

чтобы несовершеннолетний разделся или совершил действия сексуального характера перед веб-камерой. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обеспечить получение им основного общего образования, а также защищать права и интересы своих детей.

За воспитание и развитие несовершеннолетних несут одинаковую ответственность оба родителя, вне зависимости от их нахождения. Родители не должны допускать какое-либо насилие по отношению к детям, использовать неприемлемые методы воспитания, грубое, пренебрежительное отношение.

Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает различные виды ответственности законных представителей: уголовно-правовую, административную, гражданско-правовую и предусмотренную Семейным кодексом Российской Федерации.

С учетом изложенного родителям необходимо дать следующие рекомендации по действиям, если им стало известно, что ребенок пережил насилие:

- необходимо сохранять спокойствие, так как дети не решаются рассказать о случившемся из-за боязни эмоций взрослых;
- не стоит допускать критики: ребенок должен понимать, что взрослый на его стороне. Не нужно забывать, что согласие ребенка на сексуальный контакт не дает оснований считать его ненасильственным;
- нужно понимать, что ребенок пострадал от насилия, он не виноват и ему нужны помощь и поддержка;
- если опасения подтвердились, необходимо незамедлительно сообщить об этом в правоохранительные органы, а ребенку должна быть оказана профессиональная психологическая, медицинская и иная помощь.

В 2021 году предлагались изменения в ст. 99 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая должна быть дополнена новым видом принудительных мер медицинского характера – химической кастрацией путем введения в организм препаратов, которые подавляют сексуальное влечение³. Однако законодательная инициатива так и осталась нереализованной. Вместе с тем ряд исследователей (А. А. Игнатова [9, с. 18], Е. В. Лоба [10, с. 144] и другие) высказывались о неоспоримой необходимости введения химической кастрации как меры наказания и в российское уголовное законодательство.

Таким образом, недопущение совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних в настоящее время является актуальной проблемой как в Российской Федерации, так и во всем мире, и только ее комплексное решение – всестороннее взаимодействие между семьей, образовательными организациями, органами власти и общественностью – обеспечит снижение случаев совершения таких преступлений.

³ Закон о химической кастрации педофилов готовят к внесению // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1078418/2020-10-26/zakon-o-khimicheskoi-kastracii-pedofilov-gotoviat-k-vneseniiu> (дата обращения: 01.02.2024).

Весьма эффективным, учитывая развитие информационных технологий, представляется осуществлять постоянный мониторинг социальных сетей, пабликов, цифрового пространства в Интернете на предмет нахождения информации о попытках совершения половых посягательств,

Кроме того, необходимо активно вести пропаганду нормальных половых отношений, половое просвещение в образовательных организациях (в советский период школьная программа старших классов содержала отдельный предмет «Этика и психология семейной жизни»), в том числе с использованием средств массовой информации и современных информационных технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новикова, Е. П. Основные направления профилактики преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 291–295.

2. Темникова, Н. В. Предупреждение преступлений поднадзорных лиц : дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М., 2016. 204 с.

3. Гусарова, М. В. Преступления сексуальной направленности как вид латентной преступности (факторы формирования и пути минимизации) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 4 (38). С. 442–447.

4. Абдуллаев, Я. Д., Архипов, А. Ю. К вопросу о необходимости совершенствования отдельных элементов механизма превентивного контроля в отношении ранее судимых за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 47–54.

5. Ходырева, А. В. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: исторический и правовой аспект // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 265–267.

6. Антонян, Ю. М. Почему люди совершают преступления? Причины преступности. М. : Камерон, 2005. 304 с.

7. Маслак, С. Н. История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4. С. 33–41.

8. Биктина, Н. Н., Баймешова, А. Б. К проблеме виктимности личности подростка в современных исследованиях: сущность, виды, факторы возникновения и причины проявления // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. С. 23–29.

9. Игнатова, А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.

10. Лоба, Е. В. Еще раз о кастрации как «рецепте» борьбы с педофилией // Право и образование. 2014. № 1. С. 142–146.

REFERENCES

1. Novikova, E. P. Osnovnye napravleniya profilaktiki prestuplenij, posyagayushchih na polovuyu neprikosновенность i polovuyu svobodu nesovershennoletnih [The main directions of prevention of crimes that infringe on the sexual integrity and sexual freedom of minors]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. Voronezh, 2014, no. 2, pp. 291-295. (In Russ.).

2. Temnikova, N. V. Preduprezhdenie prestuplenij podnadzornyh lic: diss. na soisk. k.yu.n. [Prevention of crimes of supervised persons: diss. for the Candidate of Law degree]. Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina - Moscow State Law University named after O.E. Kutafin MSAL. Moscow, 2016, 204 p. (In Russ.).

3. Gusarova, M. V. Prestupleniya seksual'noj napravlennosti kak vid latentnoj prestupnosti (faktory formirovaniya i puti minimizacii) [Sexual crimes as a type of latent criminality (factors of formation and ways of minimization)]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Kazan, 2019, vol. 38, no. 4, pp. 442-447. (In Russ.).

4. Abdullaev, Ya. D., Arhipov, A. Yu. K voprosu o neobходимости sovershenstvovaniya otдел'nyh elementov mekhanizma preventivnogo kontrolya v otnoshenii ranee sudimyh za prestupleniya protiv polovoj svobody i neprikosновенности nesovershennoletnih [On the need to improve certain elements of the preventive control mechanism in relation to those previously convicted of crimes against sexual freedom and inviolability of minors]. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii - Vestnik of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Nizhny Novgorod, 2024, vol. 66, no. 2, pp. 47-54. (In Russ.).

5. Hodyreva, A. V. Prestupleniya protiv polovoj neprikosновенности nesovershennoletnih: istoricheskij i pravovoj aspekt [Crimes against the sexual integrity of minors: historical and legal aspects]. Molodoj uchenyj - Young Scientist, Kazan, 2020, no. 43 (333), pp. 265–267. (In Russ.).

6. Antonyan, Yu. M. Pochemu lyudi sovershayut prestupleniya? Prichiny prestupnosti [Why do people commit crimes? Causes of crime]. Moscow, 2005, 304 p. (In Russ.).

7. Maslak, S. N. Istoriya stanovleniya i razvitiya otechestvennogo ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prestupleniya protiv polovoj neprikosновенности i polovoj svobody lichnosti [The history of the formation and development of domestic criminal legislation on liability for crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii - Vestnik of Krasnodar university of the Ministry of the Interior of Russia. Krasnodar, 2010, no. 4, pp. 33-41. (In Russ.).

8. Biktina, N. N., Bajmeshova, A. B. K probleme viktимности lichnosti podrostka v sovremennyh issledovaniyah: sushchnost', vidy, faktory vozniknoveniya i prichiny proyavleniya [To the problem of adolescent personality victimization in modern research: the essence, types, factors of occurrence and causes of manifestation]. Sovremennye problemy

nauki i obrazovaniya. - Modern problems of science and education. Moscow, 2015, no. 2-2, pp. 23-29. (In Russ.).

9. Ignatova, A. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za nenasil'stvennyye posyagatel'stva na polovuyu neprikosnovennost' lic, ne dostigshih shestnadcatiletnego vozrasta: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Criminal liability for nonviolent attacks on the sexual integrity of persons under the age of sixteen: abstract for the Candidate of Law degree]. Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. - Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation. Moscow, 2015, 26 p. (In Russ.).

10. Loba, E. V. Eshche raz o kastracii, kak „recepte“ bor'by s pedofiliej [Once again about castration as a recipe for combating pedophilia]. Pravo i obrazovanie - Law and education. Moscow, 2014, no. 1, pp. 142-146. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шумский Виктор Васильевич, старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел. Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Ткаченко Владимир Васильевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел. Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Колениченко Василий Васильевич, старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел. Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shumskiy Viktor Vasilyevich, Senior Lecture of the management and administrative activities department of Putilin. Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia. 71 Gorky St., Belgorod, 308024.

Tkachenko Vladimir Vasilyevich, Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the management and administrative activities department of Putilin. Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia (Belgorod). 71 Gorky St., Belgorod, 308024.

Kolenichenko Vasily Vasilyevich, Senior Lecture of the management and administrative activities department of Putilin. Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, 71 Gorky St., Belgorod, 308024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.
16. При поступлении научного материала заявки на опубликование лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта) редакционная

коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале, о направлении рукописи автору на доработку, об отклонении.

25. О принятом решении об отклонении рукописи автор уведомляется посредством электронной почты или факсимильной связи.

26. В случае принятия решения о направлении рукописи автору на доработку к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – пять страниц печатного текста (не включая аннотации и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – пятнадцать страниц печатного текста (не включая аннотации и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: PT Astra Serif.

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливается «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не** представляются как сканированное изображение.

В тексте научного материала отсылки заключают в квадратные скобки с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*). Список источников оформляется в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.5–2008** (обязательно *с указанием издающей организации (издательства) и полного количества страниц*). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.7–2021**. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (*нумерация сквозная*).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны быть отражены следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной

методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

Порядок направления рукописей и издания журнала

Для опубликования в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, согласие на обработку персональных данных, а также подписанный автором лицензионный договор.

Документы представляются в редакцию журнала в электронном виде (через личный кабинет на сайте журнала <https://vestnikesiirk.ru>).

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта <https://vestnikesiirk.ru>.

=====
ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
=====

**ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ**

Научно-практический журнал
№ 1 (116) 2026

Редактор С. В. Капранова
Верстка: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

РИГ ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110